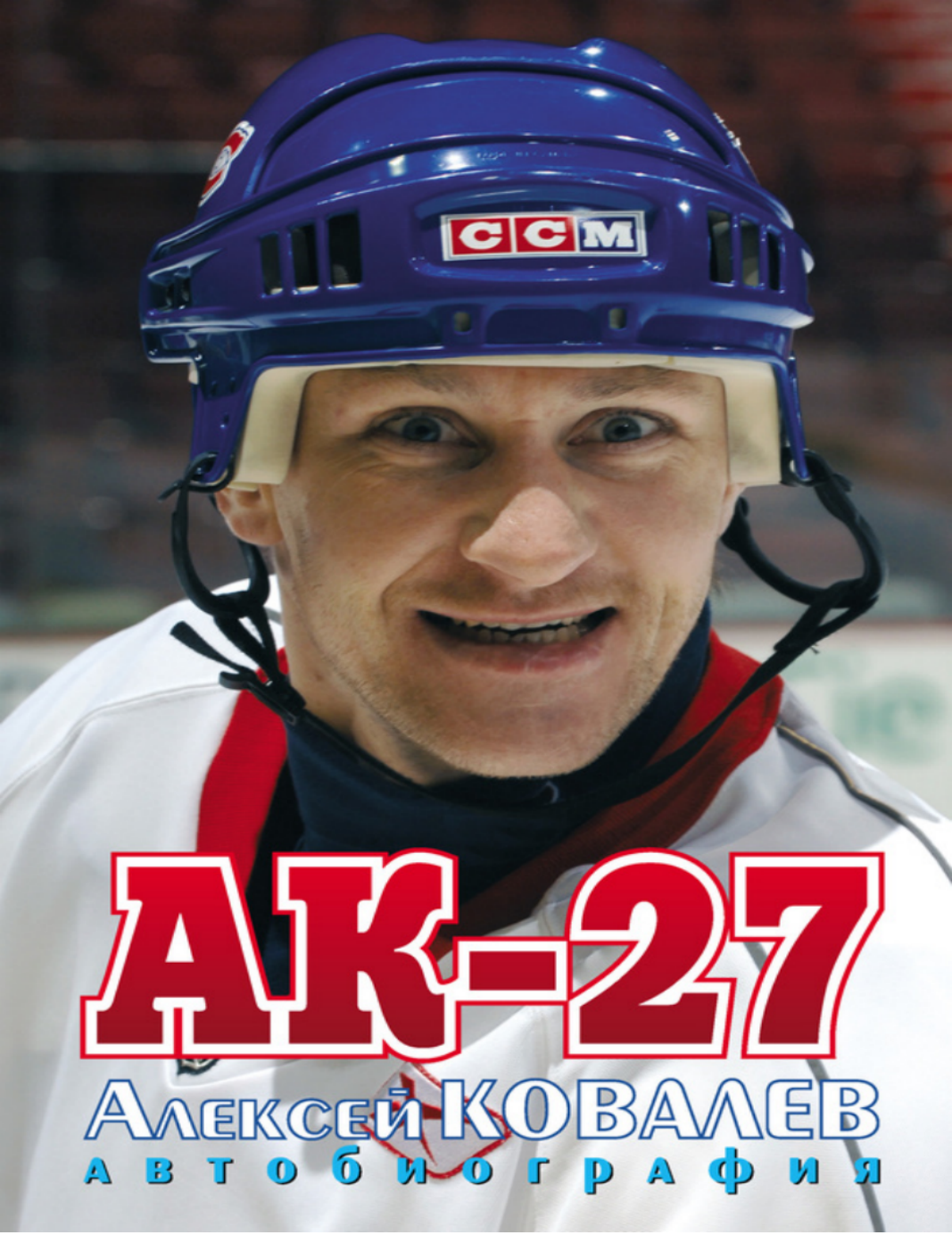


АК-27

Алексей КОВАЛЕВ

автобиография

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

27 – мой игровой номер. Уже и не вспомню, почему его взял. Он мне сразу чем-то понравился. Может, потому, что семерка – счастливое число, а 27 – это дважды семь. Этот номер все уже связывают со мной. И мне приятно так выделяться. Когда даю автограф болельщикам, ставлю рядом 27. Это число у меня на номере машины, среди цифр телефона, штамповано на клюшках. И поэтому я решил что в моей автобиографии должно быть 27 глав. Это словно мой публичный дневник. Когда-нибудь, ближе к ста годам, я сяду в кресле-качалке у камина, стану перелистывать свою жизнь по страницам. И удивлюсь: черт возьми, мне есть, что вспомнить!

- Алексей Ковалев
  - Ковалев, которого мы знаем
  - Детство
  - Динамовская общага
  - Через тернии к звездам
  - Альбервилль
  - Открытие Америки
  - «Рейнджерс»
  - Два раза в ту же реку
  - «Питтсбург»
  - «Монреаль»
  - Солт-Лейк-Сити
  - Турин
  - «Ак Барс»
  - Гретцки, Мессье, Лемье, Ягр
  - Энхаэловцы воюют с ФХР
  - Тактика сборных мирал
  - Мой рабочий день
  - Родители
  - Женя
  - Дети
  - Гольф
  - Самолеты
  - Аккордеон, саксофон, акваланг
  - Путешествия
  - Нью-Йорк
  - Мой друг Ддрюс Каспарайтис
  - Как шутят в НХЛ
  - Мои цифры

○ Послесловие
○ Статистика. Личное дело

Алексей Ковалев
АК-27. Автобиография

Ковалев, которого мы знаем

Если разобраться, у каждого из нас – свой Алексей Ковалев. Болельщики со стажем помнят молодого форварда, которого наставник «Динамо» Владимир Юрзинов выставил против энхаэловцев из «Монреаля». «Ставку на него делать было рано – убьют еще, не дай бог. Так Ковалев обиделся на меня на всю жизнь! Не знаю, сейчас простил? Он уже в 17 лет был уверен, что выйдет на лед и порвет этих канадцев!», – улыбается тренер.

Другие вспоминают золотую Олимпиаду в Альбервилле. За два месяца до начала турнира распался СССР. Объединенная команда СНГ не имела родной символики, но не потеряла своего лица. В той команде играл молодой Алексей Ковалев, а вожаком был Вячеслав Быков, нынешний главный тренер сборной России. «В команду пришли талантливые ребята с горящими глазами и с огромным желанием покорить хоккейный мир. Лешка был одним из них. Наша страна тогда переживала сложный период. Но парни вроде Ковалева контрастировали с теми, кто ударился в депрессию. Он чувствовал, что у него появился шанс. Рано? Пожалуй. Ковалеву даже 19 лет не исполнилось. Но он сумел доказать, что имеет право наместо среди элиты», – это уже слова Быкова.

Третьим Ковалев запомнился по финалу Кубка Стэнли-1994. Тогда впервые в нашей стране самые главные матчи НХЛ показывали по национальному телевидению – трансляцию вела компания РТР. Очень яркое зрелище, тот финал заслуженно считается лучшим в лиге за последние 15 лет. И русские в хоккейном спектакле совсем не были статистами из массовки. Павел Буре блистал в составе «Ванкувера», а за «Рейнджере» билась четверка богатырей – Сергей Немчинов, Александр Карповцев, Сергей Зубов и Алексей Ковалев. «Если бы не они, мы бы точно не выиграли Кубок Стэнли!» – уверен знаменитый Марк Мессье, который был капитаном тех «Рейнджеров».

С другой стороны, Алексей Ковалев для всех нас – один. Форвард, который подхватывает шайбу, играет с ней, как кот с клубком, обводит по головокружительной траектории всех, кто попадется на пути, – форвардов, защитников, вратаря. Скажешь про такого – виртуоз, и слово покажется сухим и банальным. Красоту его искусства так просто не перескажешь. Это надо видеть, смаковать. Идти на стадион. И приводить с собой детей. Чтобы те через много лет рассказывали своим детям, что вживую видели, как играет Ковалев.

Те, кто много общаются с Алексеем, говорят – от Ковалева заряжаешься энергией. Хочется вслед за ним сесть за штурвал

самолета, нырнуть с аквалангом в Черное море. Как минимум, подтянуть английский язык, на который раньше не находилось времени. А вот Ковалева хватает на все. Я сам это почувствовал, когда мы вместе писали книгу.

Уж не знаю, как Ковалев разгребал время в своем загруженном графике. Но он вырывал по два часа в день, мы сидели в московском или монреальском кафе, иногда у него дома. Я задавал вопросы, а Алексей все говорил, говорил… По сути, автобиография у него давно созрела в голове. Мне оставалось ее только записать – именно тем языком, которым рассказывал Ковалев, с присущими ему словечками и оборотами. Свести воедино темы – хоккей, увлечения, семью. Мы разложили все по полочкам, и получилось как раз 27 глав. Символично – под этим номером Ковалев всю жизнь выходит на лед. Поэтому книга называется «АК-27».

Наверное, это только ее первая часть. Планы у Ковалева наполеоновские – играть в хоккей до 50 лет, стать первым человеком, который провел 2000 матчей в НХЛ, выиграть золото чемпионата мира и помочь сборной России на Олимпиаде в Ванкувере. Когда мы вместе с коллегой Геной Богуславским рассказали патриарху канадской журналистики Рэду Фишеру о том, что Ковалев собирается побить рекорд Горди Хоу по количеству матчей за карьеру, глаза 80-летнего репортера стали больше, чем линзы в его роговых очках. «No way!» – воскликнул Фишер. «Ни за что!». Но если Ковалев снова выкинет что-то эдакое и опровергнет слова журналиста, который повидал все за свою жизнь, я нисколько не удивлюсь.

Прежде чем читать эту книгу, советую вообразить следующую картину – вы сидите с Ковалевым за столиком в ресторане. Заболтались о жизни, спешить некуда. Алексей разговорился и выкладывает вам, как старому товарищу, что накопилось у него на душе. Вобщем-то, это даже не автобиография, а откровенный монолог Ковалева – великого спортсмена, которым может гордиться Россия (это снова цитата из Быкова). Человека, который избрал своим девизом изречение: «Жизнь для того, чтобы жить».

Павел ЛЫСЕНКОВ,

редактор международного отдела «Советского спорта»

Детство

Первые коньки. – Каток в кинотеатре. – Порок сердца. – Самопальная форма.

С чего началось мое увлечение хоккеем? Со двора, конечно! Там я, едва исполнилось четыре года, начал с пацанами с утра до вечера гонять шайбу. Когда чуть подрос, стал ходить на стадион «Торпедо», где зимой заливали футбольное поле. Не могу сказать, что уже тогда влюбился в хоккей. Совсем нет. Коньки надевал неохотно. Они были неудобными, голеностопы можно сломать. Играл и мучился. А потом пришла в голову замечательная идея: у меня же сестра занимается фигурным катанием! Ну-ка, на ее коньки попробую встать. И знаете, дело пошло. Сначала как все начинающие, я не катился, а шел по льду, держась за бортик. Потом поехал. Лезвия у новых коньков были широкими, балансировать на них стало легче.

Мой товарищ Андрей был старше, занимался в хоккейной секции. Я ходил за ним хвостиком, смотрел тренировки. Какой-то интерес начал просыпаться. Но себя на его месте до поры до времени не представлял. Пока однажды не спросил: «А мне записаться в секцию можно?». Андрей поначалу серьезно мой порыв не воспринял. Но пожал плечами и сказал: «Если хочешь, я тебя с тренером познакомлю». Я кивнул головой: «Давай».

Тренера звали Вячеслав Иванов. Он посмотрел на меня, шестилетнего мальчика. И велел получить разрешение от родителей: «Приводи папу или маму. Я с ними побеседую. Если хочешь заниматься хоккеем, этому делу нужно уделять много времени. А тебе в школу скоро идти. Как будешь совмещать

секцию и уроки? Тем более я занимаюсь с пацанами, которые на год тебя старше».

Дома я подошел к папе: так и так, хочу играть в хоккей. Отец всегда стремился к тому, чтобы я не по дворам шлялся, а занимался спортом. Приучал меня к борьбе, к тяжестям. Папа сам этим в молодости занимался. Хотел сделать из меня штангиста, но я его опередил. «Тренер хочет с тобой поговорить». – «Что ж, хоккей так хоккей. Пошли в секцию». Разговор прошел удачно, и Иванов велел прийти мне через несколько месяцев – в июле, когда детская команда начинала подготовку к новому сезону.

Хорошо это помню. Лето. Мы с отцом идем на первое занятие. Ребята тренируются «на земле». Тренер жестом показывает: «Присоединяйся!». Понравилось. Через две недели перешли на лед. Папа к тому времени достал мне новые коньки. Они плохенькими были, ногу совсем не держали. Но отец взял толстую кожу и обшил ей задники ботинок. Совсем другое дело! На первой ледовой раскатке я точно не был худшим. Одна проблема – по привычке пытался отталкиваться носками, как на фигурках. Никак не мог перестроиться.

Отец на меня из-за борта кричал, да и тренер указывал: «Не толкайся, не толкайся носками!». Несколько дней ушло на то, чтобы выучить эту прописную истину.

Постепенно поймал ритм. Через месяц меня начали ставить в пример другим ребятам. Останавливали детей, просили меня пробежать по кругу, чтобы все посмотрели: вот какое гладкое катание! Потом уже я много работал с конькобежцами, фигуристами. И постепенно приблизился к тому, что сейчас специалисты называют «фирменным стилем Ковалева». Он в шесть лет начал зарождаться.

Помню еще, Иванов раздал нам листки бумаги и велел к следующему занятию написать, кем мы хотим быть по амплуа. Мол, ему нужно разбить ребят по звеньям, чтобы сформировать команду. Я, конечно, решил стать форвардом! Зачем лезть в ворота или кататься в защите, если забивать голы – это самое интересное?

В девять лет на меня обратил внимание Владимир Гуженков, который тренировал группу 1970 года рождения. Его слова: «Талант у парня есть, а если он будет заниматься с ребятами, которые на три года старше, станет быстрее прогрессировать». Я ходил в третий класс, но среди шестиклассников не терялся. Всегда был крепышом. Старые фотографии смотрю – на полголовы выше ровесников. В новом коллективе освоился быстро.

Но и свою старую группу бросать не хотел. Ездил и с ними на

турниры, с одного занятия бежал на другое. А потом еще на улице катался. Такой азарт был, что мог по шесть часов в день рубиться в хоккей. А летом, в межсезонье, записывался в другие секции – плавание, футбол. Был и вратарем, и нападающим. Гонял мяч так усердно, что тренер всерьез советовал перейти к ним. Видел во мне хорошие задатки футболиста.

Но я уже влюбился в хоккей. Во дворце спорта занималось много групп. Лед нам давали или в шесть утра, или ночью: в спорткомплексе ведь еще и кино крутили! И вот когда в полночь заканчивается индийский фильм про Зиту и Гиту или вестерн о ковбоях, нам, малышам, отдавали площадку. Многих ребят ждали родители. Меня же отец с мамой не всегда могли проводить – им в пять утра вставать на работу. Вот и не хотели отпускать на тренировку. А я стоял под дверью и ревел в три ручья, пока родные не сдавались. Хорошо, что мы жили по соседству от стадиона. Я же Тольятти почти не знал, на автобусе катался только в поликлинику, на диспансеризацию. А со здоровьем вскоре начались проблемы…

Я насиловал свой организм перегрузками. А когда прошел очередной осмотр перед сезоном, терапевт сообщил маме неприятную новость: у меня обнаружена сердечная аритмия. Нужно встать на учет и каждый месяц ходить в поликлинику на обследование.

Мы отправились на консультацию к кардиологу. Он снова сделал ЭКГ и подтвердил диагноз – неправильная частота биения сердца. Тогда меня мягко, но настойчиво начали отговаривать от хоккея. Не сразу его бросать, а вставать на коньки хотя бы раз в неделю. Слегка побегать по площадке без хоккейной формы, ради удовольствия. И так два года. Атам, может, порок сердца исчезнет.

Два года без хоккея?! Трагедия! Представить это я не мог и в страшном сне. Это же целую вечность вычеркивать из своей жизни! Я плюнул на все: будь что будет. И продолжил тренировки в прежнем интенсивном ритме. Обошлось… Хотя сердце у меня и сейчас работает неидеально – вряд ли можно изжить до конца ту детскую болезнь. А когда я подрос, то прочитал книгу о Валерии Харламове. И узнал, что у него в детстве были схожие проблемы. Хорошо, что он все-таки не послушался врачей.

Прав был Иванов – совмещать хоккей и школу оказалось крайне сложно. Мы же на турниры ездили, приходилось отпрашиваться у учительницы. Первый раз так сделаешь, второй… А к третьему на тебя уже косо смотрят. Да и успеваемость вниз ползет. Мне тренеры начали выписывать справки: мол, Ковалев не прогуливает, а за детские команды

играет, честь нашего города защищает. Но потом и это перестало работать. В самом деле, почему человек в классе появляется по праздникам? Родителей в школу регулярно вызывали. Перестали отпускать меня на соревнования. А я махал рукой и все равно уезжал. Такхотелось играть в хоккей, что важнее цели не существовало. Школа оказалась на втором плане. А что делать? Я жил по принципу: если учеба мешает спорту, нужно заканчивать со школой. В итоге в Тольятти дотянул до восьмого класса. Остальные два закончил уже в Москве, в спортшколе «Динамо».

На турнирах до смешного порой доходило. Однажды организаторы отправили меня к врачу, чтобы он засвидетельствовал, что мне хватит здоровья играть за команду ребят на три года старше. Доктор ни в какую. Но все же удалось договориться. А после соревнований мне вручили приз «Лучшему молодому хоккеисту». Гуженков давал немного игрового времени, но пользу те турниры приносили огромную. Я чувствовал, что расту в мастерстве. Оббивался среди старших, учился чувствовать хоккей.

Многое подсматривал по телевизору. Мы с отцом не пропускали крупные соревнования. Смотрели не только хоккей – зимние и летние Олимпиады, чемпионаты мира по плаванию или легкой атлетике. Но хоккей стоял особняком. Очень нравилась первая пятерка сборной СССР, где выступали Фетисов, Касатонов, Крутов, Ларионов, Макаров. Почти десяти лет это звено доминировало в мире, выиграло Кубок Канады-1981, две Олимпиады, уйму чемпионатов планеты… Я и сейчас вспоминаю те фантастические матчи – например, когда встречаюсь с Валерой Каменским, своим соседом в Нью-Йорке. И снова удивляюсь, как ему удалось забить тот супергол на Кубке Канады-87, когда он проскочил между двух защитников и на вытянутых руках бросил в «девятку»? Очень красиво получилось. Каменского тогда признали лучшим игроком. Я все это запомнил по телевизору. И, конечно, представить не мог, что когда-нибудь буду играть с Каменским в одной команде, выступать в НХЛ.

Больше мечталось, что я попаду в состав тольяттинской «Лады». Когда у нас заканчивалась тренировка, на лед выходили мастера. Я переодевался, шел обратно на площадку. Садился на скамейку штрафников и смотрел из-за бортика. Запоминал, кто как катается, бросает. Пытался разобраться, повторить. Если шайба вылетала за стекло, я ту же секунду летел за ней пулей. Более ценный сувенир в то время придумать было сложно. А уж если кто клюшку сломает и за бортик швырнет – это вообще праздник! Ты ее подберешь, домой отнесешь. Отец починит, подпилит, и у тебя появляется настоящий хоккейный трофей!

Нет, дети не голыми руками играли, нам выдавали клюшки «Хоккей». Низкого качества, из прессованной фанеры. А вот у мастеров были «Эфси», «Элита». Серьезный инвентарь. Мечта каждого школьника.

Хорошую форму достать тоже было сложно. Мне ее делал папа. Подшивал коньки. Приделывал пластмассу, чтобы усилить наколенные щитки. Отрезал мои старые болоньевые штаны. Внутри нашивал кармашки, вкладывал в них защиту, вот и получались хоккейные шорты. Мастерил подтяжки… Всю амуницию изготовил своими руками. Жаль, я ее не сохранил. Сейчас был бы главный экспонат в моем домашнем музее. Но раньше ведь как было? Ты позанимался в форме, подрос – отдавай ее другим детям. Можно сказать, она передавалась по наследству.

В секции не все складывалось гладко. Меня часто обвиняли в индивидуальной игре. Почему я передерживал шайбу? Наверное, так во вкус входил, что делиться не хотел. И всегда стремился доказать, что я могу быть лучше, чем другие. Способен стать лидером. Я делал все, как считал нужным. А тренеры ругали меня за самоуправство. Доходило до того, что наставник останавливал занятие: «Ковалев, что ты творишь? Нужно делать так, а не эдак». Давал свисток, но я продолжал по-своему. В конце концов, он выгонял меня с тренировки: «Иди отсюда, раз ты такой самостоятельный».

Я сидел на скамейке и смотрел со стороны, как занимаются товарищи. Обидно было до чертиков. Не мог этого стерпеть и ушел из группы Коновалова, который занимался с моими ровесниками, решив остаться только у Гуженкова. Днем заниматься не получалось – ребята учились в спортклассе, а я в обычном. Но катался с ними по вечерам. А когда до турниров доходило, Коновалов у Гуженкова просил, чтобы меня с его командой на соревнования отпустили. Я же по возрасту подходил. Разумеется, я соглашался помочь…

Бывало, меня на турнире признавали лучшим игроком. Но не часто – в ту пору была сильная конкуренция в детском хоккее. Воспитывались очень талантливые пацаны в челябинском «Тракторе», минском «Динамо», ЦСКА, «Крылышках»… Большая машина, развивающая спорт в Советском Союзе, работала на всю катушку. Все прекрасно помнят, что хоккей считался такой же гордостью страны, как балет или полеты в космос.

Динамовская общага

Приглашение в Москву. – История на вокзале. – Панк Каспарайтис. – Крысиные атаки.

Московские скауты (хотя в ту пору такого слова никто не знал – их называли селекционерами) заметили меня в 1987 году. Тольяттинская команда готовилась к юниорскому турниру в Северодонецке. А перед этим нужно было выиграть отборочные соревнования – кажется, в Электростали. В одной из тех встреч я сломал левую кисть. Меня хотели отправить домой. Но я попросил тренера, чтобы он взял меня с командой в Северодонецк. Так хотелось сыграть на том турнире, показать себя, что я был готов в гипсе на площадку выскочить. К слову, с тех самых лет позитивно отношусь к своим травмам. Не плачу над болячками. Верю в то, что они залечатся в считанные дни, и я быстро вернусь в игру. На мне, как в поговорке, словно на собаке все заживает. Не помню, чтобы даже после серьезных переломов я долго валялся в койке. Один из последних случаев – как в «Монреале» за три недели восстановился после операции на колене. Хотя все говорили, что Ковалеву надо два месяца по врачам бегать.

Так вот, еду я со сломанной рукой в Северодонецк. Заселяюсь в гостиницу. А в соседнем номере со мной жил селекционер Куравлев из московского «Динамо». Об этом я только через несколько дней узнал… Сейчас пытаюсь вспомнить имя того скаута, и не могу. Еще одно свойство памяти – вычеркивать все плохое. Позже у меня проблемы с этим Куравлевым начались. Он меня пригласил в Москву, но потом сделал недвусмысленный

намек: «За это нужно платить, Леша. А ты как думал?». Денег я не дал. Да и откуда их взять в 14–15 лет? Тогда он начал козни строить. Когда мой отец приезжал в Москву, Куравлев жаловался ему: мол, ваш сын тут пьет, курит, до хоккея ему дела нет. Папа, не разобравшись, мне тоже выговаривал. Такая обида меня брала, вы не представляете.

Итак, мы жили со скаутом через стенку. Виделись в коридоре. Я в гипсе с командой ходил. Катался на тренировках. Когда до конца турнира оставалась пара матчей, начал держать клюшку здоровой рукой. Потом пытался схватить двумя. Стал себе урезать гипс. Если перед соревнованиями вся рука была упакована, то к финишу что-то вроде перчатки осталось. Рвался в бой. Думал, успею. Но, конечно, не одного матча так и не провел.

Перед отъездом мы с ребятами бесились в коридоре гостиницы. Бегали, кричали. Тут Куравлев ко мне подходит: «Можно с тобой поговорить?». Я сначала испугался. Думаю, сейчас нотации читать начнет. Зашли к нему в номер. Он представился: я, говорит, селекционер, работаю на «Динамо», ищу талантливых ребят. А потом сразу шокировал: «Не хочешь поехать в Москву?»

Представляете?! Попасть в то время в «Динамо», где выступают великие игроки – это все равно, что в космос полететь! Но раз выпал шанс, почему бы ни попробовать? Я играл с ребятами на три года старше меня. Очень рано стал самостоятельным, уверенным в себе. Теперь с удивлением смотрю на нынешнее поколение, которое инфантильно и в 15 лет. Не готово сорваться в другой город, жить в одиночку, вдали от мамы-папы, домашней еды и компьютера.

Когда меня позвали в столицу, в душе появился азарт. Один буду в большом городе! Что хочу, то и делаю! В хоккей играть с мастерами! Прямо как в чеховских «Трех сестрах» в висках начало стучать: «В Москву! В Москву!».

Я опять пошел получать «добро» от родителей. Дело было весной, а Куравлев сказал позвонить ему в первых числах июня: он даст инструкции, куда и с чем ехать. Если, конечно, меня отпустят. Я-то в этом не сомневался. Но шел домой с вокзала и думал, как лучше начать разговор. Пытался подобрать слова. Понимал, что со стороны это выглядит диковато: 14-летний пацан подходит к папе с мамой и говорит, что уходит из дома. Пусть не куда глаза глядят, а в «Динамо», но тем не менее. Какой родитель отпустит своего ребенка? Подозревал, что сразу услышу: «Нет!». Но цель уже была, и я решился поставить вопрос ребром.

Подхожу к отцу: папа, так и так, я получил предложение из Москвы, вот номер телефона, просят позвонить. Отец поначалу

ничего не понял. Я снова начинаю: в «Динамо», говорю, меня приглашают, в столицу хочу ехать… С папой было проще договориться, чем с мамой. Он всегда хотел, чтобы я стал спортсменом. Отказа от него я не услышал. Только кучу вопросов: «А как ты там жить будешь один?», «Сможешь ли?», «Не потеряешься в огромном городе?». Я отбивался, как мог: «Почему же один? Я в команде буду! В общежитии поселюсь, в школу стану ходить». А вот на маму мои уговоры не действовали. Она была категорически против, все время плакала. Отговаривала, как могла. Но как лошадям ставят шоры, и они рвут по прямой – так и я тогда был таким же настырным. Еще в уме держал, что у меня проблемы в секции, с тренировок выгоняют. Нет уж, в Тольятти больше делать нечего! Я просчитал: если расти в мастерстве, то нужно нацеливаться на сборную. А как тебя пригласят, если ты живешь и играешь в деревне, по столичным меркам? А в Москве я буду на виду.

В общем, расставил все точки над «i». Заканчиваю восьмой класс и еду в «Динамо». Родители были вынуждены поддаться моей упертости. Отец готовил меня к Москве примерно в духе фильма «Любовь и голуби» – помните, как молодому парню перед армией разные проверки устраивали, и он по хате по-пластунски ползал? Папа каждый день меня вопросами изводил: «А в такой ситуации что будешь делать? А если вот так случится?». Перед поездкой я был так подкован, что не растерялся бы, даже если на Москву упал бы метеорит или город накрыло цунами.

В конце июня 1987 года я отправился покорять столицу. Это сейчас звучит громко. А тогда выглядело так: мы с папой собираемся на вокзал, мама по-прежнему вся в слезах. Два билета на поезд. Я уже чувствовал этот ветер свободы, взрослой жизни, в которой все решать буду самостоятельно. Но перед отъездом меня пробрал страх: а куда я, собственно, еду? Ну, хоккей, с большими людьми буду играть. А ведь тут мама с папой, как я их брошу? Да и в Москве никогда в жизни не был. Я там никого не знаю, меня никто не знает… Закружились мысли. Но я их решительно отогнал. Поцеловал маму, сказал папе: «Пошли».

Родители мои в столице если и бывали, то только проездом. Имелась провинциальная боязнь заблудиться в этом огромном бетонном муравейнике. Но инструкции нам по телефону уже дали: приезжайте, вас встретят. Из «Динамо» отправили на вокзал Андрея Николишина – моего будущего соседа по комнате в общаге. Мы в относительном спокойствии выходим из поезда. Оглядываемся. Да-а, совсем не наш жигулевский перрон, пара рельсов и один состав. Казанский вокзал, десятки направлений, море народу. Стоим на платформе. Ждем. А Николишина нет.

Никто нас не встречает. Поезд уже ушел. Пошли искать телефон. Нашли. Звоним в хоккейную школу. Там говорят: ждите Николишина, он скоро будет. Я уже потом додумался, что Андрей, похоже, поезд перепутал. Составы ведь не только из Жигулевска, но и из Самары ходили.

Час стоим, два, три. Отец нервничает: «Что делать? Куда пойдем?». А у меня любопытство разыгралось, инициативу начал проявлять: «Давай метро найдем. Там станцию «Динамо». – «Да ты что? Заблудимся!». – «А что, сиднем сидеть?».

На Казанский мы приехали утром. Проторчали там весь день, ночь. И на следующее утро решили рискнуть. Спускаемся в метро! Спрашиваем граждан, как до «Динамо» доехать. Нам объясняют, что от «Комсомольской» по кольцу до «Белорусской», а оттуда с пересадкой вверх по зеленой ветке. Кое-как добрались. Шею уже ломило от московских высоток. Устали снизу вверх на них смотреть. Повезло, что нашли правильный выход.

Отправились по аллее в Петровском парке в сторону ледового дворца. Измученные дорогой, заходим в помещение под трибуной. Там тренеры сидят – Быстров, Полупанов… Докладываем: «Алексей Ковалев с отцом прибыли из Тольятти». А у них лица удивленные: «Мы думали, вы уже давно на «Водном стадионе», в динамовское общежитие заселились». Ввели в курс дела. Дали новый маршрут. Рассказали, что мои ровесники, ребята из других городов, уже приехали. Дали талоны на питание в кафе «Онега».

Все нам объяснили. И мы, уже умудренные опытом путешественники, снова спустились в метро. Нам сразу объяснили, что «Водный стадион» – это одна ветка, езжайте по ней почти до конца. Сразу увидели общагу и «Онегу». Первым, кого я встретил из ребят, был Дарюс Каспарайтис, приехавший из Электреная. Сразу стало ясно: горячий литовский парень. В коротких брюках и модных сандалиях на босу ногу. С длинной стрижкой под немца (за что Каспера тут же окрестили «Ганс»). И с браслетом вокруг кисти, сделанном из бритвенных лезвий «Нева». Настоящий панк. Я в его комнату зашел – там флаги висят: немецкий триколор, зеленый литовский (это при том, что Литва в ту пору входила в состав СССР). Но меня поселили не с ним, а со старшими ребятами.

У отца в тот же вечер был поезд. Я-то думал, он сутки со мной проведет. Но из-за того, что мы столько времени на вокзале угрохали, папе надо было уезжать. «Ладно, сын, оставайся. Я на вокзал». – «Да что ты, я тебя провожу!». – «Не надо, как потом один добираться будешь?». И он начал собираться. Слез при расставании было пролито море. Отец ушел на вокзал, за шесть

часов до поезда, а я остался в общежитии.

И вот тут наступил самый жуткий момент. Мне 14 лет. Я один. В Москве. Не при делах – до начала сезона еще три дня. Как щенок, которого в воду бросили: барахтайся, плыви. Предательская мысль подкралась: «На фиг мне это нужно? Домой надо, к маме и папе». Щемящая тоска напала. Так захотелось к родному человеку, что я решил: еду на Казанский! Провожу отца и себя заодно проверю – не потеряюсь ли в Москве? А что, в кровати лежать и в потолок глазеть что ли?

Я побежал в метро, добрался до вокзала. Папа очень удивился, обрадовался. Потусовались на станции, пока поезд не пришел. Проводил его до вагона. Без слез опять не обошлось. Но отец уже спокойнее был. Видит, есть во мне самостоятельность. Не пропадет парень!

Когда в «Динамо» начались тренировки, мне стало проще. В школу пошел. Время убивалось, дурные мысли в голову уже не лезли. С ребятами подружился. Со мной в комнате сначала пять человек жило. Апотом нам предложили на второй этаж перебраться – к лыжникам, фигуристам. У них обжитые компании, все делают сообща, своя плитка, готовка. Почти семейная обстановка. Там одна комната освободилась. Мы туда втроем и переехали – я, Сергей Ким и Андрей Николишин.

Обустраивали нашу «квартиру». Вытаскивали фанеру из шкафа. В стену вбивали гвоздь, делали веревочные петли и вставляли в них доску. Получалась висячая полка для зубных щеток и будильника. Кому-то из нас родители привезли маленькую плиту, чтобы кипятить чай. Покупали еду. Первое время мои родители присылали деньги… Хорошо заселились. И тут нас выгонять начали – вернулись лыжники, которые раньше в этой комнате жили. Мы ни в какую. Но все-таки пришлось покидать завоеванную территорию – отправились мы в новое крыло общежития, которое восстановили после пожара.

Снова поселились втроем, восстановили обстановку, вместе ужинали. Забавно было – Каспарайтис и старшие ребята жили в другом крыле на первом этаже. Они знали, что у нас всегда есть что-нибудь покушать. Мы готовим, а сами в окно посматриваем – бац, опять Каспер через дорогу бежит. Запираемся. Гасим свет, притаились. А Каспарайтис кулаками в дверь барабанит и кричит: «Открывайте! Я все равно знаю, что вы там!». Мы пускали его, Влад Бульин приходил. Конечно, угощали. Никто никого не объедал, сообща делились продуктами.

Туалет и душевая были общими, на первом этаже. Со второго идешь, ничего не видно. Держишься за стенку, на ощупь. А как днем стирать вещи? Я изобрел хитрый способ – заходил в душ… в

спортивном костюме и мылил его на себе.

Когда столько подростков вместе живет, шалопайство обязательно проявится – это как в «Республике Шкид». Холодильник у хоккеистов был один на всех. Какому-то парню перед днем рождения прислали кремовый торт. Ночью кто-то умный слопал все, что было в коробке, и додумался поставить в нее старые ботинки. Утром возник серьезный скандал.

Так и жили. Занимались хоккеем, вели быт. Ходили на теннисные корты, которые находились по соседству. Играли в волейбол. Николишин с Кимом частенько ночевали в Бирюлево, в квартире у своего друга Ибрагимова. А я оставался в общаге один. Возвращаешься домой, открываешь дверь комнаты… И слышишь, как по полу разбегаются крысы. Первый раз мы их заметили, когда достали из заначки пакет с рисом. Он был изъеден наполовину. Николишин нашел дырку, которую крысы прогрызли в плинтусе. Взял намокшее печенье, смешал со стеклом. Мы его туда бросили и заткнули нору палкой. Ночью под полом стоял дикий визг. А мы боялись, что крысы сгрызут палку, выскочат и от бешенства на нас набросятся. Представляете, как было страшно там жить одному? Однажды я зашел и увидел в лунном свете здоровенную крысу. Она сидела в центре комнаты, не двигаясь, смотрела на меня и нисколько не боялась. Я топнул ногой, прогнал. Но в ту ночь не сомкнул глаз, укрывшись одеялом с головой.

Впрочем, о бытовых проблемах тогда никто не думал. Все понимали, зачем мы собрались со всего Союза в этой общаге на «Водном». Чтобы играть в «Динамо» и стать настоящими мастерами. Ради этой цели можно было перетерпеть все.

Через тернии к звездам

Владимир Юрзинов. – Динамовские «старики». – Зарплата на двоих. – Кроссовки из Штатов.

На родину я только через год вернулся. Летом подбил своего товарища Алексея Подолинского поехать в Тольятти. За временем мы особо не следили. Загорали, купались – наше общежитие располагалось на берегу канала имени Москвы. Когда посмотрели на часы, то ахнули: поезд отходил через час! Выскочили на Ленинградское шоссе, начали голосовать. Ни одна машина не останавливается. Запрыгиваем в троллейбус, доезжаем до «Войковской». В уме держали, сколько времени должен занять каждый перегон между станциями метро. Учитывали и пересадку. Бежали по эскалатору с огромными сумками, расталкивая всех пассажиров. В вагон поезда заскочили за секунду до того, как он тронулся. Вытерли пот со лба, выжали мокрые майки и рубашки. Переглянулись и решили, что мы изобрели новый вид спорта. Бег с баулами за поездом по пересеченной местности. Веселое было время.

В «Динамо» я снова попал в команду ребят на год старше. Поехали на сборы в Дубну. Тренировали нас Юрий Быстров и Виталий Ерфилов. По утрам рано вставали, по лесу кроссы бегали. Дождь, жара, холод – без разницы. Тяжело с непривычки. Делали прыжки, кувырки, разминались. Завтракали, и потом шли на вторую тренировку. На теннисном корте играли в футбол или в регби, но по хоккейным правилам. С толчками, с силовыми приемами. Заканчивали игру с изодранными руками-ногами. Я понимал, что никто меня здесь жалеть не будет. Никаких

поблажек и сантиментов. Так закалялся характер.

Вот помню, Каспарайтис ко мне как-то подходит. «А ты где больше любишь играть – в центре или в углах?». Я ему: «В углах часто играю». Он мне со значением: «Ну мы с тобой там встретимся». Чуть позже случится история, когда после международного юниорского матча с чехами, в котором мы проиграли, Каспер подъедет к своему же голкиперу и одним ударом кулака опрокинет его на лед. Это не потому, что мы как волчата грызлись и даже своих жалеть не собирались. Просто заряженность на борьбу у ребят была постоянно. И мы ненавидели проигрывать.

По тольятгинской привычке, отзанимавшись с одной командой, я задерживался на площадке. Подхожу к Юрию Быстрову: «Можно я с другой группой покатаюсь?». Крепко засел в памяти его ответ: «Катаются только на трамвае. У нас тренируются». У меня сразу желание к двойной нагрузке отпало. Тренер дал понять, что «Динамо» – это не детская секция «Лады». Тут занимаются серьезно, до седьмого пота. И если силы распределять нерационально, то организм не выдержит.

И еще одну шутку вспоминаю. Коньки у меня стали совсем разбитыми, пришла пора их менять. Их выдали, но… на размер меньше. Как в таких заниматься? Быстров утешал: «Ну ничего, ножки попаришь, ногти подрежешь, и все будет хорошо». У меня жуткие мозоли были на ногах от тех коньков. Пришлось обращаться к Зинэтуле Билялетдинову – он был вторым тренером в основном «Динамо». Через него мне достали новые нормальные коньки – профессиональные Bauer 100. Когда встал на них, испытал неземное наслаждение.

Главный тренер «Динамо» Владимир Юрзинов привык доверять молодежи. Первым в основу из нас, зеленых новичков, пригласил Дарюса Каспарайтиса. Потом меня подпустил, чтобы я среди мастеров пообвыкался. Это был сезон – 1989/90, мне уже исполнилось 16 лет. Вожаков, Попихин, Мышкин, Татаринов, Леонов, Сергей Яшин – от такого количества звезд с непривычки шла кругом голова. Но и слабину давать нельзя. Бывало, лихо обведешь ветерана на тренировке – он тебе клюшкой по шлему врежет. Как же, самолюбие задето. Шайбы после занятий в ведро я собирал, как и все молодые. Тем более все равно задерживался после тренировки минут на пятнадцать, чтобы броски отработать, технику катания подшлифовать. Как раз Леха Яшин из Свердловска в «Динамо» приехал. Мы с ним часто вместе занимались.

В то же время родилось прозвище, которое дали Андрею Николишину – «Васильич». Его так нарек Миша Татаринов,

которого Владимир Юрзинов вернул в «Динамо». Татаринову не хватало «физики», он оставался на вторую тренировку с молодыми. Как-то мы делали упражнение – борьба в углу площадки один на один.

Николишин с ним разок столкнулся – Татаринов упал. Второй, третий… Вернулись в раздевалку, у них язык набок. Андрюха в закрытом шлеме, Татаринов его лица не видит: «Слышь, парень, ты какого года рождения?» – «73-го…» – «Это у тебя маска 73-го года, а сам ты – 53-го!». Все покатились со смеху.

Свой дебют в основном составе «Динамо» помню нечетко. Играли мы то ли со «Спартаком», то ли с рижским «Динамо». Поставили меня в тройку с ветеранами Леоновым и Сергеем Яшиным, причем на позицию центра. Играли в «Лужниках». Волновался, конечно. Бил мандраж. Ничего в том матче я толком не показал. Да и вообще провел в сезоне-1989/90 лишь одну игру. В следующем первенстве – уже 18 матчей, в которых набрал только три очка. Но от меня никто не требовал выдавать статистику на-гора. Главное – расти в мастерстве, прогрессировать. Не так просто сделать это в одном из сильнейших клубов страны. При том, что массового отъезда наших мастеров в НХЛ тогда не наблюдалось.

Юрзинов мне казался строгим тренером. Не потому, что ему делать нечего, вот он и кричит на игроков. Нет, Юрзинов если делал выговор, то по делу. Когда мне доставалось на орехи от старших ребят, Владимир Владимирович закрывал на это глаза. Понимал: все молодые проходят такую школу жизни. И это было правильно. Я чувствовал, что быстро расту как хоккеист. Закрепиться среди ветеранов получалось проще. «Терпение» – это было любимое слово Юрзинова. Очень часто его применял. А одноклубник Сергей Светлов добавил: «Если выживешь в команде, станешь мастером. Если нет, то можешь заканчивать с хоккеем». Я держал в уме эти слова. Пробивался «через тернии к звездам». И терпел, терпел, сжав зубы, как учил Юрзинов.

Мою детскую привычку брать игру на себя в «Динамо» изживали, но осторожно, не лишая меня индивидуальности. Юрзинов проводил воспитательные беседы, в которых тактично говорил, что хорошо уметь в конкретном эпизоде принять шайбу и обыграть одного-двух соперников. Но этим нельзя злоупотреблять. Сам же себе облегчишь жизнь, если не будешь всегда возить шайбу, а научишься использовать партнеров. Один в поле не воин, а команда – это сила! Отдал – получил, отдал – получил. Игра должна быть комбинационной.

Но я чувствовал какой-то шик в том, чтобы совершить красивый проход, сделать умопомрачительный финт и положить

(а не заковырять!) шайбу в ворота. Уважаемый голкипер Владимир Мышкин на меня обижался: какой-то пацан на тренировке выходит бить буллиты, эффектно обыгрывает его на раз-два, и потом в команде начинаются подначки. Кому это понравится? Хотя я еще раз подчеркну: в отношениях молодых и ветеранов в «Динамо» не существовало дедовщины, как в армии. Все было сурово, но справедливо. А вне площадки опытные ребята часто помогали новичкам решить какие-то бытовые проблемы или давали хоккейные советы.

Сезон – 1991/92 получился для меня самым удачным. Собственно, это был мой первый и последний полноценный чемпионат в составе «Динамо», в котором я провел 33 матча и набрал 25 очков. В тот же год мы стали чемпионами страны (вдобавок к победам в 1990 и 1991 годах), выиграли Олимпиаду в Альбервилле, а также я привез золото с молодежного чемпионата мира.

Мой роман со сборной складывался тяжело. Когда я в 14 лет приехал в Москву и, как ожидал, «оказался на виду», меня никто из тренеров юниорских сборных в упор не замечал. Дело до того дошло, что Быстров и Ерфилов начали интересоваться у своих коллег, почему они не обращают внимания на их динамовского воспитанника. А те плечами пожимают: «А кто такой Ковалев?». Все-таки пришли на один из моих матчей. Посмотрели и воскликнули: «Почему мы его раньше не видели?». И начали меня привлекать в национальную команду.

В конце 1991-го на молодежный чемпионат мира в Германию отправилась сборная ребят 1972 года рождения. К ней подключили меня и нескольких моих ровесников. Золото мы завоевали сравнительно легко, победив во всех матчах кроме одного. Единственная проблема традиционно возникла с чехами. В последнем поединке встречались с канадцами. Турнирный расклад получался хитрым. Если мы проигрывали Канаде, то первое место занимали шведы. Если побеждаем, соответственно, золото наше.

Канадцев мы обыграли без напряжения – 7:2. У меня есть видеозапись той встречи. Теперь смотрю и удивляюсь: большинство наших соперников попали в НХЛ, стали звездами – Эрик Линдрос, Пол Кария, Тревор Кидд… Из нашей же сборной не вышло много громких имен. На слуху оказались Сергей Жолток (он скоропостижно скончался на площадке в 2004 году), Дарюс Каспарайтис, Борис Миронов, Алексей Житник, Николай Хабибулин, Михаил Волков… Пожалуй, все. Но наша сила была, как и учил Юрзинов, в командной, а не индивидуальной игре. Хотя если посмотреть рейтинги, выше сборной СССР на том

турнире котировались не только канадцы, но и шведы, за которых выступали талантливые юниоры Петер Форсберг и Маркус Нэслунд.

В чемпионате страны «Динамо» опередило ЦСКА, с которым была жесткая заруба за очки. В состав я попадал гораздо чаще, чем раньше: многие игроки из распавшегося СССР уже уехали в НХЛ, а кого не брали в Америку, перебирались в Европу – Германию, Швейцарию, Швецию… Но Юрзинов все равно не спешил делать на меня полную ставку – все-таки мне после Олимпиады только 19 лет исполнилось. Я нередко попадал в заявку, но во время матча оставался на лавке.

Первый гол забил московскому «Спартаку». Подобрал шайбу у бортика, выкатился за ворота, сделал финт. Только голкипер Марьин начал смещаться на другую штангу, я резко тормознул, переложил корпус и завел шайбу в пустой угол. Даже сам удивился, как все эффектно получилось. Дебютную шайбу не забрал. Это в НХЛ есть такая традиция, а в нашей стране на нее не обращали внимания.

В другой раз мы играли с киевским «Соколом». Я взял старт от нашей синей линии, обыграл трех или четырех соперников, и забил красивый гол. Кстати, на том матче присутствовал генеральный менеджер «Рейнджере» Нейл Смит…

В золотом «Динамо» играли Жамнов, Каспарайтис, Алексей Яшин, Петренко, Николишин, Хайдаров, выступали ветераны Леонов и Сергей Яшин. Ворота защищали Михаил Шталенков, а еще Андрей Трефилов – он как раз и проявил себя в том сезоне. Трефилову доверили сыграть на Кубке европейских чемпионов. Андрей выступил очень здорово. Потом стал основным вратарем на чемпионате мира – 93, последнем на сегодняшний день золотом первенстве для сборной России.

Церемония награждения прошла в огромном зале, где собрались все три команды-призера чемпионата страны. Это очень не похоже на то, что традиционно проходит в НХЛ, когда выбирают лучших игроков сезона. На празднике все составы выходили на сцену, в их честь произносились речи. Нам вручили золотые медали, потом начался концерт, накрыли общий ужин.

Какими были зарплаты в «Динамо»? Первое время я жил на родительские деньги – папа с мамой высылали каждый месяц из Тольятти по 20–25 рублей. В середине сезона меня поставили на зарплату. Система была интересной – нам с Юрой Костичкиным выписывали по 180 рублей… на двоих. Или я, или он получали всю сумму, а потом делили ее пополам. Постепенно гонорары росли, исходя из ценности игрока для команды. Никакие контракты с «Динамо» мы не заключали – просто не существовало

тогда такой практики. Зарабатывали в основном на премиальных и гонорарах за зарубежные поездки. В среднем у меня выходило рублей пятьсот в месяц, что по меркам страны считалось достойной зарплатой. Автомобиль «Жигули» первой модели в ту пору стоил около пяти тысяч рублей.

Первая заграничная командировка (не считая выезда к чехам на автобусе) состоялась в 15 лет, когда я в составе юниорской сборной отправился в США – в Лейк-Плейсид, где проводилась Олимпиада-80. Перед этим мы играли с какими-то школьниками из Бостона – на маленькой площадке, где даже не нарисовали красную линию. Заокеанские правила хоккея казались непонятными и в чем-то примитивными. Мы же в России, чтобы попасть в чужую зону, должны были провести комбинацию через три линии – красную и две синих. «Ну и халява!» – подумали мы. И разорвали американцев с двухзначным счетом. В Лейк-Плейсиде встретились со сборной США 1972 года рождения. И тоже без проблем мы ее победили.

Везли из-за границы кучу вещей. Это сейчас принято считать, что центр моды – Лондон, Милан, Париж. Тогдаже жутким дефицитом были американские джинсы, пестрые футболки, жвачка, которую можно выдувать пузырями. Из поездки я привез кроссовки «New Balance». Стоили они 120 долларов, а все суточные составляли 160. Не совру, лет пятнадцать те кроссовки носили – сначала я, потом отец, а недавно видел их в Тольятти. Живучими оказались. На остальные сорок долларов я приобрел джинсы и пару маек. Молодой был, хотел одеваться стильно.

Америка произвела на меня мощное впечатление. В детстве по телевидению крутили ужастики о том, как плохо жить в этом оплоте капитализма. Черные районы Гарлема, безработица, нищета, криминал. А на деле я увидел красивые небоскребы, хорошую жизнь и американцев, которые оказались вполне нормальными ребятами. Но представить тогда, что я через четыре года перееду в эту страну, не мог даже во сне. Это не было далекой мечтой или планами на будущее. Просто Северная Америка до поры до времени существовала в ином измерении. А о том, что там есть Национальная хоккейная лига, я знал лишь понаслышке.

Альбервилль

Крикливый Тихонов. – Горные лыжи. – Финал с канадцами. – Маэстро, туш!

Так получилось, что я дебютировал во взрослой сборной сразу на Олимпиаде – главном турнире четырехлетия, на котором мечтает выступить каждый уважающий себя спортсмен. Как говорится, взял с места в карьер. Но со второй попытки. Первую я не использовал. Готовился в составе национальной команды к Кубку Канады-91, однако меня на турнир не взяли. Я чувствовал, что был лучше многих ребят. Но меня отцепили от сборной из-за юного возраста. Тем не менее, в Северную Америку я все же полетел. Меня же в тот год на драфте выбрали. Юрзинов отпустил в Нью-Йорк на две недели, чтобы я попробовал силы в тренировочном лагере «Рейнджере».

Тогда я впервые увидел Брайана Литча, встретился с Сергеем Немчиновым… Марк Мессье, правда, еще к «Рейнджерам» не подъехал. Видимо, я произвел впечатление, раз ньюйоркцы начали уговаривать меня остаться в НХЛ. Но я не собирался менять свое решение:

«Лечу домой. Обещал же Юрзинову вернуться». Дай интереснее мне было в «Динамо» – впереди уйма соревнований, а я в своей карьере ничего еще толком не выиграл.

Главной целью, конечно, являлась Олимпиада. Я очень волновался на сборах – как же, на Кубок Канады не попал, и в Альбервилль могу не поехать. Но что оставалось делать? Усердно тренировался, верил в лучшее. В сборной не объявляли разом окончательный состав. Просто один из тренеров подходил к

конкретному игроку и сообщал ему неприятное известие: «Ты попадаешь в резерв. Но обязательно тренируйся. Если что, тебя вызовем первым». В общем-то, после таких слов все становилось ясно. Хорошо, что в мой адрес они так и не прозвучали.

За две недели до Олимпиады мы начали подготовку в высокогорной части Швейцарии. Разумно, ведь Альбервилль тоже находится на высоте. Нужно было к этому привыкать, акклиматизироваться… Что я помню, все время ходил с Ромой Оксютой (его потом отцепили от состава). На тренировку шагаем – съедаем по две пачки мороженого. Обратно идем – еще две пачки проглатываем. Над нами остальные ребята смеялись: со стороны казалось, мы только этим мороженым и питались. Юрзинов на нас ворчал: «Есть нормально не будете – силы в ногах не хватит». Это он вспоминал старую хоккейную поговорку: «Какое питание, такое и катание».

Уровень организации в Альбервилле был очень хорошим. Собственно, это лучшая Олимпиада из трех, на которых я побывал. Жилье нам выделили комфортное – домики на лыжном курорте. Общая столовая типична для всех Олимпиад, но во Франции лучше кормили, хорошо организовали быт.

Уже прошли те времена, когда белые Игры проходили под негласным девизом: «Сборная СССР и все остальные». Хотя лучшие профессионалы из НХЛ дебютируют на Олимпиаде только в 1998 году, что сразу уравняет силы семи ведущих хоккейных держав мира (Канада, США, Россия, Чехия, Швеция, Финляндия, Словакия), наша сборная в Альбервилле отнюдь не считалась фаворитом. Более того, в победу русских мало кто верил. У нас же ничего не было – СССР распался за пару месяцев до белых Игр! Даже гимна, герба и флага не имели. Выступали под белым полотнищем МОК с пятью олимпийскими кольцами. Да и с составом, как считалось, у нас очевидные проблемы. В сентябре, за несколько месяцев до Олимпиады, сломал ногу лидер сборной Валерий Каменский. И хотя два его бывших партнера по тройке, уже игравших в Швейцарии – Вячеслав Быков и Андрей Хомутов – поехали на турнир, аналитики морщились, когда смотрели на наш состав: «Один молодняк! А от ларионовской пятерки остались лишь воспоминания». В то, что мы завоюем золото, не верили даже в России. Фаворитами называли канадцев, чехов и шведов.

Сборную комплектовали по клубному принципу. В первой тройке выступали экс-армейцы Быков и Хомутов с примкнувшим к ним Хмылевым из «Крылышек». Во второй выходили спартаковцы Борщевский, Болдин и Прохоров. В третьей играли динамовцы, двое Лех – я и Жамнов, а также Сергей Петренко.

Четвертая состояла из игроков ЦСКА – Коваленко, Буцаев, Давыдов.

То, что на наших свитерах не имелось родной символики, даже заводило. С одной стороны, было обидно за развалившуюся страну. С другой – хотелось доказать, что мы не какие-то люди-невидимки. У нас по-прежнему хорошо играют в хоккей. Да и последнюю Олимпиаду-1988, если кто забыл, выиграли русские.

Тогдая впервые работал с Виктором Тихоновым. Каким запомнил этого тренера? В первую очередь, как очень эмоционального человека. Этим он был похож на Юрзинова. Приедешь со смены – Тихонов встанет возле тебя и что-то объясняет, вдалбливает. Рядом Юрзинов с молодыми игроками общается. Крик на скамейке запасных всегда стоял невообразимый! Такой же, как в матчах «Динамо», но умножьте на два. Да что я рассказываю! Посмотрите лучше видео с матчами сборной СССР, когда Тихонов ходит вдоль бортика, что-то говорит, говорит, говорит… Не могу себе представить его, как Владимира Крикунова, тренировавшего сборную России на Олимпиаде в Турине – чтобы он также стоял столбом и лишь время от времени нажимал бы секундомер, чтобы определить порядок смен. Нет, у Тихонова все импульсивно. Видно, что человек работает, живет хоккеем.

Разговоров по душам у меня с Тихоновым не было. Да и как их проводить, когда идет турнир? Если надо что сказать, ко мне подходил Юрзинов – общались, как динамовец с динамовцем. Но это не значит, что в сборной существовали клубные группировки. Хороший у нас был коллектив, очень дружный. Капитан – Вячеслав Быков, которого я считаю одним из лучших игроков, кто соответствует этой роли. Как Марк Мессье в «Рейнджере». Регулярно проводились собрания. Не формальные, а живые, где мы сообща обсуждали, что делать в конкретной ситуации.

Начали Олимпиаду с лихой победы, разгромив швейцарцев (предоставили они нам базу в горах, подготовили на свою голову) со счетом 8:1! Это при том, что незадолго до этого мы проиграли Швейцарии в выставочном матче – впервые в истории нашего хоккея. Так что, небольшая трясучка перед стартом на Олимпиаде у нас наблюдалась. Обратите внимание, восемь игроков забросили по шайбе – Малахов, Хомутов, Быков, Хмылев, Петренко, Борщевский, Болдин и Прохоров. Это говорит о том, что состав у нас был ровным, сбалансированным. Хотя ту победу никто всерьез не воспринимал – крупные турниры мы часто начинали встречами с аутсайдерами.

Обычно запоминаются те матчи, в которых ты забиваешь. А случилось это у меня в Альбервилле только однажды – гол

получился в ворота сборной США. У своей синей линии у бортика я подобрал шайбу, доехал до чужой синей линии и от души шарахнул по воротам. Мы вышли вперед 1:0 и довели дело до победы (5:2). Это был предпоследний матч. Между ними пришлись встречи с Норвегией (8:1), с ЧСФР (увы, 3:4), с Францией (8:0), с Канадой (5:4) и Финляндией (6:1).

Проиграли мы лишь однажды. Почему так удачно? Да потому что не требовали от себя многого. Во-первых, как я сказал, в наш успех никто не верил. А во-вторых, никто себя не накручивал: мол, победить любой ценой. Все играли расслабленно (но не расхлябанно!), без напряга и волнения за результат. Выйдемналед, а там что будет, то будет. Это, кстати, нам сейчас мешает. На какой-нибудь турнир сборную России провожают с фанфарами, внушают всей стране и самим игрокам: ах, какие вы сильные! А когда команда оступается, начинают ее долбать, да и сами хоккеисты перегорают. Мне кажется, вся эта преждевременная шумиха только во вред идет.

Перед решающими матчами, когда выпала пара дней отдыха, мы с Каспарайтисом решили… покататься с горки. А то, что это, в самом деле? Живем ведь на зимнем курорте. Взяли напрокат лыжи. Надели модные куртки – яркие, серые с желтым. Сначала с маленьких горок начали кататься. С больших Каспарайтис не умеет. Разгонится, а повернуть не может, вот и заваливается набок с жуткими криками. Съедешь и ждешь Дарюса внизу, когда он до тебя доползет. А потом я его подбил: давай заберемся на самую высокую вершину, один раз съедем и по домам. Залезли, катимся вниз. И видим у подножья… Юрзинова, который стоит руки в боки и восклицает с непередаваемой интонацией: «Вы что, совсем обалдели? Олимпиада идет, а они на лыжах катаются! С ума сойти! Травму получить захотели?!». Нагоняй нам не устроили, но на лыжах мы кататься прекратили.

В финале встретились с канадцами. С чем сравнить ту игру? Только с седьмым матчем финала Кубка Стэнли. Туту нас никакой расслабленности уже не было. Канадцы тоже выглядели взвинченными. Как Тихонов нас настраивал на решающий бой? Да ничего особенного. Просто отдыхали, собирались с силами и мыслями. А уверенности нам занимать не нужно – мы весь турнир прошли вдохновенно, на одном дыхании. И подсознательно верили в успех.

Тактику на финал менять не стали. Остались верны атакующему комбинационному хоккею. Но огульно вперед не лезли, а запаслись терпением. Чтобы поймать канадцев на их же ошибках. И держать, контролировать шайбу. Не допускать ситуаций, когда соперник носится в твоей зоне и тревожит

Шталенкова.

Игра получалась совершенно равной. Помню, и мы в защите работали как звери, и канадцы у своих ворот ложились штабелями. Не так много бросков доходило до голкиперов. Поэтому до третьего периода держался нулевой счет. А потом мы их дожали. Красивую шайбу забросил Игорь Болдин, когда его звено разыграло фирменную спартаковскую комбинацию. Остальные два гола – отличились Слава Буцаев (отправил шайбу в ворота с добивания после отскока от лицевого борта) и Слава Быков (щелкнул под перекладину почти от синей линии) – получились в канадском стиле. Но играли мы в русский хоккей в самых лучших его традициях.

Работали творчески. О том, что сборная комплектовалась по клубному принципу, я уже говорил. Тренеры перед матчами вызывали нас к себе целыми пятерками. И требовали, чтобы, идя на встречу, мы уже имели игровой план. Хоккеист должен мыслить не только на площадке, но и вне нее. Обсуждали, спорили: «Мы так хотим играть». – «Но у вас же один парень скоростной, а другой техничный. Вы лучше по-другому попробуйте». Тактика рождалась в дискуссиях. Хоккейная демократия.

Сейчас стало меньше универсализма – команда выбирает одну систему и придерживается ее весь матч. А тогда своя система была у каждого звена. То есть в одной команде имелись четыре пятерки с разными рисунками игры. Не мудрено, что у соперников сборной СССР порой кругом шла голова! Как справиться с таким разнообразием тактических комбинаций? Как остановить Быкова с Хомутовым, которые понимают друг друга с одного движения, и пас-конфетку могут отдать не глядя? Как переиграть звено Болдина – лучшую тройку отечественного первенства тех времен?

Тяжелая борьба с канадцами шла до последней минуты. Вот на табло пошел обратный отсчет: 60 секунд, 59, 58… Счет уже был 3:1. Наша команда на бортике повисла, готовилась на площадку вывалиться, когда все закончится. Взбудораженное состояние – словами не передать. А потом ревет сирена, и начинается куча-мала. Перчатки в разные стороны, клюшки, шлемы. Обжигающе радостное чувство: сделали большое дело! Выиграли золото для России. Говорю совершенно без пафоса.

Домой мы возвращались героями. Все в длиннополых пальто и ковбойских шляпах. Такой была тогда форма у нашей сборной. Как прилетели в аэропорт, помню в тумане – все напились еще в самолете. Нас оркестр встречал, который должен был играть туш в нашу честь, едва игроки выходили из терминала. А у нас,

представьте себе, задержали сумки на три или четыре часа. Кажется, электричество в самолете пропало, и багажное отделение не могли открыть. У тренеров портфели с собой, они налегке домой уехали – остальные вещи им подвез обслуживающий персонал. А мы сидели и ждали. И слышали, как оркестр все эти четыре часа играл туш в честь каждого пассажира, кто выходил в общий зал. Музыканты-то не знали нас в лицо!

Мы достали пива, которое купили в дьюти-фри. Продолжили веселье. Сели на ленту транспортера, на который должны были вывалить багаж, и уехали к грузчикам. Их тоже пивом угостили. Смеялись все, прикалывались. А оркестр все играл и играл. Потом музыкантам надоело нас ждать, они плюнули и ушли. Мы вышли из терминала очень поздно, но болельщики и родные нас еще встречали. Цветы, объятья… А когда я в машину сел и прикрыл глаза, то поймал себя на неожиданной мысли: вся Олимпиада пролетела, как во сне! Нереальные волшебные две недели. Неужели я через это прошел? А сейчас один еду, без команды. Сон закончился? Хлопаю себя рукой по груди: нет, вот она, золотая медаль…

А когда я добрался домой, веселье продолжилось – с родными, друзьями. Да у меня же день рождения как раз 24 февраля, на следующий день после того, когда мы с канадцами играли! 19 лет исполнилось. Золото Альбервилля стало самым дорогим подарком.

Открытие Америки

«Жигули» с премии. – Почин и Немчинов. – «Ковалев – будущий Гретцки». – Пьянка на ужине новичков.

Шанс попасть в НХЛ возник, когда меня летом 1991 года под 15-м номером выбрали на драфте. Между прочим, это уникальный случай – первый и последний раз советского хоккеиста задрафтовали в первом раунде. Потом распался СССР. А до этого ветераны Вячеслав Фетисов, Игорь Ларионов и даже Владислав Третьяк, которого пригласил к себе «Монреаль» (но он так и не провел ни одного матча в НХЛ), получали номера в конце списка – в советское время уехать за океан было не проще, чем улететь туристом на Луну.

Что такое драфт, я даже не представлял. И, конечно, на самой церемонии не присутствовал. Товарищ сказал, что в «Советском спорте» вышла заметка про меня. Я почитал, но мало что понял. Уловил только, что отныне меня ждут за океаном. В каком-то «Нью-Йорк Рейнджере». Но с представителями клуба до драфта даже не общался. И о самих «Рейнджерах» имел смутное представление.

Не скажу, что в советском чемпионате мы жили, как в вакууме. Не такой уж я был «чайник». Мы выбирались за границу на турниры. И замечали, что вокруг команды постоянно роятся энхаэловские скауты. Сидят на трибунах, записывают нашу статистику, делают пометки в блокнотах, составляют рейтинги. Но я полностью не осмысливал, что кто-то из них следит именно за мной, и от него зависит моя дальнейшая карьера… Да и о том, что могу играть в НХЛ, я вообще не представлял.

Только позже виртуальная лига стала обретать для меня реальность. Однажды сказали, что на матч «Динамо» прилетит генеральный менеджер «Рейнджере» Нил Смит. Специально, чтобы познакомиться, посмотреть мою игру, вручить подарки – хоккейный свитер «Рейнджеров», бейсболку, сумку… Встретились после матча: кроме меня и Смита, был Владимир Юрзинов, переводчик и журналист из Северной Америки. Шел банальный разговор – я даже не вспомню в деталях, о чем. Я ничего не спрашивал: какие могут быть вопросы у 18-летнего пацана? Да и меня особо не мучили загадками. Интересовались, словно у любого новичка из Европы, как ты себе представляешь НХЛ, в какой там играют хоккей, готов ли ты выступать в этой лиге…

Как было отвечать? У нас не показывали НХЛ по телевизору. Только однажды я выступал против энхаэловцев – провел один период, когда «Динамо» обыграло «Монреаль» (4:1). Годом раньше я ездил в турне по Северной Америке. Мы встречались с «Питтсбургом» (5:2), «Торонто» (7:4), «Буффало» (2:4), «Нью-Джерси» (1:7) и «Бостоном» (3:1). Но я по молодости ни в одном из матчей не участвовал. Юрзинов говорил мне: тренируйся с ребятами, смотри хоккей, анализируй и делай выводы. Я привыкал к большой игре, наблюдая за ней с трибуны.

Каким мне в ту пору показался «Монреаль»? Команда, в которой играют здоровые парни – канадские хоккеисты были габаритнее, чем наши. Не скажу, что у меня перед встречей с энхаэловцами тряслись коленки. Но был легкий мандраж. За один период, конечно, я ничего не показал. Имел единственный момент, когда вышел «2 в 1» на ворота «Канадцев» с Юрием Леоновым. Но запорол атаку, отдав партнеру слишком сильный пас. Сейчас прокручиваю в голове тот эпизод и думаю, лучше бы сам бросал… Но у молодых всегда был пиетет перед «стариками» – как говорится, не лезь в пекло поперек батьки. Вот я и не полез. А зря…

Так вот, возвращаясь к разговору со Смитом – завершилась беседа тем, что генеральный менеджер подарил мне свитер «Рейнджере», который они вручают новичкам на драфте. И пригласил в тренировочный лагерь клуба: «Приезжай, попробуй свои силы в НХЛ». Но главная беседа предстояла не со мной, а с тренером. Я попрощался с заокеанским гостем, ушел, а Юрзинов продолжил разговор. Как я понимаю, «Динамо» справедливо хотело получить денежную компенсацию за мой отъезд.

Той же осенью 1991 года, когда я не пробился в сборную на Кубок Канады, Юрзинов отправил меня в Нью-Йорк – «повариться в энхаэловской каше». Тогда, в общем-то, я и принял для себя решение, что буду пробиваться в эту лигу.

В Нью-Йорке меня встретил Марк Гандлер. Он тогда работал с игроками «Динамо», подписывал контракты и переправлял ребят в НХЛ, заключая для них договора. То есть становился их агентом. Ганддер хотел, чтобы и я был его клиентом. Знакомил с городом, помогал с переводом. Но я до этого уже решил, что стану работать с Мартином Хэнли. Познакомился с ним раньше и решил, что этот человек будет представлять мои интересы. Наше сотрудничество продолжается до сих пор. Правда, Хэнли постарел и уже уехал на Филиппины, откуда родом его жена. Но сейчас со мной работает Скотт Гринспун – раньше он был помощником Мартина, кем-то вроде секретаря. А потом принял отнего бизнес.

Как выбирают агента? Каждый молодой парень должен решать сам. В первую очередь, я смотрю на отношение агента ко мне, на профессионализм. Встречаются балаболы, которые только обещают манну небесную, а отдачи от них никакой. Мартин же сразу расположил к себе. Респектабельный мужчина лет 65-ти, относится к тебе с душой. И сразу же совершил первую сделку – предложил одной фирме, выпускающей хоккейные карточки, чтобы меня сфотографировали для серии «Young stars», а потом выбил из них деньги. Я прилетаю в Альбервилль, и Хэнли меня встречает. На шее у него висит небольшая сумочка. Он довольно хлопает себя по груди: «Вот здесь!». В сумке лежало шесть тысяч долларов. Представьте себе, какая это сумма для парня, которому в «Динамо» платили несколько сотен рублей в месяц. За золото Олимпиады, правда, мы получили солидную премию – по девять тысяч долларов на брата. Но я их сразу же потратил, купив отцу новенькие «Жигули». А то, что это получается? Всю жизнь папа работал на тольяттинском автозаводе, но машину так и не заслужил.

В следующем году мы с Хэнли начали переговоры с «Рейнджере». Нью-йоркский клуб уперся: не давал контракт, который мы хотели… Поставьте себя на мое место. Я приехал в команду, провел с ней тренировочные сборы. Но так и не подписал договор.

Приближалось открытие регулярного чемпионата. Хэнли заявляет: «Хватит тренироваться, ты себя уже показал. Теперь надо подписывать контракт». И вот сидим мы в офисе у агента. Он за рабочим столом, с телефонной трубкой в руке. На том конце провода – Нил Смит. Решалась моя судьба. Илия подписываю контракт остаюсь в Нью-Йорке. Или использую уже купленный билет до Москвы и возвращаюсь в «Динамо».

Переговоры получились долгими. Агент со Смитом обменивались звонками часа четыре. Мартин, отрывая трубку от уха, рассказывал мне, что предлагает «Рейнджере». И мы уже

думали, стоит ли соглашаться на такие условия. Разногласия были во всем – и по сумме контракта, и по его сроку. Мне предложили 350 тысяч долларов в год. Считайте, половина уходила на уплату налогов. Не самые плохие деньги по тому времени.

Но я сделал большую ошибку, потому что подписал контракт сроком на пять лет. То есть, уже выиграл Кубок Стэнли-94 с «Рейнджере», а должен был получать все те же 350 тысяч «зеленых». Потом шла прогрессирующая ставка – 400,450 тысяч и пол миллиона долларов в пятом сезоне. Но когда ты играешь в лиге, и рядом с тобой парни начинают подписывать контракты на несколько миллионов долларов в год – тогда как раз начался резкий рост зарплат в НХЛ, ты готов за голову схватиться: зачем я связал себя такими долгосрочными обязательствами?!

Как бы то ни было, контракт с «Рейнджере» подписан, я стал полноправным энхаэловцем. Теоретически. А на практике выяснилось, что кроме НХЛ в Северной Америке есть лиги помельче. В одну из них – в АХЛ, где выступал фарм-клуб «Рейнджеров» – меня и отправили. Как сказали, чтобы я получил больше игровой практики и привык к местному хоккею. Я сразу начал показывать хорошие результаты: провел 13 матчей за «Бингемтон Рейнджере», набрал 24 очка. Можно сказать, не играл, а издевался над соперниками. Успевал даже хватать штрафы – их набралось 35 минут. Хоккей в АХЛ грязноватый, там много дуболомов выступает. Но при хорошем катании уйти от силовых приемов не составляло особого труда, а иногда приходилось и ударом на удар отвечать. Люди смотрели на мой хоккей и не понимали, что я делаю в этой лиге? Подходили и убежденно говорили: «Алекс, твое место в основе «Рейнджере».

Я и сам это знал. Потому что хорошо показал себя в тренировочном лагере. Поначалу появлялись усмешки, вот приехал молодой русский. Но потом я заметил, что многие партнеры были в легком шоке от моей техники. Уже по их взглядам я мог судить о том, что являюсь достойным хоккеистом. Журналисты, заметив мою игру, писали, что в НХЛ скоро появится новая мегазвезда. Ни больше, ни меньше. Да что там говорить, когда я прилетел в Нью-Йорк осенью 1992 года, меня в аэропорту встречали корреспонденты. И вручили газету с заголовком, в котором большими буквами так и было написано: «Будущий Гретцки». И рядом моя фотография… То, что я провел почти месяц в АХЛ, немного расстраивало. Но я понимал, что возвращение в НХЛ не за горами. Таки случилось: ближе кзиме меня снова пригласили в «Рейнджере».

Дебют в НХЛ состоялся в матче с «Китобоями» из Хартфорда.

В этом клубе, кстати, через несколько лет появится мой товарищ по «Динамо» Андрей Николишин. Много ребят из России поедет за океан. А пока мы только осваивали эту дорогу. Когда я приехал в «Рейнджере», там выступал Сергей Немчинов, который провел уже один сезон в лиге. Одновременно со мной в команде появился Серега Зубов из ЦСКА. Он тоже не избежал фарм-клуба, в том сезоне провел 30 матчей за «Бингемтон». Ну а через год к нам присоединился Александр Карповцев, которого мы еще по динамовской привычке называли Жорой.

Я вышел против «Хартфорда» заведенным, очень хотел проявить себя после ссылки в АХЛ. И моментально забил гол. Немчинов боролся на пятачке и пропихивал шайбу в ворота, она замерла на ленточке. Я подлетел, молодой да горячий, и добил ее в сетку. Но не обрадовался, а повесил нос. Я накручивал себя, думал, что отнял гол у партнера.

Немчинов – отличный парень, всегда мне помогал. Он хлопнул меня по плечу: молодец, поздравляю с почином. Сергей сам понимал, как это важно – открыть счет голам в НХЛ. Он рассказывал, как год назад отличился сам. «Рейнджере» приехал в Монреаль, где не мог победить семь ил и восемь лет кряду. Но прервал серию, а Немчинов забросил победную шайбу.

Вплоть до второго матча – как раз это было нью-йоркское дерби с «Айлендерс» – у меня было тяжело на душе. И у Немчинова отобрал гол, и люди теперь подумают, что Ковалев только и может халявные шайбы забрасывать. Я поклялся, что забью нормальный гол, трудовой. И это у меня получилось, причем в том эпизоде я «раздел» защитника «Островитян» Дарюса Каспарайтиса. Вышел на чужие ворота, замахнулся. Каспер бросился под шайбу, а я красиво объехал его, потом голкипера, и расстрелял пустую рамку. Сразу полегчало.

Каспарайтис ко мне подошел после матча. Вздохнул, посмотрел в глаза и признался: «Как ты надоел со своими финтами-выкрутасами. Надо было тебя на бедро принять». Это он так шутил. Бывают защитники, которые копят злобу, когда ты их обводишь, а потом врежут исподтишка: по-другому ведь остановить не могут. Но Каспарайтис не такой – он проводит убойные, но честные силовые приемы.

«Рейнджере» в те годы не считался сильным клубом. Марк Мессье уже пришел из «Эдмонтона». Но в мой первый сезон ньюйоркцы даже не пробились в розыгрыш Кубка Стэнли. И поэтому нас с Зубовым снова отправили в «Бингемтон» – играть за фары-клуб в плей-офф Кубка Колдера. Однако возникла поразительная ситуация: тренер «Бингемтона» Колин Кэмпбелл… не хотел ставить нас в состав. Потому что у него в голове засел

стереотип, что русские не хотят выкладываться в плей-офф.

Конечно, обида заедала. Но не ставят в состав – и ладно. Мы с Зубовым виду не подавали. Я уже купил машину-кабриолет с открытым верхом. Приезжали на утренние тренировки, медленно подплывали к стадиону. В руках по чашечке кофе. Полузакрытыми глазами смотрели, как ребята занимаются на площадке. Потом они отправлялись домой, чтобы выспаться перед вечерним матчем. А мы хватали удочки из машины и ехали на рыбалку. Или брали ракетки и шли на теннисный корт. Что еще делать в Бингемтоне? Городок-то маленький. Вот и убивали время, как могли.

Потом нас начали ставить в состав. Смотрю сейчас статистику: да, за «Бингемтон» в плей-офф я набрал 8 (3+5) очков в 9 матчах, Зубов – 10 (5+5) очков в 11 матчах. Тогда фарм-клуб тренировал Колин Кэмпбелл, который в дальнейшем будет возглавлять «Рейнджере», а с конца 90-х – дисциплинарный комитет НХЛ. Ох, как он на нас злился! Пусть даже мы и набирали по очку за матч, вызывал к себе в кабинет и песочил: у вас, русских, не хватает стимула играть в плей-офф. Как с ним спорить? «Бингемтон» в итоге вылетел из Кубка Колдера. А Кэмпбелл напоследок «обрадовал» нас новостью: готовьтесь, ребята, с нового сезона я буду помощником Майка Кинана в «Рейнджере».

У меня с тех пор с Кэмпбеллом постоянно возникали проблемы. Он ко мне докапывался. Выдумал, например, что я поздно прихожу на тренировки. У «Рейнджеров» принято являться во дворец за час до занятия. А что мне там делать столько времени? Ходить кругами вокруг катка? Я приезжал за полчаса, быстро надевал амуницию и выскакивал на лед. Однажды прихожу, а Кэмпбелл возле раздевалки торчит и мрачно заявляет: «Ковалев, хочу видеть тебя в своем офисе». Я зашел к нему, а он ту же пластинку ставит, как в «Бингемтоне»: ты такой-сякой, тебе на все наплевать. Я сижу и молча слушаю. Если человек не прав, не буду же я ему доказывать обратное. Кэмпбелла задевало, что я никак не реагирую на его проповеди. Тренер доходил до белого каления, сбрасывал книжки со стола, хлопал дверью так, что штукатурка осыпалась, и орал: «Ковалев, иди отсюда!». Я вставал и спокойно уходил. Получалось, как в юмореске Хазанова: если начальник на тебя орет благим матом, ты улыбайся и мысленно считай до тысячи. На второй сотне или у него лопнет терпение, или он сойдет с ума.

У Кинана другое отношение к игрокам. Майк – очень жесткий, но справедливый тренер. Не скажу, что я при нем на площадке мог творить все, что хотел и был свободным

художником. Совсем нет. Но если Кинан видит у тебя самоотдачу, нормальную работу на тренировках, то никогда не станет зажимать или придираться по мелочам. И воспитывал он меня по-другому. Мне поначалу постоянно не хватало игрового времени. Я частенько задерживался на площадке, удлиняя смены. Хотел сотворить гол и порой не замечал, что партнеры уже сидят на скамейке запасных.

Однажды возвращаюсь на лавку, а Кинан мне говорит: «Играй дальше!». Через смену я снова прикатываюсь, но тренер мне показывает жестом: «Играй, играй Ковалев». Меня уже злость берет, а ребята на лавочке со смеха падают. Я кричу: «Вы так со мной, да? Я все равно сейчас гол забью». И забил, в конце концов. Хотя провел на площадке чуть ли не десять минут в режиме нон-стоп, поиграв в пятерках со всеми «Рейнджерами». Кинану это понравилось, он и в следующем периоде оставил меня на площадке еще на четыре минуты. И я снова едва не забил, но не поймал крюком летящую шайбу…

Где я поселился? Поначалу руководство команды сняло номер в гостинице. Но согласно одному из пунктов контракта, клуб оплачивал только три месяца проживания. Позже я арендовал большой дом в одном из городков в окрестностях Нью-Йорка.

Напрокат дали машину – какой-то левый «Форд». Мне она не понравилась. Я объяснил переводчице, какой хочу автомобиль, и мы поехали в магазин. Когда состоялась сделка, хозяин заведения пригласил меня в ресторан – оказалось, он болеет за «Рейнджере» и читал обо мне в газетах. Обратно поехали с переводчицей на разных машинах. А дорогу я толком не знаю. Пару раз добирался до «Мэдисона» на матчи, да и только. Договорились, что я еду за ней из Лонг-Айленда, и она довезет меня до дома.

На хайвэе образовалась большая пробка. Спутница резко ушла на поворот, а я не успел. И поехал прямо. Нью-Йорк – это не Москва. У нас в любом месте можно развернуться, а в Америке уходящие за горизонт стриты и авеню. Я уже понял, что нам не встретиться, и начал сам искать дорогу. Рулю и вздыхаю: «Ну все, началась жизнь в Америке».

Сначала решил, что надо въехать в Нью-Йорк. Там уже покручусь и найду «Мэдисон», а от стадиона до гостиницы доберусь. Крутил головой, читал надписи на указателях. Смотрю – что-то город от меня удаляется. И главное, развернуться негде…

Обратный поворот нашел только 60 километров, когда едва не доехал до Филадельфии. Направился в сторону Нью-Йорка. Подобрался ближе и понял, что не могу въехать в город из-за этих дурацких развязок. Кружу по окраине и думаю, куда меня теперь

занесет… Но выбрался на набережную Гудзона, и по ней уже доехал до знакомых мест. Правда, едва не угробил машину – так смотрел по сторонам, что не заметил развилки и мог налететь на бордюр. С горем пополам добрался до гостиницы. В три часа ночи, хотя из магазина мы выехали в девять вечера. Переводчица в ужасе, звонит в полицию – русский паренек в Нью-Йорке пропал. А когда она узнала, что я сам обратную дорогу нашел, еще больше ужаснулась. Я и сам в легком шоке был. А потом успокоился и даже обрадовался: вот, уже начал открывать Америку, и даже дороги кое-какие знаю. Теперь не пропаду.

А еще вспоминается ужин новичков – через эту традицию проходят все молодые хоккеисты лиги. Выражается она в том, что парни, которые проводят первый сезон в НХЛ, скидываются и снимают хороший ресторан на всю команду. Выходит приличная сумма с каждого дебютанта, отдают по 4–5 тысяч долларов. К тому же новички должны выполнить какое-нибудь задание: одни поют гимн своей страны, другие танцуют. Саня Овечкин рассказывал, что ему велели привести первую попавшуюся девушку и устроить с ней публичный поцелуй взасос перед командой. Он вышел из ресторана, нашел какую-то красавицу. Говорит ей в лоб: «Знаешь меня?». – Она опускает глаза: «Конечно, тебя часто по телевизору показывают». – «Тогда пошли целоваться!».

Мой ужин новичков состоялся на выезде за день до матча с «Калгари». И за день до дедлайна – крайнего срока, когда в лиге разрешены обмены. Проставлялись четверо – швед Петер Андерссон, я, Зубов и Карповцев. Сидели нормально до тех пор, пока Карповцев не решил посоревноваться с нашим драчуном Джоем Контуром, кто больше выпьет водки. И если наш Жора, простой русский парень, честно выполнял условия пари, то хитрый Кошур договорился с Эсой Тикканеном, сидевшим рядом, и тот ему менял водку в стопке на простую воду. К концу вечера Карповцев был уже пьяный в драбадан, а Кошур сидел бодрячком и делал вид, что готов употребить еще пару бутылок «Smirnoff».

Я вообще в тот вечер жутко отравился. Выпил шампанского, и меня начало мутить. Потом была легкая потеря памяти. Очнулся я в туалете, когда меня тряс за плечо ветеран Майк Гартнер: «Алекс, там нужна твоя кредитная карточка». Пошатываясь, я вышел из уборной и увидел, как товарищи по команде несут под руки Карповцева, у которого ноги заплетаются. Хорошо, что гостиница была напротив ресторана.

Утром нашли в себе силы выйти на тренировку. Оказалось, у нас нескольких парней за время гулянки обменяли в другие клубы. Остальные чуть лине ходят по льду, лица смурные. И

только Кошур все веселится. Он взял лейкопластырь, приклеил веки ко лбу и катался с широко раскрытыми глазами, будто показывая нам: «Надо уметь пить, ребята». Когда Жора узнал о подлоге с водой, он сильно обиделся на Кошура, даже не разговаривал с ним несколько дней. Ну а я был рад, что прописался в НХЛ. И уже тогда понял, что скучно мне в этой лиге вряд ли будет.

«Рейнджерс»

Взбучка от Кинана. – Мессье толкнул речь. – Как держать Буре? – Перстень за 70 тысяч долларов.

Позвольте начать с отступления. Это лучше поможет понять, что творилось в «Рейнджере» в 1994 году. Познакомьтесь с монологом помощника нашего генерального менеджера Ларри Пло, опубликованного в марте в еженедельнике «Хоккей»:

– Сезон – 1992/93 мы провалили. В концовке регулярного чемпионата «Рейнджеры» выглядели деморализовано (6 очков в 16 матчах) и не попали в плей-офф. Первейшей задачей в межсезонье было как можно быстрее забыть обо всех кошмарах. Обиды, переживания, неуверенность, в общем, весь негатив оставить в прошлом и начать жизнь с чистого листа.

Еще в ходе первенства наше руководство стало подыскивать кандидатуру на пост главного тренера. Как только «Чикаго» всухую вылетел в первом раунде Кубка Стэнли от «Сент-Луиса» и объявил об увольнении Майка Кинана, хозяин «Рейнджере» тут же вступил с ним в переговоры, которые вскоре завершились подписанием контракта. Кинана назначили в апреле, и тогда же, по сути, началась подготовка к новому сезону.

Вы учтите высочайшую репутацию Кинана, его отменный послужной список (дважды при нем сборная «Кленовых листьев» выигрывала Кубок Канады) – это вселило уверенность хоккеистам, настроило их на серьезную работу. Вообще, Майка относят к наставникам, которые дают мгновенный результат. Так было в 1985 году в «Филадельфии» – Кинан с ходу вывел ее в финал Кубка Стэнли, а через год сделал это повторно. Так было в

1989-м в «Чикаго» – после трех лет подряд неудач в первом раунде плей-офф «Черные Ястребы» дошли до финала конференции…

Ход чемпионата показал, что стратегию «Рейнджеры» выбрали верную, и кризис удалось быстро преодолеть. Уверенно играет в воротах Майк Рихтер. Под стать ему второй голкипер Гленн Хили. Нет претензий к защитникам, среди которых нужно выделить заметно прибавившего Сергея Зубова. Мы среди лидеров НХЛ по реализации большинства (как правило, находимся в тройке) и лучшие по игре в меньшинстве. Этим моментам в лиге уделяют исключительное внимание.

В лице Адама Грэйвза, Сергея Немчинова, Александра Карповцева, Эсы Тикканена, того же Зубова солидную поддержку имеют теперь суперзвезды «Рейнджере» Марк Мессье и Брайан Литч. Грэйвз вообще превзошел все ожидания: в этом первенстве он уже забросил больше половины шайб от проведенных в течение всей его предыдущей карьеры (было 85 голов в 381 матче). Адам – лидер команды по духу, способен ее объединить, поднять, повести за собой партнеров. Эти качества он ярко проявил под Новый год, когда вместо повредившего кисть Мессье выполнял обязанности капитана.

Отдельно надо сказать о ветеранах – 34-летнем Майке Гартнере и 32-летнем Стиве Лармере. Оба поражают невероятной стабильностью. Майка наверняка изберут в Зал славы НХЛ, в этом сезоне он забил 600-й гол за карьеру. Феноменально и достижение Лармера: Железного человека, который за 11 сезонов в «Чикаго» не пропустил ни одного матча – 884 игры подряд! Безусловно, Стив продолжил бы эту фантастическую серию, если бы не конфликт с руководством «Ястребов». У Лармера завершился контракт, он требовал перехода в «Рейнджере», вслед за Кинаном. Пока утрясали формальности, сезон стартовал, и серия была прервана. Ну а в январе Стив впервые в карьере все-таки пропустил ряд матчей из-за болезни, когда сломал палец на руке. Однако о мужестве форварда говорит тот факт, что он доиграл ту встречу с «Калгари» до конца.

В целом же, травмы обходят «Рейнджере» стороной, и это один из основных факторов успеха команды в сезоне. Кинану удалось сформировать три почти равноценных, очень мощных звена. В каждом из сочетаний есть опытные игроки, дирижеры, бомбардиры, есть кому побороться на вбрасывании – кто чаще выигрывает шайбу в НХЛ, тот владеет инициативой.

В каких именно тройках выступает «Рейнджере»? Тут правильнее говорить о связках. Скажем, центрфорварды Мессье и Немчинов всегда выходят соответственно с левым крайним

Грэйвзом и правым крайним Гартнером. Как правило, с Мессье и Грэйвзом справа действует Амонте. (Буквально через пару дней, как интервью выйдет в печать, Амонте обменяют в «Чикаго» на Стефана Матто и Брайана Нунана. Они помогут «Рейнджерам» выиграть Кубок Стэнли, а Амонте так и не простит Кинану, что он выжил его из той команды). Однако в зависимости от ситуации выпускаем Лармера или Ковалева. Алексей неплохо выглядит и на другом фланге, потому иногда подпускаем его или Грега Гилберта к Немчинову и Гартнеру, где слева обычно играет Тикканен.

Еще один вариант: Тикканен в центре, справа – Лармер, слева – Гилберт. Остальные форварды – центр Майк Хадсон, левые крайние Фил Бурк, Майк Хартман, правый – Джо Кошур и другие – хоккеисты крепкие, рослые, жесткие. Их задача – поддержать общий фон, дать передохнуть ведущим, если потребуется, поучаствовать в стычках, осадить соперника.

В большинстве у нас всегда выходит пара защитников Литч – Зубов, а впереди – Грэйвз, Мессье, Амонте. Вторую минуту пытаются реализовать лишнего Гартнер, Тикканен, Лармер. Из россиян изредка используем в атаке Ковалева. А вот Немчинова в большинстве не выпускаем никогда – не того плана игрок. Он и Гартнер – лучшие в команде «убийцы» штрафного времени. Помимо них в меньшинстве защищаются Мессье – Грэйвз, Тикканен – Лармер, Ковалев. В обороне используем всех защитников, кроме Литча и Зубова – Джеффа Букебума, Кевина Лоу, Александра Карповцева, Джея Уэллса…

Отдельно о Ковалеве. Сейчас мы не ждем от него высокой результативности – время Алексея придет через год-два. Хотя вот в прошлом сезоне Ковалев забил 20 голов – приличный показатель для 20-летнего парня. Что касается драфта-1991, то по идее Ковалев на нем должен был быть выбран не пятнадцатым, а первым или вторым. Просто СССР в ту пору был значительно закрыт для клубов НХЛ, и не имелось уверенности, что юниор переедет в Америку. Алексея выбрал на драфте Нил Смит – он раньше работал скаутом «Детройта» и убедил руководство клуба выбрать Сергея Федорова и Владимира Константинова. То есть Смит очень хорошо знал русский рынок, причем не только игровые качества юниоров, но и их характер.

Ковалев, кроме всего прочего, подходит «Рейнджере» по менталитету. Здесь нужны хоккеисты, которые по духу, по стилю соответствуют Нью-Йорку. Игрок должен осознавать себя звездой, ярко подавать себя, будоражить публику, быть немного шоуменом. У Ковалева это получается, и зрители его любят.

Итак, в «Рейнджере» многое изменилось с приходом Майка

Кинана. Начиная с комплектации команды и заканчивая предсезонными матчами, которые устроили в Лондоне. Мы с «Торонто» прилетели в столицу Англии и провели два товарищеских спарринга. Необычный опыт.

Наша команда чем-то была похожа на «Эдмонтон» середины 80-х – тон в коллективе задавали ветераны Марк Мессье, Крэйг Мактавиш, Кевин Лоу. Играли мы здорово. Помню даже, повторили рекорд клуба – 24 домашних матча без поражений. Болельщики Нью-Йорка очень надеялись на то, что мы сможем впервые за 54 года выиграть Кубок Стэнли. «Рейнджере» рассчитывал выстрелить в плей-офф, но нашей ахиллесовой пятой были матчи с «Айлендерс» на Лонг-Айленде. Победить в нью-йоркском дерби в гостях никак не получалось. И когда мы попали на «Островитян» в первом раунде, все начали дружно говорить: «Ну, тут «Рейнджерам» и конец. Играть они умеют только на своей площадке». Какнастолько болельщики «Айлендерс» не обзывали. И лузерами, которые полвека не могут выиграть Кубок Стэнли. И вывешивали плакаты: «Готовьтесь к гольфу» – намек на то, что мы досрочно закончим сезон.

Вообще, массовая нелюбовь к «Рейнджере» среди болельщиков Америки – это отдельная история. Мне кажется, причина только в том, что у «Рейнджеров» всегда водились деньги, и команда могла купить любую звезду. Особенно это ярко проявилось перед локаутом, когда «Рейнджере» каждый год приобретал игроков вроде Буре и Линдроса, но систематически не попадал в плей-офф. У болельщиков крыша ехала от того, как разбазариваются такие деньжищи! Но считать деньги в чужом кармане – дурная привычка.

Еще нужно понять, что для такой команды, как «Рейнджере», для такого стадиона, как «Мэдисон», наличие звезд необходимо. Это же центр Нью-Йорка! Болельщики хотят видеть шоу, как на Бродвее. А как их затащишь на хоккей, если на афише не написать громкие фамилии? Бизнес, друзья мои, ничто иное. Ну а на общественное мнение нам всегда было наплевать. Победы – вот что главное. К примеру, мало кто любит сборную Италии по футболу. И от обороны играют итальянцы, и прагматичные, и картинно могут упасть, и Матерацци нехороший Зидана спровоцировал. Но стала Италия чемпионом мира, и кто сейчас вспомнит, что публика была против них?… А вот что «Рейнджере» в плей-офф так долго не попадали – это совсем другая тема. Баланса не имелось в команде. В отличие от того состава, который был у нас в 94-м.

Первые два матча плей-офф мы проводили в «Мэдисон Сквер Гарден». И нанесли мощный удар по «Айлендерс» – 6:0,6:0! Люди

начали менять мнение об исходе серии, но все равно, с нетерпением ждали, что «Рейнджере» покажут на Лонг-Айленде. Оказалось, и у себя дома «Островитяне» с нами поспорить не смогли. В третьем матче мы победили 5:1, а в четвертом – 5:2. И выиграли серию всухую (4–0). Все получилось легко и красиво. Хотя ажиотаж вокруг поединков был невероятным. Даже драки между группировками нью-йоркских болельщиков случались, что для НХЛ вообще-то несвойственно.

В четвертьфинале мы встретились с «Вашингтоном». Победили в серии 4–1. Игра с ними получилась вязкой, но особых проблем «Столичные» нам не доставили. Тем более после победы над «Айлендерс» мы играли с воодушевлением и прошли серию на одном дыхании.

Правда, одна интрига имелась. Журналисты замучили меня расспросами, что я не поделил с братьями Хантерами. Младшему, дескать, руку сломал. Старшему, полицейскому – ногу. В общем, не Ковалев, а настоящий монстр. Рассказываю, что было на самом деле.

Никакого злого умысла я не держал. Все получилось случайно. Марку Хантеру еще в игре за фарм-клуб я нечаянно попал черенком по руке. Тот бросил клюшку и полетел на меня с кулаками. Схватились, а потом мне говорят: что же ты, нехороший человек, сломал руку Хантеру?

С братом его и вовсе была натуральная игровая ситуация. Я преследовал Дэйла, чтобы отобрать у него шайбу, решил его обогнать. Прибавил, почти сравнялся с ним. Но тут увидел, что Хантера и так блокируют.

Передал его защитнику, а сам резко пошел на вираж, ну и зацепил тафгая «Вашингтона» за ногу. Он неловко упал – потом очнулся, гипс. А некоторые посчитали, что я Хантера нарочно вырубил. Но это же хоккей. От травм никто не застрахован, тем более и плохой лед мог свою роль сыграть.

Перед серией плей-офф с «Вашингтоном» журналисты атаковали меня: не боюсь ли я мести Хантера? Я отвечал, что мне все равно против кого играть, и кто меня будет опекать. Главное – не отходить от своего стиля и поменьше удаляться. А то у меня была поначалу такая проблема в НХЛ. Ведь в «Динамо» для обыгрыша хватало техники, скорости. А за океаном сразу же сталкиваешься с жестким силовым противодействием по всей площадке. Хочешь – не хочешь, надо перестраиваться. А я поначалу хватал глупые штрафы, трижды в регулярке меня удаляли до конца матча. В конце концов, я стал играть чище. А Хантер… Особой агрессивности с его стороны не почувствовал. И ту четвертьфинальную серию мы взяли очень легко.

Еще раз повторю, в том «Рейнджере» играли четверо наших хоккеистов – я, Сергей Немчинов, Александр Карповцев и Сергей Зубов. Боролись мы не только с соперником, но и со стереотипом, что русские не умеют сражаться в кубковых матчах. Это убеждение появилось еще с тех пор, когда я выступал за фарм-клуб. Нас даже Майк Кинан всей компанией вызывал на ковер. Случилось это как раз после серии с «Вашингтоном». Не знаю, был ли повод для воспитательной беседы… Я его не чувствовал. Играл нормально, забивал во всех матчах с «Айлендерс», «Столичным» парочку положил. Но, видимо, Кинан хотел еще больше поднять нам мотивацию. Или это его помощник Кэмпбелл настучал, и с его подачи состоялась эта встреча.

Мы собрались в офисе Кинана. Майк начал издалека:

– Вот, некоторые люди говорят, что вам не интересно играть в плей-офф… Нужно доказать, что это ошибочное мнение.

Тут для красочности картины стоило бы написать, что Кинан начал нас бить по почкам, а потом вскочил на стол и стал пинать в нас чернильницы. Эту версию рассказал Карповцев одному доверчивому корреспонденту в интервью, и она потом разнеслась по России. Да, Железный Майк может сорваться и устроить такое буйство, что мусорные корзины по раздевалке летать будут. Но в тот раз ничего страшного не случилась. Обычная воспитательная беседа. Но нас она обидела. В самом деле, играем хорошо, а нам не доверяют? Так будем играть еще лучше!

В полуфинале мы встретились с «Нью-Джерси». Серия складывалась очень тяжело. Тогда «Дьяволы» забивали мало и практически не вылезали из обороны. Забросят одну шайбу, а потом играют на удержание счета. Шел вязкий монотонный хоккей. Игроки «Нью-Джерси» не стеснялись бить нас клюшками по рукам, постоянно цеплять. А судьи закрывали на это глаза. Это сейчас борются за чистоту игры. Но в ту пору дать удаление, да еще в овертайме мог только сумасшедший.

Кульминация в серии случилась перед шестым матчем. Мы уступали 2–3 и приехали в Нью-Джерси. Одна победа «Дьяволов» – и все, «Рейнджеры» вылетают из плей-офф. Тогда наш капитан Марк Мессье сделал заявление в прессе, что он дает гарантию: в этой серии будет седьмой матч, и наша команда победит. Потом на этих словах построили обложки все спортивные газеты Нью-Йорка.

Шестой матч. Ист-Рутерфорд. После первого периода мы уступаем 0:2. Я играю на позиции центра в тройке с Лармером и Матто. В конце периода Кинан сажает меня в запас, и я пропускаю пару смен. После перерыва Майк подлетает ко мне и начинает орать прямо на лавке: «Ты вообще играть будешь? Хочешь играть

или нет?!». Я тоже начинаю кричать: «Да, хочу!». И тогда Кинан объявляет: «Следующими на лед идут Мессье, Грэйвз и Ковалев». Мы выскакиваем на площадку, я тут же забиваю первый гол «Рейнджере». Иначал ось… Мы победили 4:2, я набрал 3 (1 + 2)очка, Мессье сделал хет-трик, а Литч отдал три передачи.

Седьмой матч тоже получился жутко нервным. Мы выиграли в овертайме (2:1), когда Матто забил свой знаменитый гол. Он выкатился из-за ворот «Нью-Джерси». Вячеслав Фетисов, который тогда играл в защите «Дьяволов», присел перед ним. А шайба по хитрой траектории пролетела под Фетисовым и еле-еле заползла в ворота. Комментаторы в «Мэдисоне» тогда чуть голоса не сорвали. Если вы зайдете на официальный сайт «Рейнджере», то и сейчас можете обнаружить ту историческую запись, когда они кричат в микрофон: «Матто! Матто! «Рейнджеры» в финале Кубка Стэнли! Невероятно!».

Мало кто ждал, что в финал плей-офф от Западной конференции пробьется «Ванкувер». В тот год команда, в которой играл Павел Буре, неважно выступила в регулярном чемпионате. Но я не устану повторять, что в Кубке Стэнли у некоторых аутсайдеров открывается второе дыхание, а фавориты наоборот, терпят сенсационные поражения. Так что, это чистая лотерея. Никто, например, не ждал, что и «Рейнджеры» доберутся до финала, хотя мы в тот год и стали лучшими в «регулярке». Народ думал, что первые два раунда ладно, мы пройдем. Но в третьем нас «Нью-Джерси» точно сожрет. Потому что таких прагматиков от хоккея еще белый свет не видывал. Кстати, эта тактика в следующем сезоне принесет «Дьяволам» Кубок Стэнли – они проглотят и не поперхнутся «Детройт», который побил кучу рекордов в регулярном чемпионате, но в финале не выиграл ни одного матча.

Та команда «Рейнджере» была удивительной. Сплоченная, дружная. Я сравниваю с тем же «Динамо» – там коллектив делился на молодых и ветеранов, которые не имели общих интересов. А у «Рейнджеров» такой границы не существовало. Все пахали на льду плечом к плечу. Как игроку-второгодку, было очень приятно, когда во время матча ко мне обращался один из ветеранов: «Давай, Леха, покажи им всем! Ты можешь!». Постоянно меня заводили, и от таких слов хотелось выскочить на лед и забить гол.

Самый пик напряжения случился в седьмом матче с «Нью-Джерси». А в финале с «Ванкувером» мы раскрепостились. Во-первых, потому что отступили от края пропасти. Во-вторых, устали за время длинного сезона. Хотелось быстрее закончить эту серию. В-третьих, концентрация у нас сохранялась, потому что

никто не собирался проплыть все море и утонуть у пристани. Мы знали, что можем победить «Ванкувер». И вышли на финал, как люди, которые уверены в том, что победа от них не уйдет.

Хотя вы можете заметить: ведь и с «Ванкувером» финал затянулся до седьмого матча. Где логика? Но я напомню, что мы вели 3–1 в серии. И проиграли два поединка… специально. Как раз в те дни стала известна информация, что Майк Кинан решил уйти из «Рейнджере» – в другом клубе (потом окажется, что в «Сент-Луисе») ему предложили более выгодный контракт. Ветераны «Рейнджере» жутко обиделись на Кинана. Потому что это подло – вести переговоры за нашими спинами, когда мы все вместе бьемся за Кубок Стэнли.

Не скажу, что все расслабились и начали «сплавлять» матчи. Нет, просто стали играть спустя рукава. Потому что понимали: еще одна победа – и все, сезон закончен, Кинан на белом коне уезжает из Нью-Йорка. «Старики» выигрывали по четыре-пять чемпионских перстней за карьеру. Шестой в коллекцию? Здорово, но куда интереснее потрепать нервы тренеру. Преподать ему урок. Дотянуть до седьмого матча, а там – русская рулетка: или пан, или пропал. В этом все дело. Не открылась бы тайна Майка, мы бы спокойно закончили финал со счетом 4–1 и разошлись бы на каникулы.

Кинан – тоже не дурак. Он понимал, что происходит неладное. Тренер перед седьмым матчем зашел в раздевалку и начал извиняться перед командой. Вот, мол, его неправильно поняли, никуда он не уходит. В общем, Майк покаялся, и «Рейнджеры» стали совсем другими. Мы опять начали играть в полную силу и победили «Ванкувер». Помню, один из голов в седьмом матче забил Марк Мессье. Мы вели 3:1, но на 45-й минуте капитан гостей Тревор Линден забросил еще одну шайбу. Концовка должна была стать драматичной. За четыре минуты до конца игрок «Ванкувера» попал в штангу. За 38 секунд до сирены арбитр назначил три вбрасывания в нашей зоне. Но никакой интриги не получилось – мы три раза выиграли «стандарт», причем отличался Крэйг Мактавиш: лучший в лиге по вбрасываниям. Его в прессе называли «последний могиканин», потому что он был единственным в лиге, кто выходил на лед без шлема.

А вообще, играть против «Ванкувера» было довольно просто. У канадцев атаки чаще всего строились через Павла Буре. Соперники выкидывали шайбу в среднюю зону, и Буре за счет своей сумасшедшей скорости улетал один на один с вратарем. Все, что было нужно – перекрыть ему кислород. Мы с этим справились, стараясь играть с Павлом очень плотно. Но не было

такого, что Кинан приставлял к нему персональщика, который носился бы за Буре по всей площадке. Это физически невозможно – как угнаться за таким метеором? Поэтому мы держали лидера «Ванкувера», когда он пытался войти в нашу зону. Не стеснялись встретить его жестким силовым приемом, лишь бы отобрать шайбу.

В итоге Буре просто не мог разогнаться. Против него выпускали третье-четвертое звено, где работали Эса Тикканен, Крэйг Мактавиш. Тикканен не просто цеплял Павла при первой возможности, но и подковыривал его, бросал что-то обидное. Мы знали, что Буре вспыльчивый. Когда «Ванкувер» играл в четвертьфинале, за Буре устроил охоту тафгай «Далласа» Шейн Чурла. Он его тоже доставал, и, в конце концов, Павел врезал ему локтем в голову. Чурла рухнул как подкошенный, а Буре заработал дисквалификацию. То есть произошел размен игроков, причем явно не в пользу «Ванкувера». А то, что Павел чувствовал себя неуютно в финале, говорит и то, что много очков против «Рейнджере» он не набрал. А однажды вообще не реализовал буллит в ворота Майка Рихтера. Хотя тот момент едва не стал переломным: забей Павел, и «Ванкувер» мог одержать победу в первом матче, получить моральное преимущество.

То, что творилось вокруг «Рейнджере» в финале, сложно описать словами. Народ приходил на пятый матч с шампанским. Уже на трибуне хотели отметить нашу победу. А команде объявили, что если мы станем чемпионами, то в городе устроят точь-в-точь такой же парад, который был у «Рейнджере» в 1940 году. Принесли Кубок Стэнли, поставили его к бортику. В раздевалки завезли ящики шампанского – нам, конечно, их не показывали. А то, что команда дотянула дело до седьмого матча, только усилило эмоции, когда мы победили.

Последнее вбрасывание в нашей зоне произошло затри секунды до сирены. «Ванкувер» выпустил на лед Буре. Всем было понятно, чего хотят канадцы: одним касанием откинуть шайбу Павлу, чтобы тот нанес мощный бросок. Но Мактавиш даже не дал гостям начать комбинацию. Проревела сирена…

Сергей Федоров рассказывал, что его первое впечатление от выигрыша Кубка Стэнли – это набухшие от пота и талого льда коньки, в которых невозможно передвигать ноги. Проще было провести целый матч в финале, чем сделать один круг почета с серебряной чашей над головой. Федоров ехал, как хмельной, улыбался, его пошатывало от усталости.

А мои эмоции… Какая-то щенячья радость. В тот момент у меня словно второе дыхание открылось. Бегал по льду, всех обнимал, что-то кричал. Кубок Стэнли мне передал Сергей

Немчинов. Я хотел схватить чашу и носиться с ней по всей площадке. Пробежал половину поля и отдал трофей Зубову… Отходняк наступил только через несколько дней. Когда прошла эйфория и начали ныть все болячки, заработанные во время плей-офф.

Мы пришли в раздевалку, натянули футболки, на которых заранее было написано «Рейнджере» – чемпион 2004!» (а вот интересно, куда дели бы эту продукцию, если бы мы все-таки проиграли?). Надели бейсболки с логотипом Кубка Стэнли – эта кепка до сих пор хранится у меня в домашнем музее в Нью-Йорке. Навалил народ, который начал растаскивать все, что попало на сувениры. Комментатор Сэм Роузен схватил мои перчатки, другой человек попросил клюшку. Когда с меня начали стягивать нижнее белье – майку, пропитанную потом, носки и даже трусы, я сбежал в душ. На память кроме бейсболки остались только футболка и коньки, которые чудом удалось сохранить.

Это было похоже на шальной, абсолютно безбашенный карнавал. Все в раздевалке «Рейнджере» пели, пили, кричали какие-то лозунги, фотографировались с Кубком Стэнли, без Кубка Стэнли, с партнерами… Обпились шампанским до такого состояния, что у меня от брызг шипучки лицо стало красным – выступило раздражение. Тогда я совершил вообще что-то чудное: взял ведро, в котором принесли шампанское, и попытался встать на руки, чтобы головой погрузиться в лед. А когда делал стойку, то навернулся и сильно ударился ногой об шкаф. Все притихли, начали с тревогой смотреть на меня. А я вскочил, как оживший Терминатор, и снова начал орать: «А-а-а, мы – чемпионы!». Веселье продолжилось, а в потолок полетели новые пробки от бутылок.

Когда шампанское кончилось, достали пиво. Выпили, наверное, годовой запас алкоголя в «Рейнджере». Но что интересно, ребята на своих двоих смогли дойти до банкетного зала, где продолжилось гуляние. Потом мы вызвали такси, я поехал домой. И вот тут, как уже было после золотой Олимпиады в Альбервилле, я поймал себя на мысли: черт, такое ощущение, что эта победа случилась две недели назад. Как будто оглох. Еду в машине под урчащую магнитолу по полутемному Нью-Йорку. И уже нет вокруг этого карнавала. Как будто кто-то невидимой рукой дернул рубильник «fun» в положение «off».

Чувство радости вернулось завтра, когда мы пригласили всю команду в русский ресторан «Распутин». А на третий день в Нью-Йорке, как и обещали, устроили чемпионский парад в честь «Рейнджере». Игроки расселись в машины – в моей находились я, Женя и Зубов с женой. Наш автомобиль ехал одним из последних,

а возглавляла процессию машина, в которой расположились пятеро ветеранов: Литч, Рихтер, Мессье, Грэйвз и Лоу. Мы прокатились километра два по Бродвею на медленной скорости. А вокруг ликовали болельщики. Сотни тысяч их были, не меньше. Такое ощущение, что весь город собрался поглазеть на Кубок Стэнли. В воздухе кружило так много конфетти, что было похоже, будто наступила зима.

На следующий день после парада мы отправились на баскетбол: «Нью-Йорк Никс» играли шестой матч полуфинала в НБА… «Рейнджеры» пошли по рукам – нас приглашали вбросить первый мяч в бейсболе перед игрой «Янкиз», разрезать какие-то красные ленточки. Никогда такого не случалось, чтобы я за четверо суток спал около двух часов! В конце концов, стало ясно, что гулянка может продолжаться бесконечно, и я сломался: «Все, ребята, пошел в кровать».

Как раз в те дни ко мне в Нью-Йорк приехал мой друг Леха Подолинский. И мы отправились делать шопинг. Лешка – черненький, чем-то на Зубова похож. А нас весь город знает: какже, все плей-офф смотрели. Народ нас замучил – все просили автографы: и у меня, и у него, думая, что он – Зубов и есть. В конце концов, Подолинский выговорил мне: «Не буду с тобой больше по магазинам ходить. У каждого прилавка приходится по полчаса ждать, пока от тебя поклонники отстанут».

Вечером мы решили покуражиться в ресторане. Отдохнули так, что когда поймали такси, не могли объяснить водителю, где находится мой дом. Это был единственный раз в жизни, когда я напился до потери памяти. Ситуация очень была похожа на эпизод из «Джентльменов удачи», когда Крамаров, Леонов и Вицин катаются по городу и ищут нужный дом, рядом с которым статуя мужика в пиджаке и развесистое дерево.

Название улицы напрочь вылетело у меня из головы. Я управлял таксистом, показывая ему направления, как плохой дирижер. Он возил нас часа два. И каким-то образом – наверное, звезды на небе правильно встали – привез к дому. Леха потом рассказал, что когда мы вошли в коридор, он сказал моей жене: «Сходи, заплати таксисту. Там, наверное, счетчик на пару сотен долларов накрутился». Женя вышла, а водитель уже уехал. Он узнал меня и решил не брать денег в благодарность за то, что «Рейнджере» выиграл Кубок Стэнли.

В лиге есть хорошая традиция – каждый игрок из команды-чемпиона имел право получить Кубок Стэнли на пару дней в безграничное пользование. Что только не делал народ с трофеем! Говорят, и собак из нее кормили, и с балкона бросали в бассейн, находились даже мудрецы, которые спали с чашей в постели. С

тех пор, когда кубок стали возвращать помятым, с царапинами, руководство НХЛ ужесточило правила. Теперь приз дается только на один день, причем к нему приставлены два охранника в белых перчатках.

Увы, мне не представилась возможность устроить вечеринку с кубком. Сначала его получили ветераны. Я ждал своей очереди, время поджимало – нужно было лететь в Россию. В итоге я недотерпел, решив, что получу Кубок Стэнли в конце августа, когда вернусь в Америку. А когда я приехал в Штаты перед началом сезона и позвонил в клуб: мол, пора бы и кубок дать, то меня «обрадовали» известием, что в лиге начался локаут, поэтому все праздники отменяются. Вот когда забастовка подойдет к концу, получишь трофей. Все думали, что локаут не будет длиться долго. Но он затянулся на 102 дня…

Зато чемпионский перстень получил. Их вручали на командном ужине сразу после парада. Нас усадили в зале, где все отделано под старину. Разнесли большие серебряные блюда, накрытые крышкой, поставили перед каждым игроком. Мы одновременно открыли их и увидели коробочку, через стекло которой было видно ювелирное украшение. Я поразился, как быстро они сделали перстень – всего за несколько дней! Разумеется, не в ущерб качеству. На печатке красовалась эмблема клуба, по диагонали синими и белыми драгоценными камнями выложено «Rangers». Сбоку выгравирована моя фамилия и год чемпионства – 1994. Какнам сказали, каждый перстень стоит по 70 тысяч долларов. А женам подарили кулоны с таким же рисунком, как на наших печатках…

Я чемпионский перстень практически не ношу. Он хранится в сейфе одного из нью-йоркских банков. Бывает, хочется его надеть, чтобы вспомнить ту прекрасную победу. Но я гоню от себя эти мысли: любоваться начну, когда повешу коньки на гвоздь. А сейчас нужно идти к новому Кубку Стэнли.

Два раза в ту же реку

Первый локаут. – Обмен в «Питтсбург». – Возвращение на Бродвей. – Свист в «Мэдисоне».

Начало локаута стало для всех шоком. В отличие от забастовки, состоявшейся в 2004 году, в середине 90-х мы не были слишком грамотными в юридических вопросах. Почему профсоюз игроков отказался подписывать коллективное соглашение с НХЛ? С какой стати хозяева клубов решили закрыть стадионы на замок? Сколько дней мы будем сидеть без работы?

Я решил не ждать у моря погоды, и поехал в Тольятти, чтобы играть за «Ладу». Как раз у меня появилась возможность дебютировать в клубе, в школе которого я провел все детство. Помню, позвонил отец и сказал, что «Лада» хочет пригласить меня в состав. Все равно было нужно побывать дома. Прилетел в Тольятти, встретился с руководством. Оговорили условия, и я подписал контракт. Помню, еще Андрюха Коваленко подтянулся в команду, потом Слава Буцаев…

За «Ладу» я провел 12 матчей, в которых набрал 16 (8+8) очков. Без всяких проблем влился в российский чемпионат. После сумасшедших матчей в плей-офф Кубка Стэнли наше первенство показалось мне заторможенным, даже спящим. В первую очередь, на это восприятие влиял размер площадок. Они не компактные, как в НХЛ. Это настоящее русское поле, как в песне – очень большое, потеряться на нем легко. Я пытался поддерживать темп игры, к которому привык в Америке. И с трудом боролся – нет, не с соперниками, а с вязкостью, которая затягивала меня, сковывала ноги, тормозила движение. Словно кто-то держал меня

сзади за свитер и говорил: «Ну куда ты бежишь, чудак. Посмотри на других, никто здесь так не носится».

Ближе к зиме я принял участие в турне «Звезд России», в котором играли все наши энхаэловцы – Вячеслав Фетисов, Сергей Федоров, Павел Буре, Александр Могильный… Ребята собрались вместе, чтобы поддержать форму во время локаута. Но, самое главное, хотелось показать нашим болельщикам всех тех парней, которые за последние годы уехали из России в НХЛ. Так сказать, провести хоккейные гастроли.

Конечно, особой спортивной борьбы в тех матчах не было. Хотя вот ярославский «Локомотив» нас обыграл, а ЦСКА в Москве мы победили только со счетом 5:4. Но результат отходил на второй план… За океаном уже закончился локаут, а Фетисов, Буре и Могильный так вошли во вкус, что даже провели один официальный матч за московский «Спартак». Смотрелось это необычно – три экс-армейца в красно-белых свитерах со спартаковским ромбом.

О том, что локаут подошел к концу, я узнал от своего агента. Официально о подписании коллективного соглашения еще не объявляли. Но агент сказал мне: «Собирайся и приезжай в Америку. Сделку заключат со дня на день». Так и произошло. А через две недели начался регулярный чемпионат, который получился усеченным – каждая команда провела не по 84, а по 48 матчей. «Рейнджеры» попали в плей-офф. В первом раунде прошли «Квебек» (4–2), но во втором по всем статьям уступили «Филадельфии» (0–4). Наша команда уже не была такой цельной. Дай Майк Кинан не сдержал слова и перешел в другой клуб. Новым главным тренером был назначен «обожаемый» мной Колин Кэмпбелл.

Вообще, это удивительно: я в «Рейнджере» играл до 1998 года, и все это время меня считали молодым. Какой-то стереотип сложился, что вот, Ковалев еще зеленый, ему стабильности не хватает. Лига в середине 90-х совсем не была похожа на нынешнюю. Это сегодня может появиться 18-летний Сидни Кросби, которому сразу будут готовы нашить букву «С» на свитер и дать львиную долю игрового времени. Теперь делают ставку на молодых, и они раскрываются при новых игровых правилах, когда ставка делается на атаку, скорость, технику.

А в мое время больше доверяли ветеранам. Они пока не завершали карьеру, практически не уходили с площадки. Сложно проявить себя в условиях, когда тебе редко доверяют. Поэтому и получалось, что я переигрывал смены – так хотел показать себя, что из кожи лез вон. Но это наоборот, даже вредило моей статистике: я больше уставал, а люди начинали называть меня

индивидуалистом, который увлекается красотой ради результата. И получался замкнутый круг: я набирал мало очков, потому что на меня не делалась ставка в команде, а ставка не делалась, потому что я набирал мало очков. В конце концов, я приучил себя быть более рациональным. Да и переход в «Питтсбург» пошел на пользу – там я почувствовал себя, как рыба в воде.

Почему же тогда у меня в сезоне – 1993/94 все так хорошо получалось? Да потому, что Кинан нашел общий язык с командой – за исключением концовки финала Кубка Стэнли. Когда тренер становится единым целым с игроками, такой коллектив может горы свернуть. Для Майка не существовало авторитетов – звезда-ветеран или новичок, неважно: если ты достоин, будешь часто выходить на лед. Огромное достоинство Кинана в том, что он умеет чувствовать игроков. Может разобраться за короткое время, что представляет собой тот или иной человек. Помню, как поначалу Кинан часто пробовал меня в разных тройках. Искал правильную «химию», при которой я смогу принести наибольшую пользу «Рейнджере». И так в отношении каждого хоккеиста.

Поражает, как «Рейнджеры» развалились всего за одно межсезонье. Ведь как в других клубах? Тот же «Нью-Джерси» выиграл Кубок Стэнли в 1995-м. Конечно, в команде за лето произошли изменения, у кого-то закончился контракт. Но «Дьяволы» сумели сохранить костяк команды, свое лицо. А «Рейнджеры» – нет. Получилось, что клуб пришлось строить заново. С тех пор ньюйоркцы из сезона в сезон меняют игровую концепцию, теперь вот в команде задает тон Яромир Ягр, которого окружает почти десяток чехов. Но стать фаворитом у «Рейнджеров» пока не получается.

Об обмене в «Питтсбург» я узнал осенью 1998-го. Получилось это при смешных обстоятельствах. В то время я уже уверенно пилотировал самолет. Часто после тренировок отправлялся на аэродром, чтобы покружить в небе и снять психологическую нагрузку. Тогда я летал почти весь день. Потом решил позвонить жене из другого города: мол, у меня все нормально, не переживай. А Женя говорит: «Ты сейчас не за штурвалом? Присядь куда-нибудь… Ты знаешь, что тебя продали в «Питтсбург»?». Я удивился: «Нет, не знаю». – «Тебя уже обыскался генеральный менеджер нового клуба, весь телефон нам оборвал. Ты должен был сегодня ехать в Вашингтон и играть за «Пингвинов».

Эту новость я воспринял спокойно. Уже до такого отчаяния дошел в «Рейнджере», где никакие получалось заиграть в полную силу, что вздохнул с облегчением. С другой стороны, было жалко уезжать из Нью-Йорка, в котором я провел пять лет, обзавелся

жилищем. Срываться с места и ехать в другой город… Такие мысли крутились в голове, пока возвращался домой. Никуда спешить не стал: завтра прибуду в «Питтсбург», он от меня не убежит. Вечером позвонил генеральному менеджеру Крэйгу Патрику. Тот рассказал, что делать, куда ехать. Утром я отправился на новое место работы.

О моей эпопее в «Питтсбурге» расскажу в следующей главе. Ну а сейчас вспомню о своем втором пришествии в «Рейнджере». Это случилось зимой 2003 года. «Пингвины» не имели денег, чтобы продлить со мной контракт. Стало ясно, что я покидаю клуб. Агент спросил, где хочу играть. Я ответил, что приоритет отдаю Нью-Йорку, чтобы быть рядом с домом, в команде, где начиналась моя карьера в НХЛ. Да и «Рейнджеры», как стало известно, были заинтересованы в моем возвращении – зрители в «Мэдисоне» меня любили, в клубе я знал всех и вся.

Руководство «Питтсбурга» из благодарности, что я немало сделал для команды, пошло мне навстречу и незадолго до дедлайна обменяло меня именно в «Рейнджере». Возвращение в «Мэдисон» получилось символическим. В моем первом матче мы играли против… «Питтсбурга» и победили с футбольным счетом (1:0), причем единственный гол забил именно я. Но «Пингвины», думаю, особо не расстроились, потому что плей-офф им тогда не светил. А «Рейнджеры» в него снова не попали.

Я знал, что в организации поменялось руководство. Кэмпбелл давно ушел в центральный офис НХЛ, где возглавил дисциплинарный комитет. А командой руководил Глен Сатер, исполнявший обязанности и главного тренера, и генерального менеджера. Я думал, что уже доказал свою состоятельность в «Питтсбурге». Возвращался в Нью-Йорк не молодым, а зрелым форвардом. За пару сезонов до этого установил личный рекорд, набрав 95 (44 + 51) очков за чемпионат. Я полагал, что меня в «Рейнджере» будут использовать как лидера команды. Но я ошибся…

Начиналось же все неплохо. Первый матч – в гостях против «Флориды». Я сразу забил гол, правда, в пустые ворота. Потом была та домашняя игра против «Питтсбурга». В концовке первого сезона я за 24 матча забросил 10 шайб. Приличный результат. Зрители и тренеры были довольны моей игрой. Но расстроились, что «Рейнджеры» снова не попали в кубковую восьмерку. В клубе есть традиция – когда заканчивается последний матч регулярного чемпионата, игроки выкатываются на центр площадки и дарят свои свитера с автографами для самых преданных болельщиков. Так вот, после того сезона во время церемонии звучал недовольный гул: «Буууу»… Народ выражал свои эмоции: лучше

бы вы, ребята, не сувениры нам подарили, а плей-офф, который мы с прошлого века не видели.

А потом началась та же ерунда, из-за которой я раньше мучился в «Рейнджере». Меня снова задвинули на вторые роли. Все понимаю, в команде играли звезды – Эрик Линдрос, Марк Мессье, позже подтянулся Яромир Ягр. Но ведь и я – не мальчик на побегушках и не козел отпущения, на котором можно отрываться за все неудачи клуба. В какие звенья меня только не ставили… Был как в бочке затычка. Дошло до того, что впервые в жизни меня начали освистывать зрители. Едва я получал шайбу, как народ в «Мэдисоне» принимался «букать» в мой адрес. В конце концов, меня вызвали в офис к помощнику генерального менеджера, и тот сообщил, что я обменян в «Монреаль». Некоторые расстраиваются, когда им предстоит уезжать в другой клуб. А я только обрадовался. Как камень свалился с души. Уехать бы подальше из этой команды, играть в которой было невыносимо.

В «Канадиенс» я не сразу пришел в себя – потребовалось прилично времени, чтобы найти игру, к которой я привык в «Питтсбурге». В концовке регулярного чемпионата я почти не набирал очков. Хорошо хоть в плей-офф отошел от скованности, появившейся у меня в «Рейнджере». Вот такой парадокс – свой пока единственный Кубок Стэнли я выиграл с «Рейнджерами». Но никак не могу сказать, что это была моя команда. За исключением редких сезонов, я там не играл, а мучился.

«Питтсбург»

Детский сад тренера Константина. – Безумный гол Каспарайтиса. – Иван Глинка. – Обнищавшие «Пингвины».

Какой в середине 90-х была репутация у «Питтсбурга»? Именитый клуб, который в 1991 и 1992 годах выиграл по Кубку Стэнли. Команда с атакующим стилем, где не закрепощают людей, не запирают их в строгие схемы и защитные модели. Можно сказать, «Пингвины» – это хоккейные бразильцы, играющие по принципу: вы забьете, сколько сможете, мы – сколько захотим. По крайней мере, так было в лучшие времена «Питтсбурга», когда там блистали Марио Лемье, Яромир Ягр, позже Мартин Страка, Роберт Ланг…

«Питтсбург» мне сразу понравился. И от сердца отлегло – приятная атмосфера в клубе. Я с первых же дней почувствовал уверенность, начал много играть и забивать. Стал получать удовольствие от хоккея. Чувство, которое в последние годы в «Рейнджере» начало притупляться, исчезать из памяти.

Меня поставили в связку к Роберту Лангу, который раньше играл в третьем звене. У нас сразу все стало получаться. Мы сдружились, а тренеры так и начали использовать нас вместе. Третьи форварды в звене чередовались – периодически выходил Мартин Страка, иногда его заменяли на Яромира Ягра. Шел постоянный поиск, смена троек, без чего не обходится в командах НХЛ.

«Питтсбург» – клуб европейский. Канадцы и американцы там почти не играли, ставка делалась на чехов и россиян. В середине 90-х, помню, за основной состав и фарм-клуб «Пингвинов»

выступали чуть ли не десять русских. А вот чехов набирали под Ягра. Даже спрашивали у Яромира, кого бы он хотел видеть в команде, стоит ли брать того или иного хоккеиста. Похоже на то, как мне летом 2006 года позвонил генеральный менеджер «Монреаля» Боб Гейни и спросил, что я думаю о форварде Сергее Самсонове. Потом уже «Канадцы» подписали с ним контракт…

В ту пору «Пингвинов» тренировал Кевин Константин. Очень странный специалист. Ему бы со школьными командами работать, а он возглавил клуб НХЛ. Собирал после тренировки всех ребят и крутил по часу какие-то дурацкие клипы, вдалбливая нам прописные истины. Такое впечатление, что человека никто не ждет дома, и ему просто нечем заняться в свободное время. Просил нас заполнять тетрадки, в которых нужно отвечать на вопросы типа «Чего я хочу добиться в этом сезоне», «Какие у меня цели в жизни»… Ребята предупредили о таких причудах тренера. И когда возник повод, я подошел к Константину и прямо сказал: «Извините, но никакие анкеты заполнять не буду. Даже не предлагайте». Мне что, делать нечего? Какой-то детский сад…

Когда команда добиралась до плей-офф, Константин устраивал в кабинете собрания – отдельно для форвардов, защитников, вратарей. У него над столом висела любимая картина – заснеженный Эверест. Тренер подходил к ней, задумчиво смотрел, а потом поворачивался и объяснял игрокам: «Смотрите, сейчас мы находимся у подножья горы. Мы, как альпинисты, которые поднимаются все выше и выше, привыкают к разреженному воздуху. Иногда они отступают, но чтобы вернуться на базу и набрать провианта. А затем снова полезут вверх, чтобы оказаться на самой вершине и водрузить там флаг».

Однажды Константин вообще учудил. Дал домашнее задание игрокам, чтобы они принесли на следующую тренировку те вещи, которые им пригодятся в плей-офф. И ребята приносили мячи от гольфа – дескать, будем таскать с собой в назидание, что если вылетим из плей-офф, то нам останется только играть в гольф. Или брали из дома маленькую копию серебряного Кубка Стэнли – вот, одну чашу я уже выиграл, теперь хочу вторую для комплекта.

«А что принесли русские?» – восторженно воскликнул Константин, которому явно нравилась эта игра. Мы сказали, что взяли неваляшку. «А что это означает?» – заинтересовался тренер. – «Это такая русская кукла, которая никогда не падает. Так и мы будем в плей-офф: нас бьют, а мы встаем». Константин сложил все игрушки в рюкзак и начал ставить на стол в раздевалке команды для вдохновения. Как это отражалось на игре «Питтсбурга»? Никак, разумеется. Все старались не обращать внимания на такие глупости.

Несмотря на чудачества, я на конфликт с тренером не шел. Это было бы только во вред и мне, и команде. Набирался терпения, ходил вместе со всеми на собрания, слушал «проповеди». А однажды представился случай познакомиться с Константином поближе. Мы как-то разговорились о самолетах. Тренер воскликнул: «Как, ты тоже этим увлекаешься? И у меня есть такое хобби». Я сразу и предложил: «Давайте полетаем после тренировки. Увидимся в три часа на аэродроме».

Встретились, сели в кабину самолета. Я пристегиваюсь, поворачиваюсь к Константину и с усмешкой подмигиваю ему: «Ну что, готовы?». И только потом понял, что смотрелось это со стороны не очень хорошо. Как будто я нашел повод, чтобы выместить зло на тренере, и сейчас буду его в воздухе болтать, показывать, кто тут хозяин. Константин весь полет сидел надутый, очень обиженный. Было видно, что его задела моя нечаянная интонация. Через какое-то время, когда мы снова общались, и разговор зашел дальше хоккея, я напомнил тренеру о том случае. И он признался: «Да, я тогда обиделся». В этом смысле с Константином было тяжело работать. Ему свойственна злопамятность и даже мстительность.

…Сезон – 2000/01 получился для меня самым результативным не только в «Питтсбурге», но вообще за карьеру – я набрал 95 (44 + 51) очков. Как-то забивал по три гола в двух матчах подряд, и болельщики дали мне почетное прозвище Мистер Хет-Трик… Если эту тему развивать, меня изначально все звали Кови – в Северной Америке принято сокращать фамилию, чтобы было удобно произносить. По такому принципу появились еще один Кови (Илья Ковальчук), Ови (Александр Овечкин), Хабби (Николай Хабибулин), Зубби (Сергей Зубов). А еще в «Питтсбурге» меня стали называть Командор. Кличку придумал менеджер по экипировке, он постоянно восклицал: «Привет, командор!» или «О, командор пришел!». Прозвище прижилось в команде, другие тоже начали меня так величать. Мне понравилось, и даже на клюшках я стал размещать надпись «Commander». Это стало таким же моим фирменным прозвищем, как АК-27.

Игра у меня шла и потому, что ближе к плей-офф было создано звено, где в центре выступал Ланг, а слева – Страка. До этого Мартин Страка выходил вместе с Ягром. Но когда Марио Лемье вернулся в большой хоккей, Страку передвинули к нам во вторую тройку. Это звено я считаю лучшим в моей карьере. И во всех голосованиях, когда меня просят определить символическую пятерку партнеров на площадке, называю именно Страку и Ланга. Хорошо мы вместе играли, понимали друг друга, как телепаты.

В том же сезоне мы с «Питтсбургом» дошли до полуфинала плей-офф. Много удивительного произошло. Бьемся, например, в седьмом матче четвертьфинала с «Буффало», ворота которого защищает Доминик Гашек. Дело доходит до овертайма, и тут решающий гол забивает… защитник Дарюс Каспарайтис. Посмотрите на его статистику, в среднем Дарюс забрасывает шайбы пару раз за сезон. Он даже по воротам толком не бьет. Когда подключается к атаке и доезжает до синей линии, ему все начинают кричать: «Бросай! Бросай!». А Каспарайтис выдерживает непонятную паузу и запарывает момент. Поэтому ему в атаке никто не дает пасы. А тут дали.

Дарюс замешкался – с одной стороны, надо бы бросить. С другой, хочется сделать передачу на партнера. Каспарайтис неловко ковырнул шайбу, и она навесом еле-еле полетела в ворота по замысловатой траектории. Даже Гашек не ожидал такого и сместился в дальний угол. А шайба нырнула в ближний, между штангой и коньком бросившегося назад голкипера. Каспарайтис обалдел от такого счастья. Разогнался, кинулся на лед и поехал на пузе к центральному кругу, размахивая руками и ногами, словно ныряльщик за жемчугом. Потом на него кучей-малой навалились ребята. И в раздевалке продолжали его «душить», радостно хлопая Каспера по плечам. А он потом долго хвастался перед партнерами: «Ты сколько голов забил за сезон? Десять? А в овертайме седьмого матча плей-офф ты Гашеку забивал? Вот так-то, салага!».

Тогда командой уже руководил Иван Глинка – царство ему небесное, тренер несколько лет назад разбился в автокатастрофе… Он прекрасно понимал, чего от меня ждать. Поэтому давал полную свободу действий на площадке: «Алексей, показывай свой хоккей, и ни на что не обращай внимания».

Редко встретишь в НХЛ тренера-европейца. Еще реже – успешного европейца. Глинка как раз был таким. При нем «Пингвины» играли живо, интересно. Правда, в полуфинале мы наткнулись на железобетонную защиту «Нью-Джерси», с которой мало что смогли поделать. И травмы на нас навалились. Тот же Каспарайтис играл с переломом стопы. Ему на опухшую ногу не налезал конек, и он просил, чтобы сделали надрез ботинка – так хотел вернуться в игру. Наша команда ослабела, Ягра прикрыли… А тут еще случился конфликт между Глинкой и Яромиром.

Перед одним из матчей мы услышали, как в коридоре кто-то на повышенных тонах разговаривает на чешском. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто там ругается. Я так понял, трения между Глинкой и Ягром начались еще в сборной Чехии, хотя они вместе выиграли Олимпиаду-98. Как же тогда Глинку

назначили тренером «Питтсбурга»? Да просто Ягр уже не мог работать с Константином – этот наставник выводил его из себя. И Яромир решил, что при тренере из Чехии ему будет лучше играть. В принципе, Ягр сам был как тренер – ходил к руководству команды и говорил, что сегодня он хочет выходить на лед с такими-то партнерами, а завтра – с другими. Может, Глинка в какой-то момент увидел игру по-другому, и они с Ягром поругались по этому поводу. У Яромира же есть такая «чудесная» особенность – если игра у него не идет, виноваты в этом все, включая тренера, но только не сам Ягр.

А вот с другими ребятами у Глинки были нормальные отношения. Особенно тренер сошелся со мной и Лангом на почве гольфа. Глинка вообще был жутким фанатом этого дела. Летом, когда выпадала возможность, мы собирались втроем и резались в эту игру. Представьте себе картину. Я сижу за рулем автомобильчика, на котором передвигаются по гольф-полю. А сзади расположились Глинка и Ланг. У каждого в руках по толстой сигарете и чашечке кофе. Очень редко можно встретить такие неформальные отношения между игроком и тренером.

… Если в 90-х «Пингвины» представляли собой грозную силу, то затем у команды начался финансовый кризис. С каждым годом «Питтсбург» распродавал состав – один за другим уходили Ягр, Страка, Ланг, меня обменяли в «Рейнджере»… Перед локаутом сложилась такая ситуация, о которой капитан и совладелец клуба Марио Лемье высказался так: если не будет введен потолок зарплат, «Пингвины» просто не выживут.

Причина финансовой несостоятельности крылась в том, что клуб был вынужден играть на очень старой маловместительной арене, которая не приносила достаточно кассовых сборов. В свое время муниципалитет города сталеваров (в Питтсбурге расположены металлургические заводы, и даже местная команда по американскому футболу называется «Сталевары») решил, что нужно перестраивать стадионы. В итоге реконструировали арены по бейсболу, американскому футболу. А хоккейный дворец решили не трогать – мол, местная «Иглу» (так в обиходе называют стадион в Питтсбурге за вытянутую форму купола, похожую на чум эскимоса) еще вполне современная, клуб дважды стал чемпионом, и хоккеисты обойдутся. Не обошлись. Когда же руководство «Пингвинов» обратилось в муниципалитет, им отказали в ходатайстве – нет денег.

Отсюда все проблемы. Команда начала играть все хуже. Как следствие, на трибунах стало собираться меньше народу. Пошли разговоры о том, что «Питтсбург» может сменить прописку – уедет в богатый город вроде Хьюстона или Лас-Вегаса, который

заинтересован в команде НХЛ. Дошло до того, что однажды «Пингвинов» признали банкротами, и лига взяла клуб на временное содержание. Потому Лемье и возвращался в хоккей – если раньше на матчи ходили по 11–12 тысяч болельщиков, то при нем регулярно стали собираться аншлаги…. Сейчас дела у «Питтсбурга» налаживаются. После локаута финансовые возможности всех команд выровнялись. У «Пингвинов» сейчас новый хозяин, и о переезде вроде бы речь уже не идет.

Мое расставание с «Питтсбургом» прошло нелегко. Еще вначале сезона – 2002/03 стало ясно, что команда не найдет деньги на то, чтобы подписать со мной новый контракт. «Пингвины» были вынуждены сделать обмен, и он состоялся 10 февраля 2003 года, когда меня отправили в «Рейнджере». Знаю, болельщики «Питтсбурга» очень не хотели, чтобы я уходил. Но проводили тепло. А когда я возвращался в Питтсбург с «Рейнджере» или «Монреалем», встречали меня аплодисментами. Ребята, с которыми я играл, подходили после матча и говорили: «Знаешь, Кови, сейчас уже не та обстановка в команде. Тебя не хватает». Мне было приятно. Но что сделаешь? Это жизнь: все течет, все изменяется. Надеюсь, «Пингвины» снова переживут лучшие времена, уже при молодых лидерах Сидни Кросби и Евгении Малкине.

«Монреаль»

Воспитатель Клод Жюльен. – Русская рулетка. – Героическая серия с «Бостоном». – Саку Койву.

В отличие от «Питтсбурга», мой уход из «Рейнджере» в марте 2004 года получился не на оптимистичной ноте. Я играл неважно, чувствовал себя не в своей тарелке. Народ на трибунах «Мэдисон Сквер Гарден» начинал недовольно гудеть в мой адрес, едва я получал шайбу. Терпеть это было очень тяжело. Если бы меня не отправили в «Монреаль», я бы сам пошел к руководству нью-йоркского клуба и попросил об обмене. Говоря начистоту, когда я узнал новость о своем переходе, то обрадовался. Редко встретишь такую реакцию у хоккеиста, которому предстоит делать резкий поворот в карьере. Но я собрал вещи и на следующий день был уже на тренировке «Канадиенс». Предстояло забыть все плохое, впереди ждало много работы. Ведь «Рейнджере» в который раз оказывался за чертой плей-офф, а «Монреаль» вроде бы попадал в кубковую восьмерку Восточной конференции.

Разумеется, я не ожидал легкой жизни. Монреаль – хоккейный город… Нет, не то выражение. Монреаль – город, где хоккей, как вторая религия. Если будешь играть плохо, на тебя конкретно насядут журналисты, болельщики станут освистывать каждый твой шаг. С другой стороны, я долго выступал в «Рейнджере». Нью-йоркская пресса – тоже не сахар. Я уже знал правила игры, как выживать в хоккейной команде большого города. У меня был иммунитет. Поэтому особого внимания на давление общественности не обращал. А видел в будущем больше хорошего – игровую самореализацию, красивые победы, клуб с

прекрасной организацией труда…

«Монреаль» отправлялся в выездное турне, и я поехал с командой. В матче с «Сан-Хосе» участия не принял – накануне два дня подряд играл за «Рейнджере», и тренер «Канадиенс» Клод Жюльен, понимая мою перенагрузку, дал отдохнуть. Дебют получился в матче с «Финиксом». Я вышел на лед, и через несколько смен… мне выбили плечо. Соперник применил силовой прием, я неудачно врезался в борт. Начало «лучше» не придумаешь. На больничном сидел еще семь-восемь матчей. Вышел в самом конце регулярного чемпионата. Принял участие еще в 11 играх и набрал лишь 3 (1 + 2) очка. Почему так мало?

Сразу после обмена у меня состоялся разговор с Клодом Жюльеном о том, каким он видит мое место в команде. Тренер сказал, что не хочет связывать мне руки. С другой стороны, я должен не увлекаться индивидуальным хоккеем, не выбиваться из общего ритма «Монреаля». Первый матч вроде бы прошел нормально, а потом Жюльен начал меня воспитывать. За ошибку в игре держал на скамейке. Зная мои качества, как форварда, регулярно не выпускал в большинстве.

Тренер вызывал к себе в кабинет или снова объяснял на командном собрании, что именно я должен делать на площадке. Я исполнял, но опять или мало играл, или не получал возможности раскрыться в неравных составах. Жюльен меня успокаивал: «Не волнуйся, Алекс, у тебя пойдет игра». Я отвечал: «Совершенно не волнуюсь. Думаю, за карьеру я уже доказал свою состоятельность, как форварда. Вы знаете, как я играю. Просто сейчас вы не используете мои способности. Чем я занимаюсь на площадке? Выхожу, как нападающий четвертого звена, который вбрасывает шайбу в чужую зону, бежит за ней к бортику, толкается, бьется с соперниками. Это не мой стиль». – «Да, да, я понимаю», – согласно кивал головой Жюльен. Но ничего не менялось, и снова продолжалась та же канитель. До конца регулярного чемпионата я больше мучился, чем играл. Даже генеральный менеджер «Монреаля» Боб Гейни приходил на нашу встречу с тренером. Он тоже не мог разобраться, почему я не выступаю в полную силу. А мне было обидно: очень хотелось изменить ситуацию, а сделать это никак не получалось.

Потом начался плей-офф – в первом раунде мы попали на «Бостон». И проиграли в стартовом матче на выезде со счетом 0:3. Приехали в гостиницу, все мрачные. Подходит Жюльен: «Алекс, хочу с тобой поговорить». Идем к нему в номер, и начинается старая песня: «Я не могу понять, чем ты недоволен? Почему ты так играешь?». Я тоже начал заводиться: «Я нормально играю. Но я не чувствую себя лидером в команде. Не понимаю, зачем взяли

меня из «Рейнджере». Какой в этом смысл? Глядите на мою статистику за карьеру, ждете каких-то чудес. Но играть толком не даете, потому что не хотите ставить одних хоккеистов выше, чем других. Как вы любите говорить, у нас все находятся на одинаковом уровне, ведь мы – одна команда. Но мы же все не на равнозначном уровне по классу, как хоккеисты. У кого-то больше способностей, у других – меньше». Жюльен кипятится: «Ачто ты вообще хочешь?». – «Да ничего. Просто используйте мои качества, чаще доверяйте. Понимаете, плей-офф – это как русская рулетка. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Вы не на словах, а на деле дайте мне больше шансов раскрыться. Да, все делают ошибки. Но велика вероятность, что такие изменения пойдут на пользу «Монреалю», нежели принесут вред. Так давайте попробуем!».

«Да-да, я понимаю», – задумался Жюльен. А потом спросил, как ребенок: «Вот ты говоришь, плей-офф похоже на казино. Если я сделаю по-твоему, какова вероятность, что мы выиграем?». – «Даю семьдесят процентов на тридцать в вашу пользу». – «У-у, я думал, это будет девяносто на десять», – расстроился Жюльен. – «Но ведь и не пятьдесят на пятьдесят. С такими шансами можно играть», – успокоил его я… Странный разговор – как с пацанами на улице, а не с тренером. Но после этого моя роль в команде изменилась. Хотя злоключения не закончились…

В четвертом матче серии, когда мы играли в Монреале, уже во втором овертайме я получил шайбу и пошел в атаку. Но форвард «Бостона» Трэвис Грин с размаху саданул меня клюшкой по руке. И так «удачно», что угодил в незащищенное место – точно по нерву. Думаю, один раз из тысячи так можно попасть. Я непроизвольно дернулся, потерял шайбу, согнулся от боли и на полном ходу врезался в своего защитника Шелдона Сурея, который был последним в нашей зоне. Форвард «Бостона» Глен Мюррей подхватил шайбу, вышел один на один и забил гол. Счет в серии стал 1–3.

И началось… Стали поносить меня на всех углах. По телевидению заявляли, что Ковалеву не хватает характера. Нужно было терпеть боль и не терять шайбу. И тут же в газете публиковали фотографию, где я сижу в раздевалке, и у меня вся кисть синяя и опухшая из-за удара… Я не обращал внимания на то, что говорит публика. Не собирался словами доказывать, что я – не верблюд. Надо было выходить на следующий матч и забивать. Я не сомневался, что «Бостон» мы пройдем, хотя «Медведи» закончили регулярный чемпионат на втором месте в Восточной конференции, а мы – на седьмом. Неважно. Я все равно чувствовал, что мы сильнее.

Откуда была такая уверенность? Во-первых, я видел настрой команды. У нас проявилась какая-то особенная злость – на себя, на всю эту ситуацию. Во-вторых, несмотря на статус фаворита, «Бостон» не показывал ничего особенного. «Монреаль» выглядел быстрее и сплоченнее, голевых моментов мы создавали больше. Ну и, в-третьих, очень мне не хотелось прерывать свою серию. Я ведь никогда за карьеру не вылетал из плей-офф уже после первого раунда.

В пятом матче мы победили вчистую – 5:1 в Бостоне! В той игре я забросил свою четвертую шайбу в плей-офф-2004. Хотя выступал с травмой: палец, который повредил Грин, сильно ныл, мне его прижимали пластырем к кисти, я не до конца чувствовал руку… Шестая встреча – снова наша победа, уже 5:2. Седьмой поединок должен был состояться в Бостоне. «Монреаль» – очень именитый клуб, но никогда в своей истории «Канадцы» не спасали серию при счете 1–3. Тем не менее, мы были полны решимости прервать неудачную традицию. Наша команда вышла на матч мобилизованной до предела.

Важность игры сложно переоценить, но мы ничего особенного не делали. Настраивались на матч, как обычно. Нам было легче, чем «Бостону» – им выступать перед своими болельщиками, которые начнут кричать, станут гнать их вперед, а в случае ошибок станут психологически давить. По мне во время плей-офф в гостях играть легче, чем дома.

К тому же «Бостон» изначально избрал неверную тактику. «Медведи» решили нас не обыграть, а избить. Они даже на шайбу не смотрели, а сразу летели к нам, чтобы врезать в корпус, впечатать в борт. Один из соперников применил против меня эффектный силовой прием. Со стороны показалось, что меня просто сломали. После матча журналисты с тревогой спрашивали: «Кови, ты в порядке? Как выжил от такого удара?». – «Нет, все нормально. Это со стороны смотрелось страшно, а так боли не было. Наоборот, этот удар стал для меня и команды своеобразным будильником, который растормошил нас и поднял в атаку». Первый гол на 51-й минуте забил Рихард Зедник. Он же отличился за восемь секунд до сирены. Я оба раза ему ассистировал. Наш вратарь Жозе Теодор не пропустил ни одной шайбы. 2:0 – победа «Монреаля» на характере.

В четвертьфинале мы попали на «Тампу»… Так получилось, что и в плей-офф-2004, и в плей-офф-2006 мы уступали командам, которые в итоге выигрывали Кубок Стэнли. Тогда это была «Молния», через два года – «Каролина». Получается, кто нас побеждал – тому зеленая дорога до финала. Но обидно, честное слово. Та же «Тампа» нас ни в чем не превосходила. Если бы не их

вратарь Коля Хабибулин, мы бы победили южан без проблем. Я так и сказал журналистам сразу после локаута: «У «Тампы» сейчас не будет Хабибулина, который перешел в «Чикаго». Вот увидите, совсем другой станет команда». Так и вышло: «Молния» резко сдала. А тогда Хабибулин вытаскивал из своих ворот невероятные шайбы. Мы создали кучу голевых моментов. Речи не шло о том, что «Монреаль» обессилел после изматывающей серии с «Бостоном», лишился эмоций. Нет! С «Тампой» было проще играть – «Медведи» все здоровые, как на подбор, с ними тяжело толкаться. А у «Тампы» большинство игроков средних размеров, мы бились на равных. Тем не менее, «Канадцы» уступили в серии 0–4 и выбыли из плей-офф.

В первой половине сезона – 2005/06 я получил травму колена. Точнее, ногу я повредил еще во время предсезонки. Все ребята отправились работать на велотренажере. Я не подумал и пошел с ними, чтобы не было претензий со стороны тренера. А мне нельзя давать сильную механическую нагрузку на колени. После той тренировки нога начала затекать, в суставе появились боли. Я доиграл до ноября и понял, что затягивать с операцией нельзя – дальше будет только хуже, да и Олимпиада на носу. Лучше лечь под нож хирурга в начале года, чем перед плей-офф – неизвестно еще, как быстро удастся набрать форму.

На площадке я не мог делать все в полную силу. По прямой, например, катался без проблем. Но резко крутануться на одном коньке не получалось – было больно. Приходилось, как в замедленной съемке, сначала тормозить, а потом переносить вес тела на другую ногу или вообще отдавать пас. Потом колено перестало сгибаться до конца. Играл я процентов на семьдесят от своих возможностей… Как сейчас помню, в матче с «Торонто» отдал 400-ю голевую передачу за карьеру. И на этой мажорной ноте отправился на операцию – в Питтсбург, к доктору Бурку, который раньше уже восстанавливал мне колено, когда я играл за «Пингвинов».

Два остальных рубежа, до которых оставалось сделать всего один шаг – 700-е очко и 300-й гол в НХЛ – решил преодолеть после возвращения. А оно получилось скорым. Хотя врачи говорили, что мне нужно будет восстанавливаться полтора месяца, я уже через три недели тренировался. Собирался раньше выйти на лед, тем более что «Монреаль» накрыла волна травм, команда стала чаще проигрывать.

Первый матч оказался удачным. Мы дома принимали «Оттаву», которая играла в том чемпионате очень ярко. Ворота «Сенаторов» защищал мой старый знакомый – Доминик Гашек. Мы проигрывали 0:3, но потом собрались и сравняли счет. Я

отдал две передачи, забросил третью шайбу и был точным в серии буллитов. Как раз оба юбилея отметил, и принципиального соперника по канадскому дерби победили.

После Олимпиады у «Монреаля» словно открылось второе дыхание. Команда значительно прибавила, хотя у нас в составе хватало игроков, ездивших в Турин и перенесших двойную перегрузку. Я сам выдал серию из десяти результативных матчей. Важно, что мы обрели уверенность на финише. Да и голкипер Кристобаль Юэ играл замечательно. У команды повышался настрой. Все старались помочь друг другу, чаще блокировать шайбу, играть энергичнее. Каждый из нас прекрасно понимал, что он должен делать на площадке.

А вот в плей-офф, какя сказал, у нас мало что вышло. В первом раунде встретились с «Каролиной». Замечательно начали серию, одержав две победы на выезде. Но потом – четыре поражения подряд… Как будто подменили команду. Пошли ошибки в обороне, потерялась уверенность, да и усталость откуда-то навалилась. Вдобавок кто-то из соперников нанес тяжелую травму Саку Койву, едва не выбив ему глаз клюшкой. Мы остались без капитана до конца плей-офф. Не скажу, что это стало фатальной потерей. У нас формально хватало лидеров, которые были должны заменить Койву. Но этого, увы, не произошло.

Помешало и то, что мы провели много времени в меньшинстве. Особенно это сказалось в третьем, четвертом и пятом матчах. У нас был отличный шанс выиграть серию, но когда ты большую часть встречи только защищаешься, о какой победе может идти речь?… В том плей-офф я играл с небольшой травмой – повредил колено во втором матче. Причем не то, на котором в ноябре мне делали операцию. В общем, навалилось одно к одному, и мы обидно вылетели из розыгрыша Кубка Стэнли…

Сезон-2006/07 начался с того, что в тренировочном лагере «Монреаля» собралось семеро русскоязычных игроков – кроме меня это Андрей Марков, Сергей Самсонов, Александр Пережогин, Михаил Грабовский и братья Костицыны. Но не могу сказать, что «Канадцы» сделали такой же перекос в сторону наших, как «Детройт» во времена «Русской пятерки». Все-таки в основном составе «Монреаля» играли только четверо. Да и когда создали тройку со мной, Самсоновым и Пережогиным, которую в прессе окрестили «Красное звено», это тоже не стало знаковым событием. Ведь мы провели в этом сочетании лишь несколько матчей, поэтому не заслужили столь громкого прозвища. Интереснее было то, что я выходил на позиции центрфорварда –

как в начале своей карьеры в «Рейнджере». Считаю, справился с миссией и дал понять тренеру «Канадиенс», что готов помогать команде и в такой роли.

«Монреаль» начал регулярный чемпионат хорошо, к его середине шел на четвертом месте в Восточной конференции. Все думали, что мы без проблем попадем в плей-офф. Ребята были свежими, все у нас получалось. И удача была на нашей стороне – не скажу, что мы громили всех подряд. Напротив, выигрывали с трудом, в одну-две шайбы.

А потом команда начала уставать. Все стало валиться из рук, мы попали в глубокую яму, из которой начали выбираться только к концу марта. Дошло до того, что мы выпали из зоны плей-офф и вели ожесточенную борьбу за восьмую путевку от Востока сразу с четырьмя клубами – «Тампой», «Торонто», «Айлендерс», «Рейнджере».

Совершенно не шла игра у Самсонова, хотя его приглашали в клуб, как потенциального форварда первого-второго звена. Дошло до того, что Сергей сам попросил обмена у руководства команды. Думаю, человек просто потерялся. Такое иногда бывает с игроками, когда им приходится менять свой стиль. Вот, к примеру, выступал хоккеист в «Детройте», где много атакуют, играют в пас. А потом его обменяли, скажем, в «Миннесоту» или «Нью-Джерси» – клубы, которые во главу угла ставят оборону. Перестроиться в такой ситуации очень сложно.

В конце чемпионата я пропустил несколько матчей из-за травмы локтя. Проблемы со здоровьем начались еще раньше. Но потом рука болела все сильнее и сильнее. Дошло до того, что сложно было бить по воротам. На тренировках я уже не бросал, а перед матчами принимал обезболивающие. В конце концов, это начало отражаться на результате, я стал играть хуже, а однажды тренер вообще посадил меня в запас. Я решил себя не насиловать, залечить травму, и уже здоровым помогать команде.

Судьба «Монреаля» решалась в последнем матче чемпионата. Мы играли в гостях в «Торонто». Если бы побеждали, то выходили бы в плей-офф. Настраивать на эту встречу нас было не нужно. Поэтому ничего особенного в раздевалке нам не говорили. Мы и так были на эмоциональном подъеме – перед этим выдали серию из нескольких победных матчей. К тому же у нас появился надежный вратарь, который сумел заменить травмированного Кристобаля Юэ. Я говорю о молодом словаке Ярославе Галаке. Молодец парень. Спокойный, работяга. Когда ему дали возможность проявить себя, он ее не упустил.

Мы уступали 1:3, но потом забили «Торонто» четыре гола подряд! Начался открытый хоккей, без вратарей. И в самой

ненужный момент мы начали хватать удаления. Сначала Маккейб нам забил в большинстве, потом Веллвуд. Мы уступили 5:6 и завершили сезон. Обидно, что нас подвела игра в меньшинстве, ведь в начале первенства мы были одними из лучших в лиге по этому компоненту.

Тот чемпионат запомнился мне также атакой, которую устроила на меня монреальская пресса – точнее, газета «La Presse», перепечатавшая интервью, которое якобы я давал в одном российском издании, а потом обвинившая меня во всех грехах. Дошло даже до такого бредового обвинения, что меня назвали «Крестным отцом». И смех, и грех… В тот день, когда грянул скандал, мне позвонили из клуба: выступи, мол, перед журналистами, тем более они все пришли на утреннюю тренировку «Монреаля» в ожидании подробностей. Лучше сразу расставить все точки над «i», чем отмалчиваться. Мне было неприятно, но что делать? Я вышел к прессе и дал ответ. Порадовался, что на мою сторону встали болельщики. Слышал даже, отправляли электронные письма в «La Presse», чтобы те от меня отстали. Защитили меня и ребята из «Монреаля», и легендарные ветераны команды, и даже мой бывший партнер Яромир Ягр. Я благодарен всем людям, мне была важна их поддержка.

Я считаю так: если хочешь получить эксклюзив, подойди к игроку и возьми у него интервью. Так будет честно. Не надо искать грязь у него за спиной, делая перепечатки из других газет. Нормальный журналист должен работать с проверенной информацией, а не заниматься сплетнями…

Наш капитан в «Монреале» – Саку Койву. Парень с железным характером. Даже врагу не пожелаешь пройти через то, что он перенес. Вернуться в большой хоккей после излеченного рака – настоящий подвиг. Характер Саку отражается и на площадке. Он борется за каждую шайбу, никогда не сдается. Идеально подходит для должности капитана, и пользуется огромным авторитетом в раздевалке и в городе. Когда Койву выступал в Финляндии за ТПС, его тренировал Владимир Юрзинов. По стилю игры Саку заметно, что он прошел школу нашего мэтра. Как я знаю, Койву до сих пор иногда общается с Владимиром Владимировичем, передает через меня привет.

Где я живу в Монреале? Многие ребята из команды поселились за городом. Но мне показалось, удобнее жить невдалеке от арены. Я снимаю квартиру в Старом городе, в двадцати минутах ходьбы от «Сентер Белл». Вижусь с товарищами, когда заканчиваются тренировки. Так, в фильме «Мистер Кови» снят интересный эпизод, как на день рождения

сына Вани ко мне в гости пришли Андрей Марков и Саша Пережогин, и мы придумывали разные развлечения.

Русские привыкли держаться вместе. Мы с Марковым часто подкалываем Пережогина. Андрей обнаружил, что Сашка по паспорту – казах, потому что родился в Усть-Каменогорске. Ну и начал «душить» его этим фактом: «Что ты в сборной России делаешь-то с казахским паспортом?». А в другой раз Пережогин на тренировке случайно разбил заградительное стекло. Мы с Марковым начали его пугать: «Ты что наделал? Теперь у тебя из зарплаты должны будут вычесть тысячу долларов! Тренер попросил сказать тебе, чтобы ты занес деньги ему в офис. Можешь чеком отдать или наличными». Пережогин на полном серьезе отсчитал тысячу долларов и пошел в кабинет к Жюльену. Мы не успели его остановить, и Саша начал совать деньги тренеру. Тот, конечно, очень смеялся…

Забавляемся в «Монреале» также, как в «Рейнджере». Устраиваем карнавалы на «Хэллоуин», костюмированные вечеринки в стиле ретро. Есть даже специальные магазины, в которых можно взять наряды напрокат. Однажды я нацепил белый парик, превратившись в рок-певца. Потом ходил в толпе, разгадывая, в кого нарядились партнеры – один в Пола Маккартни, другой в Элвиса Пресли. Третий вообще учудил, напялив женское платье и став теннисисткой: кажется, Мартиной Навратиловой…

Монреаль – город, где говорят на двух языках: английском и французском. Я тоже собирался освоить французский, даже нанял репетитора. С той учительницей мне не понравилось заниматься, но надежды не теряю. Вообще-то я учил французский еще в школе. Некоторые слова помню, но многое уже забыл… Хотя верю, что в один прекрасный день заговорю на этом языке.

Интересная история случилась со мной в конце марта 2007 года. Я приехал на стадион, и ко мне подошли ребята-телевизионщики. Они показали мне альбом с фотографиями, который обо мне собирала одна девушка. Я потом узнал, ее зовут Жозель Ковьер, и она живет в канадском городке Гранд Ривьер, что на севере провинции Квебек. Это рядом с заливом Сен-Лоран, куда в конце августа заходят голубые киты.

Так вот, мне рассказали, что девушка посылала много писем в клуб, чтобы получить мой автограф. Я сразу спросил: «А телефон ее есть?». Они показывают, что он записан на одной из страниц альбома. Я взял да здесь же набрал ей. Конечно, девушка была в шоке. Но поговорили с ней. Я пригласил ее на матч «Монреаля» с «Вашингтоном». Она приехала вместе со своей большой семьей. Я сделал дубль и подарил шайбу Жозель.

Специально сохранил ее, чтобы отдать своей болельщице. Я очень хотел, чтобы мечта девушки исполнилась до конца…

Монреаль – город, где жил и легенды. Сколько великих игроков выступало за «Канадиенс»! Я слышал даже красивую историю, что на старом катке «Форуме» обитают духи великих хоккеистов, которые помогали играть современникам из «Монреаля». Начинаешь слушать такие легенды, и перед твоими глазами проносится история клуба. Да и вся наша раздевалка увешана портретами хоккеистов «Канадиенс», которых ввели в Зал славы НХЛ. Легенды смотрят на нас со стен. Под их взглядами плохо играть не сможешь. На каждый домашний матч «Монреаля» собирается аншлаг. В 2009 году исполняется 100 лет со дня основания «Канадиенс». Очень хочется к этой дате сделать подарок городу – выиграть 25-й Кубок Стэнли в истории «Монреаля».

Солт-Лейк-Сити

Мимо Нагано. – Незамеченный гол Самсонова. – Как забить со скамейки запасных? – Странная Олимпиада.

После победы в Альбервилле я не выступал на зимних Играх ровно десять лет. Мог поехать на Олимпиаду-1998 в Нагано, но получил травму колена. Такое же повреждение, которое было у меня в сезоне-2005/06 в «Монреале». Врачи говорили, что разумно ложиться на операцию раз в четыре года – у меня снашивается хрящ, в колене образуется жидкость, оно опухает, при игре возникают сильные боли.

Увы, как назло я сломался именно тогда, когда предстояло ехать в Японию – в одном из матчей НХЛ врезался в борт, коленная чашечка раздробила хрящ и во время движения терлась уже об кость. В принципе я мог играть через боль. Но на Олимпиаду меня не отпустил генеральный менеджер «Питтсбурга» Крэйг Патрик. Я только перенес операцию, появился в составе, но не провел ни одного матча в регулярном чемпионате – начался перерыв. Мое возвращение на лед состоялось бы уже в Нагано…

То, что не хватало игровой практики – не беда. Тот же Сергей Федоров не выступал полгода за «Детройт» из-за контрактной забастовки. Но попал в сборную России и играл с листа. Я смог бы также, хотя не было до конца ясно, как поведет себя нога, как ее нужно нагружать. Мог бы возникнуть рецидив. Все это держал в голове Патрик. Поэтому я мало удивился, когда он ответил отказом на письмо ФХР, которое пришло в «Питтсбург»: «Я не

отпускаю Ковалева!». Я с пониманием отнесся к его решению, хотя расстроился, что скрывать…

Через четыре года сборной уже руководил Вячеслав Фетисов, который к тому времени завершил карьеру игрока, а потом работал тренером в «Нью-Джерси». Подготовка к Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити проходила нормально. Сам Фетисов постоянно мог просматривать кандидатов, потому что работал в Северной Америке. Были выбраны восемь «неприкасаемых» – организаторы просили заранее назвать костяк сборных, чтобы болельщики активнее покупали билеты, развивался маркетинг. К декабрю объявили весь состав. Впервые сборной России руководил молодой тренер нового поколения. Это был своего рода эксперимент – удастся ли избежать конфликтов с ФХР, выйдет ли Россия из затяжной черной полосы? Ведь последний раз мы становились чемпионами в 1993 году, когда выиграли первенство мира в Германии.

Что вспоминается о Солт-Лейк-Сити? В первую очередь, полицейские кордоны. Прошло лишь полгода после того, как 11 сентября в Нью-Йорке случилась самая страшная трагедия в истории США. Все понимали, что Олимпиада, к которой приковано внимание всего мира – прекрасная мишень для нового террористического акта. Поэтому охраняли Солт-Лейк-Сити так, что мышь не проскочит. С одной стороны, напрягало, что на постах охраны приходилось долго простаивать, проходить все эти металлоискатели и досмотры. Но все осознавали, что это необходимая мера, и нужно терпеть.

Сборную России поселили в одном из зданий общежития университета имени Бригама Янга. Комнатушки, в которых мы размещались по двое, были такими маленькими, что некуда было поставить вещи. По уровню быта, пожалуй, это была худшая Олимпиада из тех, на которых я играл. В общежитии нас не держали, можно было выйти с базы. Другое дело, что идти особо некуда. Университет располагался у подножья горы, на окраине города. Смотреть не на что, поэтому почти все время мы сидели по номерам.

Готовиться к турниру оказалось несложно – ведь Олимпиада проходила не в Европе, а в Штатах, поэтому не нужно переживать акклиматизацию. Мы оказались в одной группе с Финляндией, США и Белоруссией. Игра с белорусами получилась не самой трудной, хотя по счету этого не скажешь (6:4). С американцами сыграли вничью (2:2), а вот финнам уступили (1:3). В том матче, помню, я наварил с правой руки в челюсть финну Яркко Рууту. Подленький игрок, он и в НХЛ всех достает – подкатится сбоку и тыркает тебя **клюшкой.** На Олимпиаде в Турине, если вы

помните, он так врезал Ягра в борт, что чуть не расколол ему голову напополам. В общем, я не сдержался и дал Рууту в «пятак». После матча Владимир Юрзинов, который помогал Фетисову, собрал команду и объявил: «Такие удаления, какое схватил Ковалев, нам категорически не нужны!».

На публику сработал Владимир Владимирович. Но потом подошел ко мне и чтобы успокоить, сказал: «Но ты все равно здорово ему в челюсть врезал!».

А я не собираюсь никому давать спуска. Это как в армии – если ты только попал в роту и показал слабину, все, «деды» забьют. Также и в хоккее. Тебя раз ударят, другой – не ответишь, и будут долбать постоянно. Даже если ты не тафгай, умей постоять за себя. Вспоминаю случай с Дарси Такером, когда «Монреаль» играл с «Торонто» в начале 2006-го года. Он весь матч меня бил и подначивал: «Давай, давай, сейчас я тебе наваляю». Я подбираю шайбу, ухожу за ворота, а он летит на меня на полной скорости, как безумец. Я уворачивался, и Такер бился в бортик.

Как-то я снова еду с шайбой, и этот балбес думает, что я его не вижу. Выставляет мне локоть на ход, я еле увернулся, хотя кожу на лице он мне содрал. Я согнулся от боли, но судья не дал удаления. Ну, если уж арбитр по таким поводам молчит, значит, и мне теперь все можно. Удачно получилось, что шайба снова ко мне пришла. Я поехал в сторону Такера. Разогнался посильнее, бросил шайбу и въехал ему локтями в голову. Он упал, вскочил, полез на меня с кулаками. Судьи нас растащили… Но Такер получил свое, а «Монреаль» выиграл матч.

Похожий случай был с Лехой Житником, когда его «Буффало» играл с «Питтсбургом». Житник меня цеплял, выставлял колено в колено, не давал проходу. И однажды я жестко встретил его у синей линии. Житник получил легкое сотрясение мозга, пропустил один матч… Не скажу, что меня так просто вывести из себя. Но таковы законы игры. Ты должен уметь защищать себя. А друзей на той стороне площадки быть не может. В матче, бывает, русские дерутся с русскими. Но когда заканчивается поединок, мы выходим из раздевалки, жмем друг другу руки и у нас снова нормальные отношения.

… Из-за поражения от финнов мы заняли в группе только третье место. В четвертьфинале попали на чехов, которые играли мощно, поделили очки с канадцами (3:3) и только из-за поражения от Швеции (1:2) заняли второе место в своей четверке. Впрочем, сами шведы не попали даже в полуфинал. Их поражение от Белоруссии (3:4), пожалуй, стоит в одном ряду по сенсационности с проигрышем сборной СССР от американских

студентов на Олимпиаде-80 в Лейк-Плейсиде. Шведы пропустили курьезнейший гол от белоруса Копатя, который бросал издалека, но шайба, попав в шлем вратаря Томми Сало, срикошетила свечкой в воздух и плюхнулась ему за спину. На следующий день шведские газеты вышли с черными обложками. Это был траур. Но заметьте, как в Швеции хорошо учатся на своих ошибках. Через четыре года «Тре Крунур» сделала золотой дубль, выиграв и Олимпиаду, и чемпионат мира.

Канада в группе играла неубедительно, хотя по подбору игроков не знала себе равных. Хозяева-американцы не впечатляли. Поэтому фаворитами считали как раз шведов и чехов во главе с Яромиром Ягром и Домиником Гашеком. И вот мы попадаем на них в плей-офф… Это был очень сильный матч. Чехи атаковали больше (41–27 по броскам), но у нас Николай Хабибулин стоял намертво, оправдывая свое прозвище – Стена Булина. Мне кажется, Коля провел лучший матч в карьере. Наравне с седьмой игрой финала Кубка Стэнли-2004, когда его «Тампа» обыграла «Калгари». Хабибулин не пропустил ни одной шайбы, а Макс Афиногенов забил гол Гашеку, когда получил пас и бросил в одно касание вратарю между щитков. Замечательная победа, которая позволила России забыть о поражении от чехов в наганском финале (0:1). По щекам моего бывшего одноклубника Ягра текли слезы разочарования, а мы были на седьмом небе от счастья.

Но от радости до печали один шаг – это мы поняли и в Солт-Лейк-Сити, и в Турине. В полуфинале Россия попала на американцев. Равный нам по силам соперник. Но ажиотаж вокруг матча царил жуткий! Не могу сказать, что нервозность передалась игрокам. Однако на лед мы вышли какими-то зажатыми, непохожими на себя. Проиграли первые два периода вчистую – 0:3. У американцев же была возрастная команда. Они понимали, что не смогут состязаться с нами в скорости на больших площадках. Поэтому встали в обороне и ждали наших ошибок, действуя на контратаках. Мы проснулись только в третьем периоде. Первый ответный гол забил я, уже на 11-й секунде. Удалось выстрелить благодаря тому, что Фетисов перевел меня из четвертого звена Ларионова в тройку к Сергею Федорову и Сергею Самсонову. До этого я наблюдал полуфинал, по сути, только со скамейки запасных – на площадке от силы провел минут пять.

Через три минуты отличился Володя Малахов. Играли мы на эмоциональном подъеме, и даже забили третий гол – шайба после броска Сереги Самсонова опустилась на ленточку ворот за спину Майка Рихтера. Чистый гол или нет, точно сказать не могу. Я

стоял рядом, и мне показалось, что шайба почти целиком переползла за ленточку, хотя все же ее касалась. Все произошло молниеносно. Но факт в том, что канадский судья Билл Макрири заиграл момент. Не остановил матч, не отправился смотреть повтор.

Еще один момент возник у меня. До сих пор картинка перед глазами. Я получаю шайбу, резко ухожу за ворота, выкатываюсь на другой штанге. Рихтер уже лежит на льду. Мне остается только перебросить шайбу через голкипера. Но она, как назло, перепрыгивает через крюк клюшки, и я промахиваюсь… Мы атаковали и дальше, но все меньше, меньше. В итоге уступили. Матч за третье место прошел по инерции – мы снова победили белорусов (7:2) и получили бронзу. А чемпионами стали канадцы, которые прибавляли от матча к матчу и в финале были явно сильнее американцев (5:2).

Олимпиаду в Солт-Лейк-Сити я не могу занести себе в актив. Да, хорошо, что мы получили медаль. Но своей игрой я не доволен. Выходил только в четвертом звене. Продолжалась такая же ерунда, какая уже случалась в карьере – на меня рассчитывали, хлопали по плечу и говорили: «Давай, Алексей, от тебя все зависит!». А потом ставили в последнюю тройку и выпускали на лед по восемь-десять минут за матч. Тогда я не понимаю, зачем ждать от меня результативного хоккея. Да, в сборной России были более звездные игроки – Сергей Федоров, Павел Буре, Игорь Ларионов… Но ведь и я хотел, мог себя показать. Поэтому был разочарован тем, что часто просиживал на лавке запасных. Да и папа, когда у него взяли интервью, резко высказался о том, что его сына использовали на Олимпиаде совсем не так, как нужно.

У меня хорошие отношения с Вячеславом Фетисовым. То, что произошло в Солт-Лейк-Сити, я не вспоминаю. В конце концов, как тренер, он себя нормально проявил. Но если он считал нужным использовать меня именно так, что я могу сделать? Критики постоянно пускают стрелы в мой адрес: вот, Ковалев все время ворчит, этот тренер ему плох, другой не хорош… Я отвечу: у меня никогда не возникало проблем с тренерами. Это у них со мной проблемы. Еще с детства, когда в Тольятти меня выгоняли с тренировок за своеволие. Такой я человек, меня сложно переучить, я привык играть так, как умею. Именно так я могу показать максимум того, что могу. А когда меня используют неправильно, а потом ругают за слабую самоотдачу… Этого я никогда не пойму.

Когда говорят, что классный игрок всегда найдет возможность забить гол – это, извините, демагогия. Надо

поступать как Яромир Ягр, который приехал в омский «Авангард», и его начали использовать также, как Ковальчука в «Ак Барсе» – давать недостаточно игрового времени, держать в запасе. Не от того, что к Ягру там плохо относились. Просто знали не очень хорошо, как привык играть этот форвард. И тогда Яромир заявил: «Я собираю вещи и возвращаюсь в Чехию!». Все перепугались, начали его останавливать. А Ягр справедливо спрашивает: «Я что, сюда приехал, чтобы на лавке сидеть?».

После этого Яромир начал играть столько, сколько хотел. И «Авангард» стал единственной командой в суперлиге, которая создала спецбригаду для игры в большинстве – Ягр, Сушинский, Затонский, Прокопьев, Твердовский. Яромир же по итогам чемпионата был признан самым ценным игроком. Все почему? Смог себя реализовать.

В целом, это получилась немного странная Олимпиада. Впервые я почувствовал, как игрока вырывают по ходу регулярного чемпионата НХЛ, ставят в необычные условия, когда ты за 10 дней должен показать максимум своих возможностей. Это как стайер, который бежит марафон, должен резко ускориться на середине дистанции. Причем бежать ему нужно не по ровному асфальту, а в гору. Я заметил, что многие энхаэловцы – не в нашей команде, а вообще на турнире – относились к Олимпиаде, как к проходному соревнованию. Им было сложно сделать сверхусилие. Разумнее всего поступили канадцы, которые не напрягались в группе, но выстрелили в плей-офф. По такой же, кстати, тактике и шведы выиграли золото в Турине.

В отличие от Альбервилля, Олимпиада в Солт-Лейк-Сити показалась повседневной. Не было ощущения торжественного праздника, к которому ты долго готовишься, сидишь на сборах, участвуешь в контрольных матчах. Нет – приехал на турнир, отбарабанил матчи, и лети обратно в свой клуб НХЛ. Обратная сторона той медали, что Олимпиада проходила в Штатах – мы не чувствовали смены обстановки. Поэтому было сложнее настроиться, вырваться из рутины. Через четыре года в Турине атмосфера спортивного праздника чувствовалась сильнее.

Турин

Крикунов на белом коне. – Кто выбирал состав? – Битва с канадцами. – Финское болото.

Перед Олимпиадой в Турине ребята из сборной выбрали меня капитаном. На самом деле, нашивку с буквой «С» я начал носить еще на этапах Евротура – декабрьском Кубке РОСНО, когда играл в России во время локаута. Был капитаном на чемпионате мира в Вене… Но Олимпиада – особое дело.

Правда, если говорить начистоту, я не понимаю, когда об этом звании говорят с придыханием и пафосом. Это болельщикам интересно обсуждать, почему сейчас капитаном стал Ларионов, а не Буре, а потом Ковалев, а не Яшин. Какая разница? По мне лучше вообще не иметь капитана в сборной и назначать только ассистентов (это нередкая практика в НХЛ), чем ломать копья о том, кто им должен стать. Капитан отличается от полевого игрока только тем, что имеет право разговаривать с судьями. Невелика привилегия… Другое дело, что капитан должен быть настоящим лидером, вести команду за собой. Но для этого ведь не обязательно иметь букву «С» на свитере. Бьется на площадке вся команда, а не один человек – иначе игра была бы до жути предсказуемой. Нет, ответственность должна быть солидарной.

Образцом настоящего капитана для меня всегда был Марк Мессье. Мужик, который не только может забить важный гол, но и слово веское скажет в раздевалке, заведет команду. Мне рассказывали, что однажды «Рейнджере» встречался с «Хартфордом» и «горел» после второго периода со счетом 2:6. Тогда Мессье в перерыве начал орать на ребят из четвертого

звена, что они не бьются на площадке, а отбывают номер. Игроки так оскорбились, что выскочили на лед заряженными на борьбу. Они буквально замучили соперника, и «Рейнджере» победил 7:6.

С Мессье нужно брать пример. Но я не буду кричать в раздевалке на молодых. Правильнее подойти и спокойно объяснить, как сыграть лучше. Другое дело, если ты видишь, что человек из принципа не выкладывается на полную катушку. Тогда уже можно ему сказать крепкое словцо. Но таких случаев в Турине не было. Коллектив у нас подобрался на удивление хороший и сильный. Обидно, что перед турниром мы потеряли из-за травм Колю Хабибулина и Лешу Жамнова. Однако это издержки профессии. И замена им подобралась достойная. Не сочтите за бахвальство, но перед Олимпиадой у меня была уверенность, что мы спокойно возьмем золото. Возьмем, и все. Такое же чувство, кстати, возникало и перед чемпионатом мира в Вене. Команда подобралась молодая и дружная, как на зимних Играх в Альбервилле. Саша Овечкин проводил феерический сезон в «Вашингтоне», Илья Ковальчук, Паша Дацюк, Александр Фролов, Евгений Набоков… В Турин приехало много ребят, которые уже заработали себе громкое имя в НХЛ. Помешать стать первыми нам могли только мы сами.

Увы, так и произошло. Нам не хватило грамотности главного тренера. Мы уступили в тактике, расчетливости. В полуфинале с финнами Владимира Крикунова просто переиграли – по-другому не скажешь. Про Крикунова привыкли говорить, что для него нет авторитетов. Знаете, для Майка Кинана тоже не существовало авторитетов. Он любую звезду мог отправить в запас. Но Кинан прислушивался к игрокам, делал выводы. Умел их использовать правильно на площадке, и тактически отсталым тренером его никто не называл. Крикунов же упорно продвигал замшелую тактику: вот, у меня есть четыре звена, и все они будут играть по кругу. Стоял у бортика и замерял секундомером, чтобы пятерка находилась на льду ровно пол минуты, и вовремя сменить ее на другую. Сыпал славки междометьями: «Эвона, что же ты? Куда ты? Э-э!». Когда же у Крикунова спрашивали, почему Овечкин редко выходит на лед, тренер демонстрировал убийственную логику: «Если бы матч длился 80 минут, Овечкин играл бы больше». Это напоминало бред… Когда же Крикунову пытались подсказать, он отмахивался: «В тренерском штабе сами разберемся!». Но, кажется, он даже своих помощников не слушал. Что уж о хоккеистах говорить?

Да, мы одержали на Олимпиаде пять побед подряд. Но это заслуга команды, а не Крикунова. Он связал руки лидерам сборной России. Если в матче со шведами (5:0) тренер выпускал

первое звено в большинстве, то в игре с финнами, когда первая пятерка сразу не отличилась, в дальнейшем при розыгрыше лишнего Крикунов начал делать ставку на третье-четвертое звено.

По меркам НХЛ, это дикость. Как может, к примеру, «Рейнджере» не выпускать Ягра в большинстве, а «Атланта» держать в запасе Ковальчука? В конце полуфинала с финнами (0:4), Каспарайтис умолял Крикунова: «Ну выпустите Ковалева в большинстве на позиции защитника…». Атренер отмахивался: «А-а, делайте, что хотите». По такому ответу становилось ясно, что Крикунов сдался. Как в такой ситуации можно ждать огня в глазах игроков? Как можно доверять человеку, который перед Олимпиадой публично заявляет в прессе, что это не его команда? Вот, сборную он натренировал, но в нее приехали энхаэловцы, поэтому теперь это другой коллектив, и хороший результата не гарантирую. Крикунов всегда искал отговорки, обвиняя своих игроков в пьянстве и лени. Зато сам он всегда был чистеньким, в мундире с иголочки, на белом коне.

Сборная комплектовалась по странному принципу. Это все равно, что дом начали строить с крыши. Президент ФХР Александр Стеблин, как всегда, пошел своим, только ему известным путем. Сначала назначил главного тренера Крикунова. Потом был объявлен состав. И только затем у сборной появился генеральный менеджер, которым стал Павел Буре. Хотя во всем остальном мире в первую очередь, ставят к рулю управляющего, который назначает тренера и выбирает состав. В результате среди болельщиков возникали споры: одни судачили, что сборную России набрал Буре, который якобы лоббирует игроков НХЛ, другие утверждали, что выбор сделал тренерский штаб Крикунова. Он же еще и в «Динамо» работал, и, дескать, у некоторых игроков даже в контракте было прописано, что ему гарантируется участие в Олимпиаде. По факту же, снова столкнули лбами энхаэловцев и игроков суперлиги. Но я честно скажу, не знаю, вето там и кого выбирал, эта тема мне неинтересна. Меня позвали – я приехал играть.

Работа Павла Буре на Олимпиаде мне понравилась. Как генеральный менеджер, он решил много организационных вопросов, помог с размещением наших жен. Регулярно подходил ко мне, к другим ребятам и интересовался, нужна ли еще помощь. Буре всегда был при команде. И что особенно здорово, он не лез на первый план, не вмешивался в дела тренера ил и игроков. Таким и должен быть генеральный менеджер – он делает все, чтобы люди не думали ни о чем, кроме хоккея.

Я видел, что большую работу перед Олимпиадой проделал Сергей Немчинов – помощник Крикунова, который находился в

Северной Америке и просматривал игроков НХЛ. Встречался с хоккеистами, вел переговоры. Если кто-то получал травму, тут же звонил телефон – это был Немчинов, который интересовался здоровьем, подбадривал ребят. Потом, кстати, Крикунов и своего помощника в газете обругал: вот, Немчинов набрал не того, кого нужно. Что ж вы сами игроков не просматривали, Владимир Васильевич? Вот чешский тренер Алоиз Гадамчик целый месяц по Северной Америке катался, матчи НХЛ наблюдал. А вы вырвались только на неделю – да и то замечены были в том, в чем сами обвиняли хоккеистов: ходили подшофе под трибунами стадиона в Нью-Йорке. Тоже мне работа…

Что можно сказать об организации Олимпиады? В целом, она была нормальной. Хотя встречались казусы. Так, например, я не сразу нашел жилье для Жени, которая прилетела вместе со мной. Женам игроков запрещалось жить в олимпийской деревне. Мне пришлось снять квартиру в Турине в не самом спокойном районе. Но других не было – ажиотаж царил огромный, жилья не хватало. Тогда итальянцы переоборудовали обычный дом в гостиницу, и сдавали апаргаменты по ломовым ценам. Тамже, в городе пришлось искать жилье и запасным игрокам сборной – наши не смогли договориться, чтобы все хоккеисты находились в одном коллективе. А вот канадцам удалось решить эту проблему…

Первый матч мы проводили со словаками. Играли на катке «Эспосизиони», который тяжело назвать ареной. Это выставочный центр, переоборудованный в хоккейный стадион на четыре тысячи мест – с трибуной-времянкой и не идеальным качеством льда… Сборной Словакии мы уступили (3:5) – старались в нападении, но пропускали скоростные контратаки от быстрых форвардов Габорика и Демитры. В ворота Крикунов поставил Илью Брызгалова. Как говорится, с корабля на бал – парень около суток назад совершил перелет из Калифорнии в Италию. Между прочим, это девять часов разницы во времени. Хотя в такой же ситуации оказались и остальные игроки сборной. Энергии нам хватило только на один период – после этого банально кончились силы.

Мне показалось, что Брызгалова особо не стоило винить за попущенные шайбы. Но Крикунов зачем-то разразился тирадой на пресс-конференции, что Брызгалов ничего не ловит, и вратарь из него аховый, только балаболить может. Это тренер прицепился к словам Ильи, которые он сказал в интервью кому-то из канадской прессы: мол, трудно понять, что от меня хочет Крикунов. В итоге Брызгалов оказался в запасе, и ходил на все матчи в цивильном, смотрел хоккей с трибуны.

Вторая игра – со шведами, будущими чемпионами –

получилась на загляденье. Мы со Швецией в последние годы играли удачно, побеждали их в финале Евротура. А тут вообще выдали 5:0! В воротах играл Евгений Набоков, в атаке мы раскатывали соперника, у нас получалось все. Не в первой половине матча, которая вышла натужной, а во второй. Я забил гол, потом отличился Саша Овечкин. И пошло-поехало… Бывает такое даже в матче равных соперников. Одна команда забросит несколько шайб и держит игру в руках, а у второй ничего не клеится, и переломить ход встречи не выходит. Разумеется, в эйфорию мы не впали. Все понимали, это только начало. Но начало хорошее. Как окажется, за этим последуют еще четыре победы:

– Над Казахстаном (1:0) – против нас, по сути, играла сборная высшей лиги российского хоккея. Мы выиграли с минимальным счетом, но весьма уверенно;

– Над Латвией (9:2) – от этого матча ждали многого, латыши нас нередко цепляли на крупных турнирах, том же чемпионате мира-2000 в Санкт-Петербурге. Но тут борьбы не получилось, а Илья Ковальчук сделал покер в ворота, которые защищал Артур Ирбе;

– Над США (5:4) – игра с турнирной точки зрения мало что решала (мы практически не сомневались, что в четвертьфинале попадем на Канаду), но была важна психологически. Американцы для нас всегда были трудным соперником, да и поражение в четвертьфинале Кубка мира-2004 еще помнилось. Матч получился суматошным, ворота защищал Максим Соколов – Набокову дали отдохнуть перед плей-офф. Но мы вели в счете и по заслугам победили.

И, наконец, победа над Канадой. Как писали в газете, мы не могли обыграть эту сборную в кубковом матче уже 13 лет – как раз с чемпионата мира – 1993, когда победили «Кленовых Листьев» в полуфинале. Прямо скажем, немногие верили в наш успех. Но ребята выдали лучший матч на турнире. Перед игрой мы собрались вместе и решили, что нужно проще действовать в защите и скорее выводить шайбу из своей зоны. Пусть наши нападающие получают пас в середине площадки и организуют контратаки.

Канадцы не были слабее, чем на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити. Хотя начали турнир тоже с раскачки – проиграли швейцарцам (0:2), финнам (0:2). Но Канада всегда славилась именно кубковым характером. Против нас «Кленовые Листья» показали свой лучший хоккей. В обороне было жарко, но мы выстояли. А в третьем периоде Овечкин забил сумасшедший по важности гол – Витя Козлов за воротами Бродо ушел финтом от

Криса Пронгера, отдал пас, и Саша от души бросил в одно касание… Все понимали, что игра идет до гола. И его забили мы. Вторую шайбу я забросил за 23 секунды до сирены, когда канадцы раскрылись и пошли ва-банк. Получил шайбу перед чужими воротами от Андрея Маркова, который отдал диагональный пас. Спешить было некуда. Я выдержал паузу, пока Мартин Бродо присядет на лед, и бросил между щитков. Это победа!

Как мы выиграли у Канады, если Крикунов не рулил сборной? Хороший вопрос. Во-первых, командой больше управлял его помощник Борис Михайлов. А во-вторых, ребята были на огромном взводе, ноги сами бежали в атаку. И смены проходили удачно – одна тройка меняла другую, и играла еще лучше. Так рос темп матча, который напоминал взводящуюся пружину. А затем произошел выстрел – гол Овечкина.

С финнами (0:4) все произошло иначе. Со стороны показалось, что наша сборная очень вымоталась в матче с Канадой, и на полуфинал у нее не осталось сил. Но дело все в неправильном ведении игры со стороны Крикунова. Финны нас просто усыпили своей тактикой, вязали по рукам и ногам. А мы не могли разогнаться в этом «болоте». Соперник забивал гол за голом, но сборная России даже не перестраивалась, словно покорившись печальной судьбе. Нет, надежды я не терял до последних минут. Никак не верилось, что такая хорошая сборная не возьмет золото. А когда прозвучала финальная сирена, стало очень горько…

Полуфинал совпал с моим днем рождения. Хуже праздника в моей жизни еще не случалось. Жена пыталась поднять настроение. Попросила, чтобы в Русском доме приготовили для меня торт. Я приехал с ребятами на вечеринку, но долго там не просидел. Чувствовалась опустошенность – она возникает у человека, который шел к важной цели, проделал огромную работу, а оказалось, он напрасно потратил время. Сизифов труд. Я отдал торт массажистам в олимпийской деревне и отправился спать.

Матч за третье место с чехами (0:3) вообще не запомнился. Да и финал я смотреть не мог. Видеть, как финны проигрывают шведам, которых мы в свою очередь обыграли 5:0 – тяжелое испытание… Разочарование – вот, что осталось от Турина. Но триумф с Канадой и серия из пяти побед – в плюсе. Все-таки классная у нас была команда…

«Ак Барс»

Второй локаут. – «Казань Рейнджерс». – Часы для Билялетдинова. – Деньги на ветер.

Чемпионат-2004/05 в НХЛ не состоялся из-за локаута. Но это стало известно только в середине февраля, когда комиссионер лиги Гари Бэттман объявил о том, что впервые в истории профессионального спорта Северной Америки, отменяется целый сезон. А тогда, осенью 2004 года у меня еще жила надежда, что я продолжу карьеру в НХЛ. Мой агент сказал, что по его информации, должен повториться сценарий десятилетней давности. Тогда мы потеряли «всего» половину регулярного чемпионата.

По регламенту суперлиги, хоккеисты могут дозаявляться в клубы либо до начала чемпионата России, либо когда открывается одно из трех «окон» (по срокам они совпадали с теми периодами, когда сборная выступала на этапах Евротура – финском, российском и шведском). Звонить с предложениями из «Ак Барса» мне начали еще ранней осенью. Звали в московское «Динамо». И в «Авангард», но не очень настойчиво. Я так и не понял, почему омичи быстро свернули переговоры – может, из-за неудачного старта в чемпионате? А то, глядишь, снова сыграл бы с Ягром в одном клубе. Впрочем, в те дни вероятность подписания контракта в России я отметал сразу. Потому что был уверен: на сезоне НХЛ рано ставить крест. И говорил всем, включая журналистов, что буду находиться в Северной Америке до декабря. Какой смысл срываться из дома вместе с семьей, если через месяц пришлось бы лететь обратно?

Но в октябре я изменил свое мнение. Сидеть без дела жутко не люблю. Если же начнется сезон НХЛ, то надо быть в приличной форме. А где лучше всего получить игровую практику, если не в суперлиге? Тут как раз последовал очередной звонок от вице-президента «Ак Барса» Равиля Шавалеева с предложением играть за казанцев. Я сказал, что подумаю. И вскоре согласился. Тем более команда в Казани собиралась очень приличная. Много знакомых ребят, главный тренер – Зинэтула Билялетдинов, с которым я еще в молодежном «Динамо» работал. С ним я перед подписанием контракта общался по телефону. В беседах с руководством «Ак Барса» большой упор делался на то, что Казани в 2005 году исполняется тысяча лет. И боссы клуба хотят сделать подарок ко Дню города – выиграть золото суперлиги. Мне идея понравилась. И это был один из главных стимулов, чтобы переехать в Казань.

Прилетел я вместе с Женей и старшим сыном Никитой, которому тогда было два с половиной года. Младшего Ивана, ему только шесть месяцев исполнилось, мы оставили в Нью-Йорке вместе с няней. Но через две недели и его забрали в Россию.

Сначала было подмосковное Одинцово. Там во время первой паузы в чемпионате «Ак Барс» проходил тренировочные сборы. Интересно получилось, что я приехал в новый клуб почти одновременно с Дарюсом Каспарайтисом и Николаем Хабибулиным. С Каспером как всегда комедия вышла. Мы с ним еще в Нью-Йорке разговаривали. Я спрашиваю, играть где-нибудь собираешься? Он начал скрывать: вот, то да се, ищу себе команду в России. В общем, государственная тайна и агент 007. А потом выяснилось, что его тоже «Ак Барс» приглашает. И что мы с ним снова будем в одной команде – как и в «Динамо», сборной СНГ и России, «Питтсбурге» и «Рейнджере». Куда я, туда и он. Неразлучная парочка.

Какие сложились новые впечатления о нашем хоккее? Сразу резануло глаз, что площадки огромных размеров, если сравнивать с «коробками» в НХЛ. Надо больше двигаться – в одном из интервью я даже сказал, что в Россию нужно привозить дополнительные ноги. У тебя больше игрового пространства. Можешь подумать, что делать с шайбой. Хоккей, как в замедленной съемке.

Бытовые условия за десять лет, если считать со времени первого локаута, улучшились. Многие энхаэловцы жаловались, что на выезде им приходится проходить семь кругов ада: стирки нет, питание плохое, номера грязные, кровати проваливаются, старушки-вахтеры устраивают обыски… Помню, в «Советском спорте» был даже сделан тематический опрос игроков. Дарюс

Каспарайтис сказал, что его бесит, когда приходится сталкиваться с «совком». Вот приезжает команда на раскатку во дворец ЦСКА, нужно только вещи в раздевалку бросить. А милиционер не пропускает на территорию стадиона. Говорит, мол, давайте пропуск на машину. И хоккеист ты или террорист, его не волнует.

Илью Ковальчука удивило, что в гостиницах дают карточку гостя, если хочешь кого-то провести. Карточки нет – в номер никого не пустят. А если после одиннадцати вечера твой гость задержался, его начинают выгонять. Когда же из гостиницы выезжаешь, заходит горничная и начинает номер при тебе проверять – не украдены ли полотенца, туалетная бумага? Смех, да и только.

У меня к быту другое отношение. Я считаю, что в России гостиницы не такого класса, как в Америке. Конечно, так. Но если разобраться, все необходимое присутствует. Питание в столовой хорошее, на автобусе на тренировку подвозят. Есть кровать, телевизор, тепло в номере, душ. Что еще надо? Если кто-то желает, чтобы ему клубнику в шоколаде приносили и шампанское со льдом – то, пожалуйста, жалуйтесь. А мне и без этого хорошо.

Единственное, что не понравилось – всегда ведь можно нанять людей, которые будут таскать хоккейные баулы за игроков. Чтобы мы сами не тягали сумки и клюшки до самолета или автобуса, не тратили на это время и энергию. Ну, нашли бы пару работников, заплатили бы им по 500 долларов в месяц. Но такая идея почему-то никому в голову не приходит.

В самой Казани было чем заняться, хотя это совсем не Москва. В выходные ездили загород на природу. К нам приезжала «Ума Турман» – не героиня тарантиновского «Убить Билла», а популярная поп-группа в России. Отечественная эстрада выступала и зарубежная. Мне нравилось жить в столице Татарстана. Если в Москве ты крутишься как волчок, отвлекаешься по разным делам, то в Казани в бытовом плане расслаблен и можно полностью сосредоточиться на хоккее. А отдыхать и тусоваться – это будем после сезона. Вообще, в плане организации в «Ак Барсе» все было на высшем уровне. И зарплату платили, как по швейцарским часам, хотя в других клубах суперлиги случались серьезные задержки. И все проблемы хоккеистов решали. Работали казанцы профессионально, на уровне НХЛ. Претензий в этом смысле никаких.

В игровом плане «Ак Барс» часто сравнивали с «Рейнджере». Имели в виду состав, который был таким же звездным, как в нью-йоркском клубе. Соответственно, те же беды – не всем хватает игрового времени, сложно сбалансировать команду. Главная же проблема Билялетдинова была в том, что ему приходилось

работать с энхаэловцами, а мы в любой момент могли вернуться за океан – стоило только Гари Бэттману объявить, что локаут закончился. Билялетдинов сам нам признавался, что он боится: вот если сделать ставку на игроков НХЛ, а молодых посадить в запас, то когда поступит отмашка из Америки, мы все уедем, и играть будет некому. Резерв-то не готов и растренирован. Потому получалась очевидная глупость: в Казани собрали суперсостав, а использовать его на полную катушку не могли. Тренер скупо раздавал игровое время энхаэловцам. В конце сезона на этой почве, кстати, случился знаменитый скандал с Ильей Ковальчуком, когда он заявил, что больше не будет играть в команде Билялетдинова. Тот просто не знает, как его использовать, а со скамейки запасных забивать голы он не умеет. Да и у остальных ребят из-за океана игра не шибко шла.

Билялетдинов говорил: «Вот-вот отменят сезон НХЛ, и тогда будет проще. Вы не переживайте». Но когда все определилось с локаутом, продолжилась та же ерунда. Только разговоры пошли другие: «Не волнуйтесь, сейчас начнется плей-офф, там наиграетесь. Это же главное, зачем вы сюда приехали». Но и во время кубковой серии с ярославским «Локомотивом» ничего не изменилось.

После такого у многих энхаэловцев из «Ак Барса» отпадало всякое желание играть. Болельщики считали, что мы приехали в Россию за длинным рублем, посачковать и ничего не делать. Но корень проблемы был в другом: какой смысл находиться в команде, где ты совершенно не получаешь удовольствия от игры? И у меня, и у Ковальчука, и у других ребят было похожее настроение. Кто-то даже хотел вернуться домой. Лично я рассматривал вариант с переходом в другой клуб – снова возникло предложение от «Динамо», но не слишком серьезное. В итоге решил довести сезон до конца в «Ак Барсе». Очень затягивало, что Казани исполняется 1000 лет. Хотелось с командой войти в историю города. К тому же я надеялся, что в игровом плане станет лучше, и мы завоюем золото. Но на деле все получилось совсем по-другому…

Отношение к тренерам характеризует такая вот история. В том сезоне случилось сразу два юбилея – 50 лет исполнилось Зинэтуле Билялетдинову, а через пару недель 55 лет стукнуло его помощнику Сергею Котову. Каспарайтис загорелся идеей подарить Биллу наручные часы за 4000 долларов. Сказал ребятам в раздевалке, что купит их на свои деньги, а они потом отдадут ему по 200 долларов. А когда пришла пора собирать взносы, многие игроки сделали удивленный вид: «Какие деньги, Дарюс? О чем ты?». Хотя это не только из-за неприязни к Билялетдинову,

которая возникала у некоторых хоккеистов. Но и чтобы не упустить лишний случай подколоть Каспарайтиса… Ну а на подарок Котову скинулись все и часы подарили ему дороже. Потому что отношение к этому тренеру было более ровное и спокойное.

Еще нюанс в том, что ту команду собирал не Билялетдинов, поэтому полного контакта у него с игроками не имелось. Кадровыми вопросами занимался Шавалеев. Он ставил в известность тренера, кого хочет приглашать. Но состав набирался, исходя скорее из громкого имени игрока, чем из его амплуа и нужности. Инициатива в этом вопросе исходила точно не от Билялетдинова, иначе вряд ли бы он в октябре позвал в «Ак Барс» того же Колю Хабибулина, если тот в июне выступил с публичной критикой работы Билла и сборной России перед Кубком мира. А вот в следующем сезоне Билялетдинов получил карт-бланш и создал команду, как он ее видит, пригласив много знакомых игроков из «Динамо». В результате «Ак Барс» выиграл золото суперлиги – но уже, увы, не к круглой дате Казани.

Снова вернусь к тому уникальному эксперименту. Не уверен, что когда-нибудь еще в российском клубе соберется столько звездных игроков из НХЛ, поэтому «Ак Барс»-2005 можно смело занести в Книгу рекордов Гиннеса. С нами ездило много журналистов из Штатов и Канады. Например, Майкл Фарбер из «Sports Illustrated». Потом он вернулся за океан и делился своими походными рассказами. Контраст между суперлигой и НХЛ выглядел очень колоритно. Приведу лишь несколько его цитат, которые были переведены в русских газетах.

– И вот в последнюю субботу ноября – с мозгами, затуманенными сменой восьми часовых поясов, и телами, облаченными в бело-зелено-красную форму под цвета флага Татарии, канадцы Венсан Лекавалье и Брэд Ричардс стояли на синей линии со своими новыми партнерами, внимая первым звукам гимна России. Прежде чем лицо Лекавалье приняло подобающе торжественное выражение, по нему пробежала легкая усмешка. Позднее он объяснит, что этот гимн заставил его вспомнить фильм «Рокки IV».

– Равиль Шавалеев – вице-президент команды и ее архитектор. Из всех 144 миллионов россиян, не считая президента России Владимира Путина, именно этого 47-летнего человека – бывшего защитника казанцев – меньше всего рекомендуется выводить из себя. Его сила не подвергается сомнению. Он свиреп всегда – даже когда ходит по коридорам или сидит в своем офисе на втором этаже. Он бывает необычайно щедр (в его планы входит вывезти свой «Ак Барс» на курорт в

Дубай во время февральской паузы в чемпионате), но способен навести ужас даже на неодушевленные предметы. Работники клуба застывают, когда Шавалеев проходит мимо них. Нападающий Данис Зарипов был пойман с двумя бутылками пива в командном чартере – этот проступок стоил ему половины месячной зарплаты. Разумеется, сама зарплата Зарипова укрыта пеленой строжайшей секретности. «Эта тема вне обсуждения», – говорит Шавалеев.

– Переварить поражение от «Динамо» в овертайме было куда тяжелее, чем пищу в «Венеции» – превосходном итальянском ресторане в пяти минутах от казанского катка. После приезда семерых энхаэловцев в ноябре Ковалев решил поспособствовать процессу укрепления командных уз, пригласив всех хоккеистов с женами и подругами – всего около 40 человек – на послематчевый ужин, который, по словам очевидцев, был тихим и спокойным. Уровень децибелов возрос лишь в 17.30 следующего дня, когда Шавалеев промаршировал в раздевалку и устроил команде разнос за количество спиртного в ресторанном счету. По словам игроков, Шавалеев несколько раз звонил в «Венецию» в течение вечера, чтобы знать, сколько именно было употреблено алкоголя…

На счет пива я справедливо замечу, что и не во всех командах НХЛ его можно свободно пить. Бывают запреты на употребление легкого алкоголя и в раздевалке, и когда ты находишься с командой на выезде. В «Ак Барсе» к этой спорной теме относились по принципу: «Кто платит, тот и заказывает музыку». То есть устанавливает свои правила внутри команды. Удивляло меня другое. Прямо в комнате игроков на доске объявлений висела система наказаний. Вот один, например: «Если во время матча тебя удаляют, и соперник забивает гол – штраф 1000 долларов». И список из 15 подобных прегрешений. А в конце месяца вывешивали лист с фамилиями нарушителей: «Каспарайтису сдать столько-то, Ковальчуку – столько, Ковалеву – столько». Второй тренер «Ак Барса» собирал эти «налоги». С моей точки зрения, более чем странная ситуация. Это же хоккей! Игра может сложиться как угодно, а мы не привыкли чувствовать себя паиньками на льду. Наверное, руководство «Ак Барса» так пыталось привить нам игровую дисциплину. Но это же глупо – на площадке думать только о том, как бы не схватить удаление. Поэтому толку от системы штрафов почти не было.

Канадцы в Казани – отдельная история. Брэд Ричардс не особенно прижился в «Ак Барсе» и через шесть матчей вернулся в Северную Америку, сославшись то ли на повреждение паха, то ли на грыжу. Я уж не знаю, насколько серьезной была его травма. Но

Ричардс пришел в шок, когда увидел маленький хлипкий самолет Су-34, на котором «Ак Барс» путешествовал по России. Показалось, во время полета Брэд думал не о том, куда мы летим, а когда самолет развалится прямо в воздухе, и что ему тогда делать. Было заметно, что Ричардса убивала вся эта обстановка, и он мысленно жалел о том, что подписал контракт в суперлиге.

Авот Венсану Лекавалье все было в кайф. Есть такой мультик – «Ох и Ах». Если Ричардс по характеру скорее «Ох», то есть пессимист, то Винни – настоящий «Ах», для которого сезон в Казани был настоящим приключением. Он жил по русскому принципу «чем хуже, тем лучше». Даже когда после Нового года отравился яичницей в пятизвездочной гостинице «Мираж» и лежал в постели несколько дней, это не испортило ему настроения. Лекавалье пытался учить русские слова, мотался в мороз за 500 километров в Альметьевск, чтобы посмотреть на буровые вышки и штаб-квартиру «Татнефти» – генерального спонсора «Ак Барса». Даже играл в русский хоккей: в Казани в тот год как раз проходил чемпионат мира по бенди. В общем, Лекавалье все было интересно. Как и подъехавшему в нашу команду в феврале Дэни Хитли, который к бытовым трудностям относился с юмором. Канадцы не только работали в «Ак Барсе», но и изучали традиции России, новую культуру. Было видно, что им нравится расширять кругозор.

Атеперь о плей-офф… В первом раунде мы встретились с ярославским «Локомотивом», где лидерами были Алексей Яшин, Жора Карповцев и Николай Антропов, который начинал сезон как раз в «Ак Барсе», но в феврале его отпустили в Ярославль. По ходу первенства мы неплохо играли с «Локомотивом». И когда попали на них, особой настороженности не возникло. Но серия до трех побед началась совсем не так, как мы думали – «Ак Барс» проиграл два первых матча в Казани. В конце нас начали освистывать свои же болельщики, обзывать шабашниками, бросать на лед мусор.

Понять их разочарование можно. Но и сами игроки выглядели потерянными. Не сколько из-за давления, а потому, что в игровом плане, вопреки словам Билялетдинова, ничего не менялось. Илюха Ковальчук надеялся, что уж в плей-офф ему дадут 20–25 минут игрового времени. Да и я думал, что меня будут использовать соответственно хоккейным качествам. Но все, что мы увидели, это монотонная смена пятерок, время на площадке всем поровну, вне зависимости от того, будь ты силовик третьего звена или снайпер-забивала. Происходила уравниловка. У нас опускались руки, а ярославцы поймали кураж и вошли во вкус. Действовали от обороны. Молодые ребята

носились по площадке, стараясь пеленать нас по рукам и ногам.

Третий матч, который мы проводили в гостях, получился очень тяжелым. Сразу удивило, что в запасе остался Хабибулин – вместо него Билялетдинов выпустил Фрэда Брэтуэйта. Но тут тренер не прогадал. Фредди отыграл «на ноль» в основное и добавленное время – как и его оппонент Марк Ламот. Настала пора бить буллиты. У стадиона в Ярославле, одного из самых больших в России, едва не сорвало крышу – так ревели болельщики. Никто не сидел в кресле, все на ногах. «Локомотив» ведет 2:0 по буллитам. Казалось бы, все ясно… Но тут сначала Леха Морозов забивает гол, потом Слава Козлов. А третий бросок реализует Дэни Хитли. Мы победили и продлили серию еще на один день. Но эта встряска не помогла. Четвертый матч мы проиграли 0:2…

После поражения в раздевалке «Ак Барса» не произошло разноса. Будто не случилось ничего серьезного. В комнату зашел Шавалеев, президент клуба и глава «Татнефти» Шафагат Тахаутдинов. Они поблагодарили игроков за то, что мы приехали в «Ак Барс», пожали нам руки. Может, в душе у них было совсем другое к нам отношение, но виду они не показали… Ачерез несколько дней мы разъехались по домам. Тоже без особых эмоций.

Плей-офф суперлиги я дальше смотреть не стал. Как я сказал «Советскому спорту», российский чемпионат меня разочаровал. Прежде всего, судейством. Как же арбитры портят российский хоккей! Болельщики приходят на игру, но все разговоры лишь о том, кого засудят, а кому помогут. Когда слышишь подобное, становится не по себе. Сколько было шокирующих моментов в наших матчах… Скажем, в Омске шайба вылетела за борт, ее вернули на лед и нам забили гол. И непонятных удалений хватало – соперник в тебя втыкается, и тебе же дают штраф. Какой смысл в таком хоккее? По какому принципу работают наши арбитры? Не понимаю…

В начале лета 2005 года я снова обратился к Шавалееву, думая заключить с «барсами» страховочный контракт. Вице-президент сказал, что все полномочия он передал Билялетдинову. Я поговорил с тренером, но Билялетдинов сказал, что теперь он будет делать ставку на молодежь, и не заинтересован в моих услугах. На нет и суда нет…

Пару раз ко мне обращалась «Лада», но руководство не предлагало контракт – не было уверено, что у клуба есть светлое будущее. Худшие опасения сбылись: через несколько месяцев автомобильный завод в четыре раза урежет бюджет клуба, и хоккеисты-ветераны окажутся без работы. Впрочем, я больше не

стал искать варианты трудоустройства в суперлиге. В июле кончился локаут, и вскоре я подписал новый четырехлетний контракт с «Монреалем».

Гретцки, Мессье, Лемье, Ягр

Шахматы на скорости 60 км/ч. – Сатер-папа и Мессье-сын. – В тройке с СуперМарио. – Биржевой магнат.

За карьеру мне посчастливилось играть рядом со многими ярчайшими звездами НХЛ. Так, с Уэйном Гретцки мы пересеклись в «Рейнджере», когда лучший хоккеист в истории североамериканского хоккея переехал в Нью-Йорк из Сент-Луиса. Не все в курсе, но Гретцки многое почерпнул из игры Валерия Харламова. Сам я видел хоккей Валерия Борисовича только по телевизору, когда пацаном прибегал с тренировки. Гретцки же, кажется, не встречался с Харламовым на площадке. Но знаю, часто изучал его игру по видео. И это очень помогло ему в карьере.

Впервые я обратил внимание на Гретцки на Кубке Канады-87. Звено у хозяев было великолепным – Гретцки и Лемье в одной связке! Но и у нас сборная – одни имена. Когда на лед выходили Крутов, Ларионов, Макаров, соперники на их фоне терялись. Хотя надо отдать должное канадцам, в третьем матче финала они победили, и решающий гол с передачи Гретцки забил именно Лемье.

Гретцки – уникальный центрфорвард. Кто-то сказал о нем: «Этот парень играет в шахматы на скорости 60 км/ ч». Едва Уэйн принимает шайбу, у него 150 идей дальнейшего развития атаки. И глаза не разбегаются – Гретцки быстро проводит анализ и выбирает наилучший вариант.

«Рейнджере» в 1996 году был самой звездной командой лиги. Представляете, в пару к Марку Мессье пригласили Уэйна

Гретцки! Если посчитать, восемь лет два великих игрока не выступали вместе. Гретцки присоединился к нам в тренировочном лагере. Как помню, на первый выставочный матч мы поехали в Лас-Вегас – играли с «Анахаймом». Обычно звезды проводят не все товарищеские встречи. Но тут Гретцки вышел. Ажиотаж вокруг, по сути, формального поединка царил дикий! Я даже не представляю, что творилось бы в Канаде – ведь Лас-Вегас далеко не хоккейный город, там нет команды НХЛ.

Матч хорошо запомнился еще и потому, что меня сразу поставили к Гретцки в одну тройку. Волновался я сильно. Хотелось произвести приятное впечатление своей игрой на человека. Как мне показалось, в целом все прошло удачно. Позже мы нередко выступали в одном звене. С правого края выходил я, с левого – Никлас Сундстрем, по центру – Гретцки.

Еще о Гретцки говорят, что поставь к нему в звено фонарный столб, и тот наберет пару десятков очков за сезон. В этой шутке есть солидная доля правды. Уэйн, как никто другой, умеет выдавать ювелирные передачи. Когда он был молодым, то больше сосредотачивался на голах. Посмотрите его статистику – 92,71,87,73 шайбы за сезон. А с возрастом Гретцки полюбил создавать замысловатые комбинации – отдавать такие передачи на пустые ворота, что с них сложно будет не забить. Или, если у тебя шайба, он не помчится к пятачку на добивание, а лучше закатится тебе за спину, и будет ждать, пока ты ему оставишь шайбу, а сам на ворота побежишь. Мы с ним обсуждали подобные комбинации на тренировках, это были наши домашние заготовки.

Никаких проблем в общении с Гретцки не возникало. Но и своим другом, конечно, назвать его не могу. У ветеранов существовал один круг товарищей, у молодых – другой. Соответственно, интересы различались. Да и вообще, Уэйн скорее интроверт по психологическому типу, он более замкнут в себе, живет в собственном мире. Марк Мессье в этом смысле значительно отличается от Гретцки. Более общительный – и на площадке, и в повседневной жизни. Помню, когда я только приехал в Америку, Мессье предлагал поначалу пожить у него, пока я не нашел дом, не подтянул английский. Часто мне помогал, поддерживал. По ходу матчей делал подсказки. Компанейский парень.

С Мессье я тоже периодически оказывался в одной тройке. Так продолжалось до середины сезона-1994/95, пока в «Рейнджере» не пришли Стив Лармер и Стефан Матто, и меня не поставили в центр этого звена. Вообще, наш тренер Майк Кинан часто тасовал пятерки. И в любой момент можно было ждать, что окажешься снова рядом с Мессье. Это и случилось в плей-офф,

когда мы в решающем матче полуфинала Кубка Стэнли-1994 бились с «Нью-Джерси».

С Мессье у нас было полное взаимопонимание. Мы часто друг друга подстраховывали. Например, соперник начинает атаку. По законам хоккея, в первую очередь, в защиту должен лететь центрфорвард, чтобы помочь защитникам. А бежал я, как молодой. Зато в другом моменте Мессье начнет искать тебя глазами во время атаки, и потом отдаст пас-конфетку. Не было такого, что ты за него на обеих сторонах площадки пашешь, а он и в ус не дует.

У нас с Мессье хватает общего. Например, он и моя жена родились в один день – 18 января. Как-то мы идем с Марком после матча, я его поздравил. И сообщил об этом любопытном факте. Он расплылся в улыбке: «Алекс, передавай привет Жене». Дружелюбный человек, которому не свойственна звездная заносчивость, он ко всем относится хорошо.

Второй раз мы с Мессье встретились, когда я перешел в «Рейнджере» из «Питтсбурга» в 2003 году. Конечно, люди со временем меняются. Мессье стал уже не так быстр и мобилен. Но играл по-прежнему на высоком уровне. Это было ему легко не только потому, что Марк – великий мастер. Ведь «Рейнджере» тогда возглавлял Глен Сатер. Это он в 1979 году начал строить «Эдмонтон», который впоследствии выиграет пять Кубков Стэнли. На драфте новичков-79 Сатер выбрал в первом раунде защитника Кевина Лоу (нынешний управляющий «Эдмонтона»), в третьем – Мессье, в четвертом – нападающего Глена Андерсона…

Сатера и Мессье за глаза называли «папа и сын». Когда меня вызывали в кабинет управляющего, за столом обычно сидели двое – Глен и Марк. Мессье присутствовал потому, что давно изучил мой хоккей и знает, чего от меня ждать. Советов он давал не меньше Сатера. Можно сказать, в «Рейнджере» он был играющим тренером… Думаю, через какое-то время Мессье станет наставником одной из команд НХЛ. Может, того же «Рейнджере». Люди разные бывают – не факт, что из блестящего игрока ты превратишься в выдающегося тренера. Тот же Уэйн Гретцки, когда возглавил «Финикс», в первый сезон не вывел команду в плей-офф. Хотя было заметно, что у «Койотов» горели глаза – для многих Гретцки был их кумиром детства. Но ведь не наставник выходит на лед, чтобы забивать голы. Это делают игроки. И если они не способны выполнить установку тренера, то с этим ничего не поделать – хоть Гретцки управляй командой, хоть Скотти Боумэн. Мне кажется, успехи к Уэйну еще придут. Просто у него пока молодая команда, и нужно время, чтобы из нее выросло что-то стоящее.

С Марио Лемье я пересекся в «Питтсбурге». Не знаю, кто стал инициатором того обмена в 1998 году, после которого я ушел из «Рейнджере» – может, сам Лемье. Но, скорее всего, это был генеральный менеджер «Пингвинов» Крэйг Патрик, который знал мой стиль и видел, что я могу усилить команду. Кроме того, «Питтсбургу» был нужен такой форвард, как я, который будет играть в тройке с Яромиром Ягром, выходить на позиции защитника в большинстве…

Лемье в ту пору уже ушел из хоккея и был совладельцем «Питтсбурга». После моего первого матча Марио зашел в раздевалку, представился, пожал мне руку, поинтересовался делами. Так и познакомились. Каждый раз, когда заканчивалась игра, Лемье заходил в комнату хоккеистов. Он был в курсе всех дел «Пингвинов». Серьезно относился к каждому матчу, как будто сам только что пахал на площадке.

Осенью 2000 года весь мир облетела сенсационная новость: Лемье возвращается в большой хоккей! Марио тренировался, набрать хорошую форму для него не составило труда. Его второе пришествие состоялось 27 декабря в домашнем матче с «Торонто». «Питтсбург» был так вдохновлен, что победил 5:0! А Лемье в первой же смене отдал голевой пас на Ягра. Всего за ту встречу он набрал 3(1 + 2) очка. Однажды отличился и я.

Лемье терпеть не может проигрывать. Заводится, если кто-то не забивает из выгодной ситуации или команда уступает. Может и голос повысить. Возникали рабочие разногласия. Но в целом «Пингвины» при нем расцвели. Я быстро нашел общий язык с Марио, выходил с ним в большинстве. Думаю, Лемье был доволен нашим союзом. Иначе он не пытался бы пригласить меня в «Питтсбург» после локаута, когда у меня еще не был подписан новый контракт с «Монреалем». Но к «Пингвинам» я все-таки не пошел – они не дали мне тех денег, которые предложили «Канадцы».

А потом, как оказалось, «Питтсбург» ошибся в кадровой политике, неправильно распределил командный бюджет – они дали очень большой контракт защитнику Сергею Гончару ($25 млн. на пять лет), подписали форварда Зигмунда Палффи ($13,5 млн. на три года), который в середине сезона объявил о завершении карьеры. «Пингвины» потом проклинали свою недальновидность. Но сезон уже не спасешь – состав у «Питтсбурга» на словах был крепкий, а на деле команда закончила регулярный чемпионат на последнем месте в лиге. И Лемье уже ничего не мог поправить – из-за проблем со здоровьем он в том сезоне провел только 26 матчей. Апотом снова объявил о завершении карьеры.

Похожая ситуация складывалась с «Питтсбургом» в сезоне-2002/03, когда из-за огромных финансовых проблем команда начала распродавать звезд: ушел Ягр, Страка, Ланг… В итоге, по сути, остались я да Лемье. Мы часто выходили в одном звене, брали игру на себя. И нас было сложно остановить. Какпомню, нашу тройку, в которой выступал еще и Леша Морозов, называли KLM-2, по аналогии с KLM, в которой играли Крутов, Ларионов и Макаров.

Когда Марио только вернулся в состав «Питтсбурга», то казался жестким, недоступным. Команда-то молодая и, похоже, он ее изучал изнутри. Апотом стал более доступным, сократил дистанцию в общении. И уже не было проблем, чтобы подойти к Лемье, обсудить любой вопрос. Я много проводил времени с Марио, мыходили вместе в рестораны. О чем можно болтать за столом? О работе не хотелось – нам и без этого хватало хоккея. Обсуждали житейские темы, новости из газет, кто как играет в гольф. Лемье – фанат этого дела. Я регулярно приезжал на турниры по гольфу, которые он устраивал. Сейчас, правда, они стали корпоративными, а вот раньше были открытыми, собиралось много звезд.

Такие же приятные отношения были у меня и с Яромиром Ягром. С ним комфортно играть в тройке. На площадке понимаешь европейцев с полувзгляда. Да и в жизни Ягр тепло обо мне отзывался. Хотя не могу сказать, что Яромир – простой парень. Как и любая звезда, у него есть свой характер. Если ему что-то не нравилось, Ягр мог остановиться посреди тренировки и больше не выполнять упражнение. Чужих людей Яромир привык держать на расстоянии. Но у нас всегда были хорошие отношения. Даже в России, куда он приехал во время локаута. Я выступал в «Ак Барсе», он – в «Авангарде». Мы пресекались после матчей, болтали. В «Питтсбурге», бывало, Ягр подсмотрит у меня какое-нибудь движение – спросит. Я ему покажу, он выучит – и наоборот. Совместно над разными финтами работали.

О Ягре ходили байки, что он очень зол на русских за то, что они во время Пражской весны 1968 года замучили втюрьме его дедушку. Собственно, поэтому Яромир играет под 68-м номером. Незнаю… Естьлюдисебенауме. Только отвернешься – они тебе в спину плюнут. Но Ягр не из таких. Совершенно не похоже, что он предвзято относится к кому-то из русских ребят. Да что там говорить, если в каждом втором интервью Ягр заявляет, что еще вернется в «Авангард», когда у него закончится контракт с «Рейнджере»! Так ему понравилось в Омске.

Иногда Ягра заносит. Не потому, что он подхватывает звездную болезнь. Просто Яромир терпеть не может поражения.

Но вот особенность – если одни ребята ищут причины неудач в своей игре, то у Ягра частенько кто-то виноват: партнеры, тренеры, арбитры… Однако не он сам. На него мало кто обижается. Что поделаешь, если у человека такой характер?

Еще Ягр – ужасный игрок. В том смысле, что его хлебом не корми, дай только посидеть в казино. Помню, кажется, сам Гретцки рассказывал, как поехал с Яромиром в Лас-Вегас. И Ягр привез подмышкой барсетку, в которой лежала шестизначная сумма наличными. Их он промотал за час! Потом пошел в банк, снял еще столько же денег и их тоже быстро продул. Азарта этому парню не занимать!

Он и на бирже играет. В зависимости от колебания курса акций можно было понять, хочет ли Ягр тренироваться или нет. Если Ярдо потерял много денег на фондовом рынке, на раскатку он, скорее всего, не выйдет. Если наоборот – второго такого живчика на льду не сыщешь! Ягр даже после тренировки останется, чтобы броски отработать. Когда мы приходим в раздевалку и видим, что по телевизору показывают репортаж с биржи, то всем становится ясно, кто нашел этот канал. Другой такой любимой программы у Ягра не было.

Шутить в «Питтсбурге» всегда любили. Помню, мой приход в команду совпал с черной серией Ягра – он не мог забить на протяжении то ли 10, то ли 12 матчей. Ребята мне рассказали, что они перед этим на раскатке случайно попали Яромиру шайбой в голову. И с тех пор у него, как отрезало. В команде родилась такая несерьезная версия: а давайте Ягру снова попадем шайбой в лоб, чтобы к нему вернулась игра? Яромир очень нервничал по этому поводу. Страшно было смотреть, как изводится человек. Кажется, у него начали появляться такие же мысли: может, правда, в этом все дело? А ребята его подначивали: давай-давай, один бросок в голову, и ты снова супербомбардир! Ягр колебался, а потом отказался: нет, вы так бросите, что идиотом можно стать или в больницу попасть до конца сезона. Потом Ягр заставил себя выкинуть дурные мысли, и его прорвало. Как видите, и вправду все зависит от головы.

Также я играл вместе с Брайаном Литчем. Это лучший защитник в истории «Рейнджере». Модный парень. Обожает ретро-штучки. Однажды пошел на барахолку и купил солдатские ботинки, которые еще в СССР выпустили. Сел в автобусе, ногу на ногу закинул. Я гляжу, с одной стороны, вроде бы миллионер Литч сидит. А с другой – ценник «3 рубля 25 копеек» на подошве. Я ему потом подарок сделал. Мне привезли сапоги на шнурках, которые были у наших летчиков во время войны. Я передал их Литчу. И хотя они оказались ему чуть великоваты, Брайан был

несказанно рад. Рассекал потом в них на собственном «Харлее». На мотоциклах Литч приезжал на тренировки – у нас резервный каток находился за городом. А вот на матчи прикатывал на такси, как и Мессье с Рихтером. Вообще они втроем дружили. Летом вместе выбирались на рыбалку, по ходу сезона держались в своем кругу.

В первую очередь, благодаря Рихтеру и Литчу мы завоевали Кубок Стэнли-94. Майк Рихтер бесподобно играл в воротах. Литч – очень динамичный защитник, который постоянно подключался к атаке, проводил на площадке по полматча. В том плей-офф Брайан набрал 34(11 + 23) очка в 23 встречах. Невероятный результат для игрока обороны! Справедливо, что ему вручили «Конн Смайт Трофи», как самому ценному хоккеисту плей-офф. Техничный комбинационный игрок, который просто так с шайбой не распрощается. В этом Литч очень похож на защитников советской школы. Благодаря его стилю, я легко понимал Брайана на площадке. С первых матчей сложилось ощущение, что вместе мы играли лет десять.

В «Рейнджере» жилось весело. Приколы возникали на ровном месте. Как-то раз наш боец Джо Кошур взял на скамейку во время матча… соленые семечки. И сидел, лузгал их. Я впервые такое видел. Но тренер не делал ему замечания, ведь Кошур выходил на лед в среднем на две-три минуты, чтобы вырубить с двух ударов очередного конкурента. Такая работа у тафгаев.

Еще мы устраивали вечеринки. Наряжались по моде 70-х, одевали большие кучерявые парики, облегающие штаны по колено и кожаный пиджак, вставляли золотые фиксы… Больше всех учудил Тикканен, который оделся точь-в-точь как наш тогдашний тренер Маклин. Сходство идеальное! Отрывались, как могли. И в этом веселье участвовали все – от самых молодых до Мессье, Рихтера и Литча.

Майк Рихтер – работяга. Редко встретишь вратарей, которые столько пашут на тренировках и в игре. Я за свою карьеру видел многих голкиперов, и они не любили утруждать себя большими нагрузками. Рихтер – не из их числа. Почти всегда оставался после раскаток. Я тренировал броски, а Майк делал «спасения». Помню, у него было такое упражнение: Рихтер просил Эсу Тиканена щелкать со всей силы с нескольких метров, и Майк старался среагировать. Хотя это было весьма опасно, можно было получить травму или дернуть пах.

Рихтер следил за собой, занимался растяжками. В самолете я замечал, что Майк читал журналы вроде «Men’s Health» о том, как держать себя в физической форме. Жаль, что Рихтеру пришлось завершить карьеру по состоянию здоровья. Он несколько раз

получал сотрясение мозга. Потом сначала одно колено полетело, за ним другое… Для вратарей это сродни приговору, ведь они часто садятся на лед. Рихтер неудачно перенес операции и не мог играть так, как он привык. А показывать плохой хоккей, отбывать номер ему не хотелось.

Свитера Марка Мессье и Майка Рихтера уже подняли под своды «Мэдисон Сквер Гардена». На очереди, уверен, Брайан Литч… Мне очень повезло в жизни.

Можно сказать, я сыграл вместе со всеми великими игроками своего поколения. Видел новую историю НХЛ своими глазами. Многому научился у звездных партнеров. Не могу сказать, что я приехал в эту лигу совсем «сырым». Но когда ты выходишь в одной тройке с Гретцки или Лемье, видишь, как эти форварды читают хоккей, невольно будешь брать с них пример, улучшать игру.

Главное, чему они меня научили – нужно быть разноплановым хоккеистом. Долой однообразие! К тебе привыкнет соперник, начнет закрывать уже со второй смены. А если ты в любой ситуации можешь выкинуть нестандартный финт а-ля Лемье или отдать передачу в стиле Гретцки, это наверняка приведет к голу. Хотя то, что творили эти игроки на площадке, очень сложно скопировать. Они – гении своего дела.

Энхаэловцы воюют с ФХР

Кубок мира-1996: лебедь, рак и щука. – Дебош Стеблина. – Кубок мира-2004: советский хоккей. – Чемпионат мира-2005: лодка без рулевого.

Кубок мира-1996 – мой первый турнир за сборную после отъезда в НХЛ. Мы попали в североамериканскую группу, вместе с Канадой, США и Словакией… Очень интересный ожидался чемпионат. В первую очередь, потому, что такой сборной России никто еще не видел. Собрались все ребята, которые уже успели сделать себе имя за океаном – Павел Буре блистал в «Ванкувере», Сергей Федоров был признан самым ценным игроком лиги, Александр Могильный забил 76 голов в сезоне. Алексей Жамнов, Алексей Яшин, Дарюс Каспарайтис, Сергей Зубов, а еще ветераны Игорь Ларионов, Вячеслав Фетисов… Эту сборную можно было назвать «Dream Team». Наши зрители видели такой состав только во время локаута-1994, когда сборная звезд гастролировала по стране. Но Кубок мира – это официальный турнир, в котором принимали участие энхаэловцы. Он уникален, прорыв на Олимпиадах будет совершен только через два года, когда в регулярном чемпионате НХЛ сделают окно, и лучшие хоккеисты мира соберутся в Нагано.

У нас был сильнейший подбор хоккеистов, которые поиграли в Северной Америке, привыкли к современному подходу в деле. Тренером же у нас тогда работал Борис Михайлов, а руководил делегацией Борис Майоров. Ничего не имею против этих специалистов. Но когда с энхаэловцами начинают работать по

советским методикам, ничего хорошего не выйдет. Кубок мира-96 это наглядно показал. И стал той самой отправной точкой, после которой между игроками из НХЛ и функционерами из ФХР начала расти пропасть. После того турнира за сборную России больше не играли Александр Могильный и Сергей Зубов. Да и некоторые другие ребята находили причины, чтобы не появляться на сборах – им не хотелось снова иметь дело с ФХР.

Выступили мы не лучшим образом. Проиграли канадцам (3:5), причем нас «придушил» судья – не засчитал гол на последней минуте, когда счет мог стать 4:4. Американцам мы уступили крупно (2:5), но победили словаков (7:4). В четвертьфинале попали на финнов, которые не составили нам конкуренции (5:0). Но вот полуфинал с США получился как под копирку с тем групповым матчем (2:5). И мы выбыли из турнира – чемпионами стали американцы, которые в финале из трех матчей разобрались с Канадой (3:4, 5:2, 5:2). Да, 5:2 – был их любимый счет. В атаке у США ярко смотрелся Бретт Халл со своим убойным щелчком, а ворота защищал мой товарищ по «Рейнджере» Майк Рихтер, которого признали лучшим хоккеистом турнира.

Если команда проиграла, в НХЛ ее не будут поливать грязью в прессе. Это хоккей, всякое бывает. Руководители команды не станут выносить сор из избы – это никому в голову не придет. У нас же такое оказалось в порядке вещей. Во всех неудачах обвинили энхаэловцев…

А на какой можно рассчитывать результат, если тренер не ищет подход к игрокам? Работает с ними в худших традициях «совка»: «Я – начальник, ты – дурак». Конечно, ребята огрызались. Ходила даже такая байка, что Михайлов подошел к Могильному и спросил, почему ты не забиваешь? А Саша бросил ему: «Забивать буду в октябре». То есть когда начнется регулярный чемпионат НХЛ. Не знаю, правда это или нет – я при том разговоре не присутствовал. Но когда дела идут в коллективе, как у лебедя, рака и щуки, никуда этот обоз не поедет.

Борис Михайлов был очень жестким тренером, часто орал на игроков. Работать с ним тяжело. Но вот на Олимпиаде в Турине, когда Михайлов помогал Крикунову, он показался уже нормальным человеком. Может, изменился, что-то понял за эти десять лет? Или, если его снова сделать главным тренером, он изберет ту же линию поведения? Не знаю, не знаю… Осадок от того Кубка мира у меня остался не самый приятный.

Следующий раз я принял участие в Кубке мира уже через восемь лет. В 2004 году мы снова попали в одну группу с Канадой, США и Словакией. И опять не все шло гладко в отношениях энхаэловцев и ФХР. Публично от участия в турнире

отказались, сделав заявления через «Советский спорт», Алексей Жамнов, Данила Марков, Николай Хабибулин. Федерация хоккея, которой тогда руководил Александр Стеблин, умудрилась на неделю опоздать с объявлением состава сборной России. Тогдаже, с опозданием на неделю, национальной команде нашли главного тренера – им стал Зинэтула Билялетдинов…

Хорошо, что в итоге Александра Стеблина сняли с поста президента ФХР. Как человека я его знаю мало – в начале 90-х сталкивался с ним по работе в «Динамо», когда он был президентом московского клуба. Молодых тогда урезали в деньгах, думаю, в этом была заслуга Александра Яковлевича. То, что я о нем слышал позже, не красит тогдашнего босса нашего хоккея. Нужно поднимать отечественный спорт, а он вместо этого ходит на публике в пьяном виде. Оглушительным вышел скандал на Кубке европейских чемпионов-2006 в Санкт-Петербурге, когда Стеблин подрался с пожилым пресс-атташе сборной, обматерил президента ИИХФ Рене Фазеля и швырнул тарелку с апельсинами в генерального спонсора турнира. После этого позора Стеблина и сняли…

Но тогда, в 2004 году, кроме проблем с организацией, других накладок не возникло. Сборная подобралась очень дружная, тренер нас понимал – Билялетдинов ведь в середине 90-х работал в системе «Финикса». Коллектив представлял собой хороший сплав опыта и молодости – так, напомню, именно тогда на площадках НХЛ дебютировал Саша Овечкин.

Первый матч против США показал, чего мы стоим. Мы победили американцев (3:1), взяв реванш и за Кубок мира-1996, и за полуфинал Олимпиады в Солт-Лейк-Сити (2:3). Победный гол, который я забил в ворота Роберта Эша, получился очень красивым: на паузе я уложил вратаря и почти с нулевого угла отправил шайбу под перекладину. После матча меня атаковали журналисты, и вот что я им ответил:

– Да, некоторые ребята отказались ехать на турнир, но в нашей команде никто их не упрекает. У всех могут быть свои причины: у одних нет страховки, другие не имеют контракта. Будем играть теми силами, что есть. У нас много молодых парней, которые горят желанием показать себя на высоком уровне. Но главное – мы выступаем как команда.

– Именно ваша тройка Самсонов – Виктор Козлов – Ковалев внесла решающий перелом в третьем периоде. Можно сказать, что вы уже сыгрались с партнерами?

– Мы всегда хорошо чувствовали друг друга, в последнее время игра у нас шла. Были уверены, что сможем забить, так как у нас возникало много голевых возможностей. Главное было –

надежно действовать в обороне, что мы и сделали.

– Ваше звено считается первым в сборной. Это накладывает дополнительное давление?

– Мы пытаемся сконцентрироваться на командной игре, поэтому у нас нет первого, второго звеньев. Мы все вместе и каждый в отдельности несем ответственность за действия на льду. Хотим играть в советский хоккей, который мы видели 10–15 лет назад: быстрый темп, четкий контроль шайбы, точные передачи.

Потом на этих словах «Мы показали советский хоккей» сделали обложку в «Советском спорте». Было приятно, что команду так поддерживают на родине. Никто не опустил руки даже после поражения от Канады (1:3). Мы проиграли, в общем-то, по делу – первый гол пропустили, когда у нас было большинство: Брэд Ричардс убежал один на один и перехитрил Максима Соколова. Потом отличились Дрэйпер и Сакик, на что наша сборная ответила только точным щелчком Сергея Гончара от синей линии.

Зато вот со словаками разобрались легко (5:2). Мне снова удалось забить красивый гол, когда я убежал от трех соперников и переиграл вратаря Лашака. На следующий день мы вылетели из Торонто в Сент-Пол, где снова должны были встретиться со сборной США, уже в четвертьфинале. Те же и там же.

Поражение получилось жутко обидным (3:5). Американцы досконально изучили первый матч, сделали работу над ошибками. А мы зачем-то помчались в атаку и оставили хозяйничать в нашей обороне Кейта Ткачука, который забил четыре гола…

Не думаю, что нам не хватало скорости. Просто по сравнению с предыдущей игрой у нас не было поддержки партнеров. То есть когда один нападающий идет вперед, второй должен подкатываться сзади, быть где-то рядом, чтобы помочь в развитии атаки. Вместо этого мы шли вперед по одному. Не имеет большого значения, какая у вас скорость, но когда вы атакуете в одиночку против троих, четверых соперников, вы практически обречены. К тому же мы переволновались и не выполнили план на игру: слишком часто теряли шайбу на своей и чужой синих линиях. Соперники поняли, что мы не собираемся вбрасывать шайбу, а хотим ввести ее в их зону, и стали ждать наших ошибок. Увы, дождались… При счете 2:2 появилась надежда на победу. Но в этот момент-то мы и перегорели. Обрадовались голу, решили, что соперник уже устал. Пошли вперед, и тут они опять использовали наши ляпы.

Первую медаль на чемпионате мира я завоевал в 3 2 года – в

2005-м в Вене сборная России получила бронзу, а меня признали лучшим форвардом турнира. Из группы мы вышли, не проиграв ни одного матча. Даже чехов победили (2:1), которые выступали сильно и завоевали золото. Сумасшедшим по напряженности получился четвертьфинал с финнами – мы уступали 0:2, 2:3… Но потом Павел Дацюк в меньшинстве забил сказочный гол от синей линии – так бросил с кистей, что финский вратарь Бэкстрем растерялся. Мы победили «Суоми» по буллитам, а в полуфинале встретились с Канадой.

Есть пословица в русском языке: «Начали за здравие, кончили за упокой». У нас получилось наоборот: такого дебюта я и врагу не пожелаю – 0:4 к началу второго периода! Кошмарно играли в защите, в наши ворота влетало все, что можно. Потом собрались, отыграли три шайбы. Но дожать соперника не сумели. Да и судья напортачил… После полуфинала я снова вышел к прессе:

– До матча с канадцами много говорили об ошибках, которые мы делали на турнире. Но исправить их не удалось. Опять дали фору сопернику. С такой командой, как Канада, отыграться крайне сложно. Наступили на те же грабли, как на Кубке мира. Отличие в том, что тогда мы проиграли в концовке, а сейчас в самом начале оказались на краю.

Уже в пятом матче на чемпионате мира мы пропускаем первыми. Это потому, что сами не можем сразу забить. С канадцами я имел шанс дважды поразить ворота Бродо. Но сначала промахнулся по шайбе, а на последних секундах поспешил – надо было обводить, но я думал, что вот-вот прозвучит сирена.

– Журналисты считают, что сборная России морально победила канадцев. Последние два периода были за нами.

– Хорошо, что вы так думаете. Значит, наши болельщики и пресса стали больше верить в свою сборную. Когда мы ехали в Австрию, мало кто надеялся, что эта команда что-нибудь покажет. Но мы стремились только к золотым медалям.

– За счет чего наши хоккеисты прибавили во второй половине матча с Канадой?

– Ребята расслабились и заиграли, как на тренировке, в свое удовольствие. Если бы начали поединок с таким настроем, все было бы нормально.

– Вы как капитан не пытались образумить финского арбитра Хенрикссона?

– Бесполезно. Перед турниром нам сразу сказали, что разговаривать с судьями не имеет смысла. Вопрос – да, можете задать. Но если спорить и ругаться – будут удалять. Поэтому в Австрии было тяжело доказать свою правоту.

– Финн судил предвзято?

– Он просто неграмотный арбитр. Вы же видели: стоило покричать на финна – и он перестал свистеть в нашу сторону. Сколько раз Хенрикссон судил наши матчи, столько возникало проблем. Не понимаю, как можно на полуфинал чемпионата мира ставить человека, который едва говорит по-английски? Он ни объяснить ничего не может, ни показать. Когда удаление назначает, то возникает неразбериха – кто должен в бокс садиться, зачем? Другие арбитры подъезжают к игрокам, растолковывают свое решение. Хенрикссон попытался сделать это лишь однажды, что-то пролопотав на финском.

– Как вы оцените выступление сборной России на чемпионате мира?

– У меня изначально возникло чувство, что мы выиграем этот чемпионат мира. Нет, это не самоуверенность. Но сборная России была очень сильной. Этому способствовал локаут в НХЛ – наши сильнейшие игроки выступали в суперлиге, вместе ездили на этапы Евротура… Давайте смотреть на ситуацию с позитивной стороны. Мы проиграли только один матч на турнире. Сделали большой шаг в рейтинге ИИХФ. На прошлом чемпионате мира ведь заняли 10-е место… Наш хоккей прогрессирует.

– Ожидали, что вас признают лучшим форвардом мира? Последний раз нашим лауреатом становился Валерий Каменский на ЧМ-1991, еще во времена СССР.

– Я был в приятном шоке. Узнал об этом, когда позвонил отец и начал поздравлять. Ведь наша сборная не осталась на церемонию награждения, которая состоялась после финала, и выехала в аэропорт сразу после матча за третье место.

… Мне часто задают вопрос: почему у энхаэловцев не имелось никаких претензий к главному тренеру сборной Владимиру Крикунову на чемпионате мира, но вот через год на Олимпиаде в Турине нас словно прорвало? Неужели в Австрии все было ладно, а в Италии дела пошли наперекосяк? Я отвечу – нет. Крикунов и в Вене слабо руководил командой. Но все молчали, не выносили на публику то, что происходит на нашей «кухне».

Претензии у Крикунова ко мне начали возникать еще на сборах: дескать, какой из тебя капитан, если команду не собираешь? Или говорит в прессе: чего вы от меня хотите, если у сборной не было времени на подготовку? Начались отговорки в том духе, что результата от команды ждать не стоит. Неприятно было это слушать. Ребята обсуждали в коллективе его интервью, морщились – неприятно, что тренер не верит в команду. Мы договаривались, что не будем обращать внимания на слова

Крикунова. Мы должны играть за себя, за болельщиков, за страну. И выиграть золото.

Во время турнира мы много времени проводили в гостинице на окраине города. Чтобы развеяться, ребята пару раз устроили командный ужин в ресторане. В выходные, когда сборная была свободна от матчей. А когда вернулись, Крикунов начал нам читать нотации: вы, мол, сорвали подготовку, напились в стельку. Как реагировать на глупость и ложь? Все прекрасно понимали, что представляет собой Крикунов, как тренер. Но было противно… Сборная неслась по волнам чемпионата, как лодка без рулевого. Если бы нами руководил сильный специалист, думаю, мы бы не «поплыли» в матче с Канадой и вышли бы в финал.

Тактика сборных мирал

Прыгнуть на канадцев из засады. – Шведская карусель. – Финский веер. – Провокации чехов.

Перед чемпионатом мира-2005 в Вене журналисты «Советского спорта» попросили меня объять необъятное и рассказать, по какой стратегии и тактике играют ведущие сборные мира. Согласитесь, национальные команды могут сильно различаться по составу, но в целом сложно спутать, когда видишь на льду, к примеру, русских и канадцев. Даже если они поменяются свитерами. Я охотно согласился дать «предматчевую установку». Итак, как сборной России играть против…

США

Стиль американцев чуть отличается от канадцев. Сборная США больше уделяет внимания броскам, силовой борьбе. Чужие форварды могут, например, закинуть шайбу в угол и налететь вдвоем – один бьет защитника, другой подбирает шайбу. Этого легко можно избежать, если мы не будем останавливаться. Особенно это касается защитника, который подбирает эту шайбу. За ней уже нужно идти на скорости, искать партнера для передачи. Как только мы встанем, тут же получим от США по полной программе.

Это мы проходили на Кубке мира, когда победили американцев в первом матче (3:1). Обыграли их на скорости, комбинациях. Соперник тогда потерялся, часто был без шайбы.

Обратную картину мы наблюдали в четвертьфинале, когда снова встретились со сборной США. Американцы нас уже боялись. И поэтому поступили хитро: выстроились на синей линии, стали ждать наших ошибок. А мы их наделали столько, что на целый турнир хватит!

Кейт Ткачук, забивший нам тогда четыре гола – силовой игрок, который значительную часть своей работы делает в чужой зоне. Нельзя было пускать его к нашим воротам! Он отлично подправляет чужие броски, играет на добивании. Американцам стиля Ткачука нельзя давать простор на пятачке. Могут быть неприятности.

Ткачук не едет в Австрию, зато там будет Майк Модано, а также Дагги Уэйт – классный форвард, который мало нацелен на ворота, но пасы раздает идеально. Ему тоже нельзя предоставлять простор. Едва Уэйт получает шайбу, его нужно сразу от нее отсекать. А с Модано всегда стоит быть рядом. Этот человек раскатывается из своей зоны, влетает в чужую на большой скорости, ему накидывают шайбу на свободное место, и он стремится туда, обегая защитников. Поближе с ним нужно быть. И вообще, тормозить американцев уже на их синей линии. Тогда у них вся командная схема ломается. Начинаются пробросы, положения «вне игры».

Я не устану повторять: движение – это самое главное. Быстро передавать шайбу, открываться для атак, страховать друг друга в защите. Коллективный хоккей, если объяснить в двух словах.

Канада

Сейчас все команды стараются показывать техничный комбинационный хоккей, который мы назовем европейским. Уже мало увидишь игровое однообразие, когда шайбу вбрасывают в зону, и форварды бегут туда давить защитников. Особенно этот тактический прогресс заметен на примере сборной Канады. Конечно, со стороны «Кленовых Листьев» будет много бросков от синей линии, будут проходы к воротам, чтобы сыграть на добивании, протолкнуть шайбу за «ленточку».

Канада в последние годы привозит на первенство планеты хороший состав. Не вчерашние студенты или ребята из АХЛ, а матерые энхаэловцы: одни молодые и талантливые, другие опытные и умелые. Получается хороший сплав. Канадцы стремятся показывать силовой, быстрый, тактически грамотный хоккей. Они, как губка, впитали все лучшее, что есть в мире.

С канадцами нельзя лезть на рожон. Я не говорю о том, что

мы встанем в обороне, и начнем ждать их ошибок. В хоккее в обиходе есть такое выражение: сидеть в засаде, как кошка. Ждать нужного момента, чтобы выпрыгнуть и схватить добычу. Конечно, канадцы будут ошибаться – они же люди, а не роботы. Нужно уметь этим воспользоваться.

Нельзя делать большой разрыв между защитой и атакой. Канадцы будут одним пасом отрезать наших игроков. А когда они выходят на ворота «3 на 2» или «2 на 1» – это очень опасно. Их типичная атака – шайба оставляется крайнему или центральному форварду. Тот бросает, остальные лезут на добивание.

Как с ними играть? Быстро передавать шайбу. Не стоять на месте, а все время быть в движении. Как я говорил на Кубке мира – 2004, нужно вернуться к тому хоккею, который сборная СССР показывала в 80-х, с Крутовым, Макаровым, Ларионовым. Тогда нас называли «Красной машиной». Соперник просто не знал, откуда ждать атаку – так быстро мы комбинировали.

Если будем играть с канадцами в свой хоккей, без боязни ошибиться, удача окажется на нашей стороне.

Швеция

Сборная, которая всегда устраивала карусель в атаке. Назовем их тактику «кольцо». Один швед оставляет шайбу другому, асам блокирует защитника. Второй – оставляет третьему… Они крутят эти кольца в чужой зоне в ожидании момента, когда кто-нибудь из защитников упадет, ошибется, и можно будет провести разящий выпад.

Приверженцы комбинационного хоккея. Редко отдают шайбу просто так. Форварды шведов в последние годы стали чаще бросать с «усов» кругов вбрасывания. Часто отсекают наших игроков от шайбы. По североамериканским правилам за это дают малый штраф. Но в Европе на такой нюанс мало обращают внимание. Поэтому шведы сделают акцент на блокировки.

Нам стоит больше действовать с ними «один в один», разбирать игроков. Если бы мы выступали на маленьких коробках, как в НХЛ, можно было бы играть в позиционный хоккей. Занять какое-то место и ждать, когда форвард сам к тебе с шайбой придет, а не бегать за ним по углам. Но на чемпионате мира большие площадки. Тык одному шведу подкатываешься – он тебя блокирует. К другому – тоже. Это тяжело. Могут начаться ошибки, падения от столкновений, путаница в обороне.

В защите «Тре Крунур» тормозят соперников на их синей линии, игроки обороны не откатываются глубоко к своим

воротам. Их задача – сорвать чужую атаку и сразу начать контрнаступление. Очень часто так ловят соперников. Как с этим бороться? Это неприятная работа, но надо чаще вбрасывать шайбу в зону и бороться там за нее.

Финляндия

Негабаритные быстрые нападающие, которые берут свое за счет раскатов. У финнов они бывают интересными. Три форварда катятся в одну сторону, а потом разлетаются веером в средней зоне, и защитник не знает, куда будет отдан пас. Нужно правильно разбирать их нападающих. Иначе будет много выходов «один на один» с вратарем.

Финны нацелены на ворота. Много бросают, лезут в наглую, добивают шайбу вдвоем-втроем. Хорошо играют в чужой зоне. Их козырь – получить шайбу на скорости и ворваться на чужую территорию. Поэтому нужно тормозить их игроков у синей линии, чтобы ломать конструкции атак.

Как с ними играть в нападении? Финских защитников нужно «накормить» – залезть к ним в зону и потаскать их игроков обороны. Когда они «наедаются», то совершают много просчетов. Нужно больше бросать, стоять перед вратарем. Одним словом, заставить их защитников поработать. Пусть выпихивают тебя с «пятака», побегают по углам в борьбе за шайбу, тратят силы.

Словакия

Все их козыри – в атаке. У словаков очень хорошие нападающие. Шайба сразу выводится по борту из своей зоны, и форварды убегают в быструю атаку. Также, как и шведы, словаки пытаются остановить соперника на его же синей линии и сразу перейти в контратаку. Подловить соперника на ошибке. В своей зоне словаки стараются играть меньше и проще.

Нужно не откидывать шайбу просто так, держать ее. «Накормить» их защитников, побольше перемещаться в их зоне. Как только прижимаешь игроков обороны, словацкие форварды начинают бегать вхолостую, на «прокатах».

Чехия

Чехи всегда ищут моменты, когда можно спровоцировать

соперника – пнуть, зацепить, если он смотрит в другую сторону. На этом строится их игра. Вдруг оппонент отмахнется, получит удаление. Чешские защитники жестко и вязко играют у себя в зоне. Особого простора не дают. Сразу наседают, если ты входишь с шайбой. Не очень легко преодолеть их синюю линию. Чехи хорошо катаются и умеют подстраиваться под игроков с шайбой. Нужно позиционно правильно действовать в средней зоне. Не просто беготней заниматься, а грамотно выбрать позицию и подкатываться под шайбу – если наш игрок получает пас, у него уже должна быть идея, кому можно отдать передачу.

Чехи тормозят тебя уже на синей линии, не дают пройти дальше «усов» вбрасывания. Они даже к воротам не возвращаются. Если почаще бросать по вратарю, играть на добивание, то у нас будет преимущество. И самим их провоцировать – чехи могут отмахнуться, схватить две минуты. Это их выводит из себя – чехи начинают много кричать, чтобы судья обратил внимание. Или занимаются «дайвингом» – падают на лед даже при слабом толчке. Но это один из способов борьбы с чехами. Главное же в игре с ними – терпение. Сжать зубы и не отмахиваться, методично давить их в атаке. И чехи начинают ломаться.

Чехи всегда были ровной командой, без перекоса в сторону индивидуальной игры звезд. Четыре звена, но все выглядят одинаково. Яромир Ягр? С ним всегда нужно быть близко. Подкатываться сразу, как Ягр получает пас. Если отсекать Яромира от шайбы, он начинает нервничать, пробовать что-то другое – тогда идут ошибки, и Ягра совсем не видно.

Мой рабочий день

Хоккейные приметы. – Рутина. – Криминальный Монреаль. – Новый год в самолете.

Никогда не задумывался о том, «жаворонок» я или «сова». Мне кажется, к хоккеистам НХЛ это деление по биоритмам не относится – какой график принят у команды, так жить ты и будешь. В «Монреале» раскатка обычно начинается в 10.30, поэтому я просыпаюсь полдевятого. Пока встанешь, пока детей поднимешь… В районе девяти утра ухожу на стадион. Появиться в раздевалке «Сентер Белл» нужно минимум за час до тренировки.

Уже рассказывал в главе о «Рейнджере», что тогда я приезжал в «Мэдисон» за полчаса до раскатки. И тренер Колин Кэмпбелл был этим очень недоволен… В «Монреале» я стараюсь не нарушать график. Да и не от меня это зависит. Будь моя воля, приходил бы на стадион за 15 минут до выхода на лед. Но это командное правило. Если его нарушишь, будь любезен заплатить 250 долларов штрафа. Если придешь, когда команда уже будет на льду – ставка возрастает до тысячи долларов. Дето не в деньгах, конечно. Но какой смысл нарушать общий рас порядок?

После раскатки обязательно проходит собрание. Например, мы обсуждаем, как будем играть в меньшинстве. Кстати, в начале сезона – 2006/07 наш «Монреаль» был лучшей командой лиги по этому компоненту. И оборону держали, и голы забивали, когда у нас на одного игрока меньше – например, так мы два раза отличились во встрече с «Тампой». Вечером, перед матчем, разговариваем уже о том, как играть в большинстве. Днем обычно

сплю, на площадке потребуется много сил. Потом встаю и еду на хоккей: в раздевалке нужно быть за два часа до матча. Обычно игра у нас в 19.30, а я прихожу с запасом – в 17.15.

Знаю, у Фила Эспозито была куча примет. То конек всегда с левой ноги одевает, то через клюшки переступает. Чуть ли не в бубен шамана стучит. Я такой ерундой не занимаюсь, да и не хочется забивать себе голову перед игрой. Провожу время обычно: после собрания сижу в комнате хоккеистов и смотрю телевизор. В раздевалку возвращаюсь за 10 минут до раскатки. Начинаю одеваться. Как правило, на разминке я тоже долго не нахожусь – из 15 минут катаюсь только семь. Мне этого достаточно, чтобы разогреться.

Игрока в НХЛ работники по экипировке готовы обслужить так, что даже клюшки ему изолентой обматывают. Об этом просили такие звезды, как Гретцки, Лемье. На удачу, наверное. Но лично мне удобнее самому подогнать инвентарь, притереться к нему. От эгого же зависит моя игра, и в ней не должно быть раздражающих факторов.

Перед матчем я закатываюсь за ворота и останавливаюсь. Смотрю на противника. Эта привычка у меня с детства. Но если раньше я по минуте так стоял, то теперь все в темпе нужно делать из-за рекламных пауз. Мне этого хватает. Изучаю другую команду. Знаете, как на ипподроме смотрят на лошадей перед скачками. Они выходят на публику, и люди делают выводы: эта лошадь нервничает, а вот эта спокойно гарцует. Так и я наблюдаю. Вот одна команда выскочила из раздевалки, и как начала круги нарезать. Не игроки, а энерджайзеры! Значит, активно начнут матч, будут бегать, биться в борта. А другая команда выйдет не спеша, покатается в умеренном темпе. Значит, и играть будет вальяжно, с ленцой.

Хотя все это только мои наблюдения. Я не подстраиваюсь под соперника, а следую своим правилам игры. Надо дорожить шайбой. Не отдавать ее на крик, пока не увидишь партнера. А то тебя могут купить по-глупому. Стоит где-то ускориться, а где-то проявить терпение. Если я не буду отступать от своего привычного хоккея, то в полной мере смогу раскрыться на площадке. Но и о командных установках, конечно, не стоит забывать. Иначе тренер запросто может посадить тебя в запас посреди матча.

В лиге большая текучка, в каждом сезоне видишь много новых лиц. Но есть и ветераны – те же вратари Бродо, Кипрусофф, Гашек… Уже знаешь, как против них играть. С другой стороны, сейчас такой хоккей, что составлять мысленное досье на каждого голкипера и не нужно. Потому что все вратари стали действовать

одинаково. 90 процентов из них, когда ты выходишь один на один, садятся на колен и ил и растягиваются в шпагате. Это называется «баттерфляй» – стиль в современной лиге пошел от Патрика Руа. Очевидно, что им нужно бросать верхом. Разве что лишь Бродо придерживается старой моды: стоит на ногах до последнего, реагирует на шайбу уже в момент броска. И еще Жигер из «Анахайма» любит выжидать. Правда, он иногда с этим перебарщивает: шайба уже в ворота залетела, а он все еще оловянным солдатиком по вытяжке стоит.

После матча ходим с друзьями в ресторан. Если объявляют, что следующий день будет выходным, можем посидеть допоздна. Если нет – долго не задерживаюсь. Еду домой с детьми, укладываю их спать. Потом посижу у телевизора часов до двух и тоже отправляюсь в спальню. Я в Монреале принимаю российское телевидение через интернет. Плачу за это около 20 долларов в месяц. И могу смотреть все главные наши каналы – они транслируются с восьмичасовой задержкой, поэтому разницы во времени не ощущаю.

Хоккейный сезон – такая же рутина, как у слесаря на заводе или у менеджера в офисе. Ты живешь в установленном графике, все делаешь по расписанию. Я стараюсь вырваться за рамки повседневности, как-то раскрасить свою жизнь. Например, отправиться наличном самолете в небольшое путешествие. Или погулять по Монреалю. Бывает, ходим с детьми в Биодом, который расположен рядом со стадионом, где проводились летние Олимпийские игры 1976 года. Биодом – огромный павильон, там под одной крышей собраны разнообразные звери и растения. Он разбит на пять климатических поясов. Заходишь в одну комнату – тропическая жара, попугаи летают над твоей головой. В другой – хвойный лес, повышенная влажность, летучие мыши висят на ветках. В третьей – арктический холод, пингвины ходят вразвалочку. Все сделано очень натурально. Детям там нравится. Но сходишь в Биодом один раз, другой, третий… Надоедает. А особо в Монреале гулять негде. Город не слишком большой, из центра до любого места можно добраться за 15 минут.

На игру в лиге принято приезжать в цивильном костюме. Правда, если раньше нужно было быть при полном параде, то теперь по желанию разрешили не надевать галстуки. Лично я не вижу в этом никакого официоза. Наоборот, так делается имидж НХЛ. А руководство лиги всегда идет навстречу игрокам, не загоняя их в строгие рамки. Главное, чтобы было удобно людям. И не доходило до помпезности: мол, если многие энхаэловцы – миллионеры, то на стадион они должны приезжать сплошь на

«Бентли» и «Феррари». Да я могу и на развалюхе, купленной за тысячу долларов, до «Сентер Белл» добраться. Кому какое дело? Тем более у меня в Монреале уже две машины сперли. Скоро на велосипеде буду по городу кататься.

Как это произошло? На улице оставил машину. А я живу в Старом городе, в историческом центре Монреаля. И радом расположен порт. Угонщики загоняют автомобиль в контейнер, грузят на корабль, и потом их ищи-свищи. Это нам полиция объяснила. А когда преступников поймают, как нам знающие люди сказали, они от полицейских откупаются за три тысячи долларов. Круговая порука… Чтобы избежать криминала, я арендую гараж в доме напротив. Но и там не обходится без историй. Как-то приходим, а из машины вытащили JPS-навигатор. Так что, воруют в Монреале еще шустрее, чем в Москве.

Само собой, у меня есть страховка. Больших расходов не несу. Но все равно неприятно. Один раз вор залез прямо в квартиру – вскрыл дверь ножом. Жена при входе оставила кошелек. Он его схватил и убежал. В подъезде на выходе есть камера, но, по-моему, только для вида. Хотя этого парня все-таки поймали. Полицейские его вычислили и обнаружили кошелек в мусорном бачке у близлежащего метро. Денег, разумеется, уже не было.

Когда мы с командой приезжаем в другой город, то селимся в гостиницу. Я с некоторых пор живу один в номере. Лига ввела интересное правило: если игрок провел 600 и более матчей в НХЛ, то имеет право жить один в комнате. Вот Саку Койву не так давно провел свой 600-й матч – все, теперь он избавился от соседа. Еще пара человек в «Монреале» на подходе, ждут – не дождутся этого светлого дня.

На самом деле, я не против того, чтобы делить с кем-то комнату. Вдвоем веселее. Но с другой стороны, одному спокойнее. Делаешь то, что тебе хочется. Не надо ни под кого подстраиваться. Кажется, Крис Челиос как-то сказал: «У меня к соседу по комнате есть два требования: чтобы он не шумел и не смотрел хоккей по ящику». А я, в общем, так и не поступаю никогда. Смотреть хоккей в свободное время – это то, что буду делать в самую последнюю очередь. Мне его и так хватает.

Еду себе не готовлю. У меня достаточно женщин в доме – жена, няня детей… К плите не подпустят. Меню у меня простое. С утра ем овсяные хлопья, пью чай. Вечером после матча ходим в ресторан «Белая лошадь», расположенный напротив «Сентер Белл» – там готовят отличные стэйки. Еще люблю бывать в «Милос» – это греческая кухня. Мне нравится натуральная домашняя пища: например, котлеты с пюре или макароны с

курицей.

Диету соблюдаю только в том, что не налегаю на сладкое. Могу себе позволить мороженое, но избегаю кушать торты, мучные изделия. Слежу за собой. Чем старше становишься, тем тяжелее контролировать вес. В прошлом сезоне я весил 105 килограммов. Для меня это нормально, но в этом году хочу стать чуть легче. Сбросить пять кило. Когда ты – тяжелый форвард, на площадке у тебя нет резкости, и ты не можешь быстро бегать. Зато хорошо держишь шайбу в углу площадки. Закрыл ее корпусом, и тебя танком с места не сдвинешь.

На выезде у нас все проходит очень быстро. После матча побросали вещи в баулы, помылись – и сразу в автобус. Спешим на свой рейс. Команды НХЛ путешествуют исключительно чартерами. Но аэропорты работают не круглыми сутками, как в России, а где-то до полуночи. То есть, задержка опозданию подобна. Правда, такого с нами никогда не случалось – работники аэропорта ждут до победного конца. Но журналисты должны нас понять: после матча мы не даем большие интервью не потому, что мы такие капризные, а из-за вышеназванных обстоятельств.

Нередко я и Новый год встречаю в самолете. Уже забыл, когда праздновал в домашней обстановке. Разве только в России, когда играл за «Ак Барс» во время локаута. Да и сейчас вот у «Монреаля» будет выходной после того, как мы 30 декабря сыграем с «Тампой» на выезде. Ведь в Америке принято отмечать только Рождество. Новый год для Северной Америки – почти как повседневный день. Потому и получаются забавные ситуации. Летим мы как-то с «Рейнджере» с выезда. Конечно, салон самолета разукрашен, как рождественская елка – стюардессы постарались. Мы с Жорой (так называли Александра Карповцева) смотрим на часы: видим, уже полночь. Открываем шампанское, поднимаем бокалы, веселимся. Партнеры по команде смотрят на нас недоуменно, чего эти русские начали орать: «С новым годом!»? Но у нас же свои традиции, отступать от которых мы не будем даже в Америке.

Родители

Пятнашки для «Луна-парка». – Продуктовый спецпаек. – Ветеран тольяттинского автогиганта. – Чаепитие с отцом.

Моя мама Полина Михайловна из Горького (сейчас Нижний Новгород), папа Вячеслав Петрович из Саратова. Потом они переехали в Тольятти, где 28 июня 1970 года родилась моя сестра Ира. А 24 февраля 1973 года появился на свет я. Мы жили в малосемейке – в комнате коммуналки. Потом другие жильцы выехали, и нам досталась вся квартира.

В первом кинофильме обо мне, который назывался «Рождественский сон, или портрет на фоне хоккея» (выпущен после победы «Рейнджере» в Кубке Стэнли), у родителей берут интервью в деревенской избе с большой пасекой. Это саратовский дом брата моего отца – дяди Лени. Я там часто в детстве гостил: лакомился медом, пил парное молоко. Привычка до сих пор осталась. Каждый год или мне присылают, или я сам забираю в Америку наш фирменный душистый мед… Раньше родители ко мне в Нью-Йорк часто приезжали, теперь – раз в три года. Отец чаще не хочет. Считает, что дорога дальняя, да и я сам регулярно летом с ними встречаюсь. А по ходу сезона звоню в Тольятти каждую неделю.

В детстве мы часто ездили отдыхать – в Сочи, Гагры, Пицунду. А зимой катались на лыжах. Я просил отца, чтобы мы пошли на горки, где большие трамплины. Не любил скатываться с пригорков. Мне нужно было с обрыва ухнуть так, чтобы дух захватило. Папа все трассы знал. Заходили в лес так глубоко, что

темно становилось – деревья заслоняли солнце. Но я видел, что отец рядом, поэтому не боялся.

Мама работала продавщицей в продуктовом магазине. Я к ней часто приходил – ведь рядом находился «Луна-парк» с игровыми автоматами. Допотопными – не то, что современные компьютеры. Но по тем временам они казались чудом техники, и из таких пацанов, как я, выстраивалась целая очередь. Я клянчил у мамы: «Дай пятнадцать копеек!». Она начинала ругаться: ну что ты как лоботряс, каждый день в этот парк ходишь, деньги переводишь. А я ей отвечал: «Не волнуйся, мама! Вот я стану большим, заработаю много денег и тебе все верну». Она те слова до сих пор вспоминает и смеется: «Ты мне уже отдал намного больше, чем та гора пятнашек».

Мама часто на родительские собрания ходила, потому что работала рядом со школой. Там на меня все время ругались. Я до пятого класса учился нормально. Но потом начались хоккейные турниры, приходилось отпрашиваться. Пропускал много уроков, классная руководительница была недовольна. В конце четверти, когда выставлялись итоговые оценки, маму вызывали в школу, и начинался обычный разговор: вот, ваш сын не учится, неизвестно, кем он вырастет. Мама все молча выслушает. А потом дома мне устраивает нагоняй за то, что я снова не сделал домашнее задание. Точнее, я говорил, что сделал. Но мама начинает меня проверять, и я срезаюсь. Но ругали не из злобы, а ради воспитания. Родители же видели, что я все силы отдаю спорту, и это моя главная цель в жизни.

Я маму старался радовать. Перед ее приходом с работы вымою посуду, испеку кексы, вафли приготовлю. Хотел показать себя, как хороший кулинар. Я готовить не очень люблю. Но чтобы сюрприз сделать, всегда рад стараться… В советское время с продуктами был дефицит. Что-то вкусное можно было достать, или отстояв многочасовую очередь, или получив продуктовый паек. Его давали героям труда по большим праздникам. Но мама нас баловала, принося из магазина свежую рыбу, мясо, сладости. Наверное, поэтому я рос крепким мальчиком, и на хоккей было энергии хоть отбавляй.

Сестра Ира занималась фигурным катанием, дзюдо. Хотела и в борьбу пойти – у нее хорошие задатки были, но врачи запретили. С глазами какая-то проблема, сестра могла потерять зрение. Но вообще у нас спортивная семья. Вот племянник Антон серьезно занимается хоккеем. Наверное, мой пример повлиял на его выбор. Ему с малых лет твердили: «Тебе тоже надо стать хоккеистом, как дядя Леша». Поначалу Антон, как и многие дети, относился к спорту с ленцой. Но сейчас вошел во вкус, и я

надеюсь, из него выйдет профессионал. Главное ведь – не только задатки, но и большое желание. А характер у него есть. Очень не любит проигрывать.

Отец работал на тольяттинском автогиганте – сначала строил завод, потом трудился в покрасочном цехе.

Вредное занятие. В конце концов, от токсичности у папы начались проблемы со здоровьем, и папа решил уйти с завода. Он мне подшивал форму, латал перчатки. В хоккейной школе «Лада» на это обратили внимание и сказали, что при команде нужен такой мастер. Когда мне было 13 лет, папа перешел работать в клуб.

Через год я уехал в Москву. На отца начали давить: давай, мол, возвращай сына из «Динамо», или мы тебя с работы уволим. Но удалось убедить начальство, что меня силком из столицы не вернешь. Если я решил продолжать там карьеру, то это мое решение. Отец работал в клубе долго, до назначения на пост тренера команды Петра Воробьева. Тот решил полностью обновить состав, сменить даже сервисеров, подстроить все под себя. Папу уволили с должности и отвели ему каморку на галерке стадиона, где он точит коньки, клепает, шьет.

В сборной есть традиция – если хоккеиста приглашают на крупный турнир, он может взять с собой одного родственника. Папу пригласили на Олимпиаду в Турин. Но он отказался. Сказал, что уж лучше за меня поболеет в Тольятти по телевизору. Отец – требовательный болельщик. Еще когда я занимался в детской школе, он часто кричал на меня с трибуны: «Что ты еле ноги волочишь?». Все время был чем-то недоволен. Да и когда ко мне в Америку приезжал, как бы я не выступил в матче НХЛ, опять начинал критиковать. Но это правильно, я считаю. Зачем себя нахваливать? Чтобы лучше играть, скорее нужен кнут, чем пряник. Так легче работать над ошибками.

Для примера того, как за меня болеет папа, познакомлю вас с двумя статьями из «Советского спорта». Корреспондент в Тольятти общался с отцом во время Олимпиады-2006. Сначала они вместе смотрели матч против будущих олимпийских чемпионов – шведов (5:0). А потом созванивались после печально известного полуфинала с финнами (0:4), который пришелся аккурат на мой день рождения. Эмоции, как вы понимаете, совершенно разные. Но характер папы и ту олимпийскую атмосферу, которой в феврале жила вся Россия, почувствовать можно.

Матч со шведами

– Люблю смотреть хоккей с чайком, – говорит Вячеслав Ковалев. – Вот, угощайтесь деревенским медком. Цветочный. Уж очень его Алексей уважает…

– Сын не звонил после матча со словаками (3:5)?

– Разговаривали за неделю до Олимпиады. Леша был недоволен тем, что нет определенности ни с отъездом, ни с приглашением. Обычный разговор, жаловался – бардак, мол. А вот во время Олимпиад или крупных турниров у нас с ним железный закон: друг друга не беспокоим! Только после окончания. Отвлекаться Алексей не любит. Знает, что мы тоже переживаем. Да что мы – весь Тольятти на ушах стоит.

– То, что выбрали Алексея капитаном, – закономерно?

– Думаю, да. Ведь он – из нападающих единственный в команде, кто 14 лет назад добывал олимпийское золото. И авторитет у него непререкаемый. Леша и со словаками смотрелся одним из лучших. И голом отличился, и помогал горе-защитникам в обороне. Мне за него не стыдно.

– Давайте, братцы, – говорит Вячеслав Петрович, прибавляя звук телевизора. – Не посрамите Россию.

В дебюте Алексей Ковалев получает отличную возможность поразить ворота.

– Зачем он пошел в обводку? – укоризненно качает головой Ковалев-старший. – Бросать надо чаще. Прямо болезнь какая-то. Без бросков нет голов.

… Удаление Афиногенова. Затем еще одно.

– Глупые нарушения, – горячится хозяин. – Зачем зажимать клюшку соперника и отмахиваться? Неужели после матча со словаками слова Крикунова до них не дошли? Игровая дисциплина явно хромает. Дай чего горячиться? Доказывай мастерство голами, а не кулаками – это же аксиома.

Смотрим дальше. Шведы Сундин и Йенссон упускают верные возможности добиться успеха. Выручает Набоков.

– Молодец, вратарь, – комментирует Вячеслав Петрович. – Если бы не он – быть беде. Вот опять грубо ошибаются наши защитники. И кто – Каспарайтис! Уж ему-то непростительно.

– В целом выглядим получше, чем со словаками. И счет по игре. Давай-ка еще чашечку налью… Думаю, после перерыва мы должны прибавить.

Предчувствие Ковалева-старшего не подвело.

– Смотри, как агрессивно наши начали, – говорит он. – Совсем другой хоккей. Команда словно переродилась. Чувствую, в раздевалке был крутой разговор.

И точно – после броска нашего капитана шайба влетает в ворота шведов! Нас словно ветром сдувает со стульев. На лице

отца – гамма чувств и эмоций.

– Ай да Леха, ай да молодец, – сияет от счастья Петрович. – Лешка мне сегодня очень нравится. Играет расчетливо и умно. Никакой суеты. Настоящий капитан!

И тут же телефон в квартире Ковалевых начинает разрываться от звонков. Тольятти словно сошел с ума.

– Ты уж извини, – прикрывает радостный Петрович трубку рукой. – Друзья и знакомые одолевают…

Тут уж не до чая. После третьего гола телефон наконец-то умолкает. Успокоились?!

– Не должны наши отдать победу, – убежденно говорит Ковалев-старший. – Нам отступать некуда. Да и поймали мы свою игру. Все голы – красавцы. А вот шведы повторяют нашу ошибку: стали играть недисциплинированно. Набоков – просто молодец. Играет в воротах очень уверенно.

Нервы у обоих – как сжатая пружина. Ковалев сжал пальцы в кулак. Не присел ни на минуту. И тут четвертый гол забивает Виктор Козлов. Еще один тольяттинец отличился!

– Все, выиграли, – убежденно выдыхает Петрович.

– Шведам не наверстать. Поздравляю с победой. А Витя-то каков! Супергол! Завтра, почитай, весь Тольятти будет праздновать.

На посошок – пятый гол Афиногенова.

– Теперь можно поверить в олимпийское золото?

– При такой игре не только шведская стена рухнет, – прощаясь, жмет мне руку довольный Вячеслав Петрович. – Умеют наши ребята играть, умеют. Верю я и в Алешку, и в сборную. Теперь нам сам черт не страшен. Загадывать не хочу, но дома для «золотого» олимпийского свитера уже место подготовил. В следующий раз покажу. Заходи на чаек, поговорим.

Матч с Финнами

– Жаль, что достойного подарка на день рождения сыну не получилось, – отвечает, судя по дрогнувшему голосу, вконец расстроенный Вячеслав Ковалев. – Это был последний шанс для Алексея стать двукратным олимпийским чемпионом. Знаю, как он долго мечтал об этом. Очень хотелось завершить карьеру на высокой ноте.

– Сын собрался уходить?

– Ему 33 стукнуло. Возраст Христа. Самый расцвет для хоккеиста-профессионала. Через четыре года в Ванкувере Алешке будет 37. Думаю, он не уйдет со льда до Олимпиады. Но не факт,

что на ней выступят энхаэловцы. Не исключено, что этого не захотят заокеанские боссы. Да и пробиться в сборную в таком возрасте будет непросто.

– Эти сомнения навеяны полуфинальным матчем?

– Не только. Третью Олимпиаду подряд мы уступаем сильнейшим составом. В Нагано, правда, Алексей не выступал из-за травмы. Но тенденция проглядывается: в решающих схватках теряем командную игру.

– Давайте вернемся к полуфиналу. Какой гол, на ваш взгляд, стал переломным?

– Однозначно – первый. Быстрая шайба, заброшенная финнами в большинстве, сразу четко расставила акценты в матче. Излишне жесткое судейство заокеанского арбитра привело к двум нашим удалениям. Алексей пытался объясниться с судьей, и в заключительном периоде тот перестроился. Но игра-то была уже сделана!

Впрочем, будем объективными: никто из лидеров российской сборной не проявил себя в должной мере. Никто! Даже мой сын. Все сыграли одинаково плохо. Невысокие скорости были на руку соперникам. Финны успевали вернуться в оборону. Наши не смогли в решающий момент навязать жесткую силовую борьбу, хотя надо было как-то кардинально менять рисунок игры. К тому же неуверенно выглядел в воротах Набоков. Его следовало заменить. Если бы не очевидная удача – шайба дважды попадала в перекладину, – уже в первом периоде счет стал бы кошмарным.

– Нынешний день рождения получился и для Алексея, и для вас грустным. А были более счастливые времена?

– Конечно! Я до сих пор часто вспоминаю 24 февраля 1992 года. В Шереметьеве мы встречали нашу сборную, прилетевшую из Альбервилля. Для Алексея это был олимпийский дебют. И какой! Завоевать золото в 18 лет! Это было какое-то сумасшествие: цветы, радость на лицах и брызги шампанского. Продолжили торжество в… обычной столовке общежития, где жил Алексей со своими динамовскими ребятами. Но все равно погуляли на славу!

– А когда последний раз он отпраздновал день рождения в родном Тольятти?

– Когда исполнилось 14 лет. Скромно отметили в семейном кругу. С ним и сестрой Ириной. Ничего особенного. В следующем году я уже ездил на день рождения к сыну в динамовский хоккейный интернат. Компания пацанов у него в комнате собралась тогда примечательная – Бульин, Каспарайтис, Николишин, другие известные сегодня хоккеисты. Я сам приготовил им праздничный ужин – цыпленка табака, картошечку

любимую пожарил. Каспер, по-моему, тогда объелся. Зря, говорит, дядя Слава, мы в столовую до этого зашли. Не ожидали, что вы такой здоровский кулинар.

Женя

Знакомство на корте. – Битва с бюрократами. – Хет-трик в честь любимой. – Свадьба в «Олимпийском».

Когда я жил в общаге на «Водном», по выходным мы с другом Вовкой Грачевым увлекались большим теннисом. И вот как-то, мне 16 лет тогда было, идем с Грачевым на корт. Там ему надо встретиться с подругой. Но они поссорились. И тогда подруга взяла свою подругу, чтобы она их помирила. Подругой подруги и была моя будущая жена Женя. Вот какая сложная история. Но я тогда не думал, кто там с кем поругался, эти шекспировские страсти были от меня далеки.

Оказалось, девочки всерьез занимаются теннисом. Потом мы пошли кататься на лодочках, которые можно взять напрокат на канале имени Москвы. Вместе провели целый день. У меня не было никакого романтического настроения. Так, ходил с ребятами за компанию.

Вторая встреча состоялась только через полгода, в январе. Женька пригласила меня, Грачева и Николишина к себе на день рождения. Ей исполнилось 15 лет.

И мы поехали к ней в гости в Свиблово. Подарили цветы, посидели за праздничным столом…

На самом деле, за Женей ухаживал мой друг Леха Подолинский. Но они постоянно ругались, отношения не клеились. И мне приходилось провожать Женю до дома всякий раз, когда между ней и Лехой снова черная кошка пробегала. Раз

проводил, другой… Потом мы со сборной готовились на базе к зарубежной поездке, и я позвонил Жене домой. Раз позвонил, другой… И начали встречаться.

К тому времени Юрзинов уже забрал меня в основной состав «Динамо». Я переехал на базу в Новогорск. Молодых особо гулять по вечерам не отпускали. Но я убегал на свидания. Встречались мы с Женей в модных для того времени ресторанах – в «Пицце-хат» и в «Макдоналдс» на Горьковской (сейчас – Тверская). Ходили в кино, в театры.

А через два года меня выбрали на драфте НХЛ. Пришел я домой к Женьке, говорю: «Вот такая история. Теперь, может быть, появится возможность уехать в Штаты». Они с мамой слушали меня с видом: «Ну, дай бог удачи человеку». Но с трудом представляли, что будет дальше, и как вообще все получится. Женя тогда еще не была готова к переезду в Нью-Йорк. И мысли у нее растерянные появлялись – как я, один уеду, или приглашу ее с собой? Но я-то всегда был уверен, что заберу Женю в Америку. А как иначе?

Осенью 1991 года я полетел в тренировочный лагерь «Рейнджере». Вернулся с подарками, рассказал о жизни в Нью-Йорке. Через год отправился в Штаты уже с намерением закрепиться в НХЛ. Договорился, что Женя прилетит ко мне через четыре месяца. Но возникла уйма проблем с получением визы. В американском посольстве крайне сложно получить право на въезд в страну, если девушка официально не замужем. Не буду рассказывать обо всех бюрократических проволочках – процедура получилась очень тяжелой. Пришлось даже обращаться в посольство в Вашингтоне. Но все-таки удалось пробить эту стену. И Женя приехала ко мне под Рождество. Через пару дней мы играем в Нью-Йорке с «Бостоном». И я делаю первый хет-трик в карьере! Тогда я буквально летал по площадке.

Хорошо, когда заграницей рядом с тобой есть родной человек. Жить мы стали в доме, который я снял перед началом сезона. Выучили английский. Женя его и раньше неплохо знала, потому что занималась с репетитором. Грамоту она освоила лучше меня. Но я скорее начал разговаривать – потому что много был с командой, хватал словечки и выражения налету. В такой ситуации сложно не выучить язык.

Без английского трудно жить в Нью-Йорке. Эту прописную истину я понял, когда только-только попал в «Рейнджере». Вечером решил сходить в китайский ресторан. Там мне дали толстенное меню, где названия блюд, разумеется, были написаны на английском. На столиках же стояли бесплатная кока-кола и чипсы. Так, в качестве закуски. Вотя сидел, листал эту книжку. И

грыз чипсы, запивая колой. Через полчаса понял, что наелся. И ушел из ресторана, так ничего не заказав. Китайцы были в легком шоке.

На следующий год, когда пришло время возвращаться в Нью-Йорк, мы снова столкнулись с той же проблемой. Жене не хотели давать визу. Я уже улетел в тренировочный лагерь «Рейнджере». Женя пошла в посольство, и ей однозначно дали понять, что визу она больше не получит. Тогда мы отправились в загс. Доплатили, как помню, 150 долларов, чтобы нам быстрее оформили документы. И с ними сразу побежали в посольство. Свадьба получилась только на бумаге – не было ни обручальных колец, ни пышного торжества. Все формально, на бегу. Я вернулся в Америку, и вскоре ко мне прилетела Женя.

Свадьбу мы отпраздновали в 1997 году. Я люблю делать сюрпризы. Мы летели с Женей в самолете, и прямо там я подарил ей кольца. Сам их выбирал. Сейчас вспоминаю и, мне кажется, кольцо ей не особо понравилось. Но честно скажу, я старался.

Свадебный банкет устроили в ресторане «Кино» в здании спорткомплекса «Олимпийский». Мероприятие нам помог провести Дмитрий Харатьян – известный актер, которого все помнят по фильму о «Гардемаринах». Я хотел, чтобы на свадьбе играла живая музыка. Но не знал, кого пригласить. И тогда Дима посоветовал, чтобы я позвал пародийную группу «Экс – ББ»: «Они вам всех музыкантов исполнят – от Майкла Джексона до Аллы Пугачевой».

У нас с Женей есть общая черта – мы не любим ни к чему долго готовиться. Чем больше уделяешь внимания мероприятию, тем хуже получается. Поэтому мы обожаем экспромты. Свадьба так и прошла. У нас имелось на подготовку всего 10 дней, за которые нужно было сделать все, включая выбор свадебного платья и приглашение гостей. Мы обвенчались в церкви невдалеке от Красной площади. Потом поехали в ресторан…

Я ценю, что Женя меня понимает. С одной стороны, мало какую жену обрадует, что ее муж с утра до вечера что-то зубрит, готовится к полетам, занимается на саксофоне или играет в гольф. Получается, что на отношения остается мало свободного времени. С другой стороны, Жене наверняка приятно, что у нее такой разносторонний муж. Я же стараюсь и ее вовлекать в то, чем занимаюсь. Вместе играем в гольф, в большой теннис… Думаю, ей со мной интересно. Сообща планируем путешествия. Катаемся на машине – в середине 90-х, помню, мы прилетели на Гавайи, взяли в аренду автомобиль и объехали весь остров вдоль и поперек.

Кстати, это я научил Женю водить машину. Еще в Москве

купил «Жигули» пятой модели. И однажды вечером посадил ее за руль. Поначалу у Жени возникали проблемы – как и любой новичок, она с трудом переключала скорости и путала педали. Один раз подкатились к переходу. Нужно жать на тормоз, а она надавила на газ. Бросила руль и кричит через стекло: «Уйдите, уйдите с дороги!». Там мужик какой-то пьяный шел. Он завалился на капот и слез с него уже трезвым. Но ничего страшного не случилось: машина ехала со скоростью пять километров в час.

Мы любим делать друг другу сюрпризы, устраивать розыгрыши. Как-то раз, когда я уже играл за «Питтсбург», Женя в Нью-Йорке решила пойти с нашими общими друзьями в ресторан. Я звоню одному из них из Питтсбурга сразу после матча: «Потяни время!». Сам прыгаю в самолет и лечу в Нью-Йорк. Товарищ все это время говорил, что вот-вот сделаем заказ, надо только дождаться еще одного друга. Женя уже начала нервничать: «Больше часа сидим, сколько можно его ждать?». И вдруг в ресторан захожу я…

Крепкие отношения не могут возникнуть за пару дней. Мне кажется, даже двух-трех лет недостаточно для того, чтобы очень хорошо узнать человека. Понять, что он из себя представляет. Мы с Женей потихоньку изучали друг друга, продвигались по шажочку. Случались и ссоры. Мне, например, раньше не нравилось, когда Женя опаздывала или куда-то долго собиралась на выход. А ты сидишь в машине и ждешь ее, а тебе уже на хоккей пора спешить. Пару раз случалось, что я просто уезжал без нее… Все через такие конфликты проходят. Недаром же есть примета о том, что если в семье нет ссор, это первый признак равнодушия.

Семья – это каждодневная работа. Пусть ты даже миллиардер, живешь в золотом замке и у тебя есть все, о чем пожелаешь – нельзя пускать отношения на самотек. Ты должен постоянно думать о них, анализировать происходящее. Нельзя успокаиваться: вот, у нас все хорошо, есть дети, деньги, дом, увлечения. Этим жизнь не ограничивается. Не забывай о семье – вот совет, который я дам любому мужчине. Потому что только так ваши отношения будут становиться лучше. Семья – это главное, что есть у нас в жизни.

Дети

Никита. – Иван. – Разные характеры. – Тройка Ковалевых.

Мой старший сын Никита родился 20 мая 2002 года. Сезон у меня уже закончился. Мы жили в доме под Нью-Йорком и в спокойной обстановке ждали, когда Женя родит. В одиннадцать часов вечера начались схватки. В начале первого мы приехали в больницу. А в два тридцать Никита появился на свет. Достаточно быстро. Я присутствовал при родах. Всю ночь провел в больнице. Утром же, как помню, поехал на благотворительный турнир по гольфу. Очень счастливый. Такая радость была, что хотелось поделиться ею со всеми окружающими.

Имя «Никита» придумал я сам. Женя хотела, чтобы сына звали как-то по-русски. Я же искал европейский незаезженный вариант. Женя предложила назвать сына Николаем. Я настаивал на Никласе. Уже после родов, когда мы были в палате и снова вернулись к этой теме, у меня само собой вырвалось имя Никита – что-то среднее между нашими вариантами. И Женя поддержала идею.

Каких-то забавных историй, связанных с первыми годами жизни Никиты, я не вспомню. Но дети всегда смешные, с ними интересно. Вот, например, знаете, какое первое слово произнес мой старший сын? Не папа-мама, а… лампа. До сих пор не догадываюсь, почему.

В 2005 годуя начал ставить Никиту на коньки. Держится на льду он хорошо, даже ходит. Но кататься пока не умеет… Если внешне сын похож на меня, то по характеру – весь в маму. Его

надолго не хватает. Если не нравится какое-то дело, старается быстро его закончить. Не идет игра – бросает и останавливается. Но самолюбие есть. Когда видит, что у сверстников что-то получается, хочет за ними повторить.

Была идея отдать его в детскую хоккейную команду. Когда ребенок маленький, у него глаза разбегаются. Не хватает целеустремленности, усердия. Может быть, эти черты разовьются со временем.

Когда сборная России в «Лужниках» впервые выиграла Евротур, я вывел Никиту на лед. Позировал с ним на руках фотографам. Сын болел за меня с трибуны. Конечно, он знает, что его папа – хоккеист. Переживает за меня, поддерживает. Но в три года еще нет полного осознания игры. Надеюсь, когда Никита подрастет, он войдет во вкус.

Наши дети приветливые и дружелюбные. У них много друзей, они всегда рады гостям. Никита с ними быстро находит общий язык. Эта черта характера от родителей. У нас с Женей такой принцип: чем больше гостей, тем лучше.

В России Никита впервые побывал во время локаута. Для него многое было в новинку. Но ему понравилось жить в Москве. Он гулял с мамой в парке, нашел друзей. По-английски сын почти не говорит, поэтому ему в России было легче общаться с другими детьми. Да и смена обстановки помогла расширить кругозор.

Появление Ивана мы ждали в середине апреля 2004 года. Я тогда только перешел в «Монреаль». Если бы команда не вышла в плей-офф, улетел бы к жене в Нью-Йорк. Но «Канадцы» попали в кубковую восьмерку и в первом раунде мы должны были встречаться с «Бостоном». Серия складывалась для нас тяжело… И вот 15 апреля, пятая игра в Бостоне. Я сплю в гостинице. И тут раздается звонок. Продираю глаза, смотрю на часы – полседьмого утра. Звонит Женя, которая радует новостью, что у нас родился Иван. Я спросонья не соображаю, что нужно делать. Хотел уже собрать вещи и лететь в Нью-Йорк. Но жена меня остановила: «Не переживай. У нас все нормально. Ау тебя важный матч – оставайся».

Ивана я увидел, только когда мы обыграли «Бостон» и вышли в четвертьфинал. Известие о рождении сына меня вдохновило – в трех последних встречах с «Медведями» я набрал 4 (2+2) очка… Имя «Иван» выбрала Женя, а я сразу согласился. В отличие от Никиты, он внешне похож на Женю, а по характеру – на меня. Более спокойный, несуетной. Если Никита отнимает у него игрушку – отдаст и найдет себе новую, а не будет драться. Я стараюсь баловать их сувенирами. Вот, когда мы прилетели с чемпионата мира в Вене, один фотограф снял меня в аэропорту,

как я иду по «Шереметьево-2» с полным пакетом плюшевых птиц – талисманов турнира. Дети всегда радуются таким подаркам. Но больше им нравятся машины – они на них катаются и ломают-разбирают. Поэтому у нас в доме почти все автомобили без колес.

Я очень хочу, чтобы мои сыновья тоже занимались хоккеем. Думаю, любой отец будет радоваться, если дети идут по его стопам. Он может дать советы, помочь в карьере, чтобы ребята не сталкивались с такими же проблемами, как их папа. Но конечно, они не будут жить в общаге на «Водном», стирать одежду на себе под душем или играть в форме, которую им сшил дедушка. Жизнь сейчас стала совсем другой.

Я буду ставить сыновей на коньки, заниматься с ними хоккеем. Женя летом станет играть с детьми в большой теннис. Но мы не собираемся на них давить. Никита с Иваном сами выберут путь в жизни. Нам главное – привить им вкус к спорту. А дальше пусть смотрят, что им нравится больше – хоккей, теннис или даже гольф. Но важно, чтобы они всегда имели какое-то занятие. Как мне в детстве было интересно попробовать себя во всех видах спорта, скучно было сидеть на одном месте.

Если Никита и Иван заинтересуются хоккеем, я сам буду их учить. Поначалу отдам в спортивную школу в Монреале, чтобы им показали навыки катания. А когда они втянутся, появится интерес, начну дополнительно проводить индивидуальные занятия. Если все сложится хорошо, осуществится моя большая мечта – сыграть в тройке Ковалевых. Пусть даже на полупрофессиональном уровне. Только надо будет задержаться в большом хоккее лет до пятидесяти, как Горди Хоу.

Гольф

Трюк а ля Кошур. – Терпение, друзья мои. – Четвертый в России. – Сыграть бы с Вудсом.

С гольфом я познакомился в 1991 году. В СССР такого вида спорта практически не существовало – клубы только начали открываться. А вот в Северной Америке очень любят гольф. Это не спорт номер один, но один из самых популярных – точно.

Когда я полетел на сборы в Нью-Йорк, то попал на благотворительный гольф-турнир «Рейнджере». Во всех командах НХЛ есть традиция регулярно проводить такие предсезонные слеты. На поляне собираются не только хоккеисты, но и работники команды, спонсоры. Я поехал с ребятами за компанию. Стоял, засунув руки в карманы. Смотрел, как хоккеисты бьют клюшками по маленькому мячику. И попадают, что самое интересное.

И тут главный шутник «Рейнджере» Джо Кошур меня зовет: «Ковалев, иди к нам, попробуй сыграть». Я взмахнул пару раз клюшкой, но особого восторга не испытал. И тогда Кошур говорит: «Смотри, Кови, показываю фокус». Встает на колени и из такого положения бьет по мячику! Эффектно. И вот тут меня зацепило. Я прошу перевести Контуру, что в следующем году приеду в «Рейнджере» и изображу такой же трюк.

Весь год я держал в уме эту идею. Прилетел в Нью-Йорк следующим летом, специально купил клюшки, начал тренироваться в гольф. Во время сентябрьского тренировочного лагеря мы снова поехали на благотворительный турнир. Я

подозвал Кошура: «Джо, иди сюда, теперь я покажу тебе кое-что». Встаю на колени и бью по мячику. Джо начал смеяться: «Помнишь еще мой трюк?» – «Я тебе обещал его повторить? Видишь, слово сдержал».

Постепенно я втянулся в игру. Сделать это было несложно – многие хоккеисты увлекаются гольфом. В свободное время договариваются и уходят на поляну. Почему энхаэловцы так любят гольф? Не только из-за того, что игра тоже ведется клюшкой. Просто одни играют на интерес: делают денежные ставки и рубятся команда на команду, другие просто расслабляются, отдыхают. Посудите сами, на площадке и так набегаешься. Во что после хоккея играть? Не в футбол же или в баскетбол. Бильярд? Неохота сидеть в душном помещении. Атут гуляешь на свежем воздухе, погода хорошая, солнце светит. Народ возьмет пива и куражится в свое удовольствие.

Самый лучший гольфист-хоккеист? Не буду составлять хит-парад по НХЛ – я же не со всеми ребятами состязался. Вот играл с Марио Лемье. Могу сказать, что у него профессиональный уровень. Бретт Халл тоже хороший гольфист. Или Грант Фюр. Очевидная закономерность: лучше играют те, кто завершили хоккейную карьеру. Потому что у них больше времени на тренировки.

Чтобы из хоккеиста превратиться в хорошего гольфиста, нужно запастись терпением. Это в хоккее все в динамике, в движении. А в гольфе идет монотонная игра, в которой ни в коем случае нельзя терять концентрацию. Расслабишься на секунду, смажешь удар – и безнадежно отстанешь от лидера. Это типичная проблема начинающих гольфистов. Они сосредотачиваются, проходят пять-шесть лунок. А потом накапливается усталость, идут ошибки и удары смазываются. И ты безнадежно откатываешься все дальше от первого места, и уже теряется интерес.

Гольф помогает мне в хоккее – как раз из-за тренинга этих двух качеств: терпения и концентрации. Выждать ошибку соперника. Поймать его на контратаке. Забить гол, выдержав паузу. Быть все игровое время нацеленным на ворота. Вообще, любой вид спорта положительно отражается на хоккее. В середине 90-х я серьезно занимался тхэквондо (закончил после того, как перенес вторую операцию на колене). В итоге у меня стала лучше координация движения, растяжка, быстрее начали восстанавливаться мышцы после больших нагрузок. Да и дисциплина, самоорганизация стали выше. Очень много пользы получает спортсмен, когда не зацикливается только на своей прямой работе.

Самый шик в гольфе – конечно, положить мяч в лунку с одного удара. Самый колоритный случай у меня был, когда я участвовал в одном благотворительном турнире и со 140 метров нанес идеально точный удар. Захочешь специально так сделать – ни в жизни не получится. Пусть даже тебя зовут Тайгер Вудс.

В России я начал играть в гольф в клубе Тумбы Юханссона на Воробьевых горах. Там работал тренером мой друг Игорь Ивашин, с которым я играл в хоккейном «Динамо» и ходил в школу. А потом построили большое поле для гольфа в Нахабино, в «Кантри-клаб». Игорь перешел туда на работу, и я отправился за ним. Мне нравится в Нахабино. Как только прилетаю летом в Москву, сразу еду туда играть в гольф.

Регулярно принимаю участие в чемпионате России по гольфу среди любителей. Сначала занял 15-е место. Был недоволен результатом. Серьезно готовился к следующему турниру. И в 2003 году стал уже четвертым. Через три года принял участие в профессиональном турнире «Russian Open».

Какое мое самое большое достижение в гольфе? Однажды я пробился в основную сетку крупного турнира, проходившего в Нью-Йорке. Съехались профессионалы со всей страны. Я тоже подал заявку и удачно прошел квалификацию, хотя сделать это было крайне сложно. По всей Америке выбирается пять полей, на которых ты можешь проходить отбор. Я выступал рядом со своим домом. Основной турнир проходил тоже недалеко – в Нью-Джерси. Он длился четыре дня и устраивался, как плей-офф в хоккее. Народ разбивался на пары. Проиграл – вылетаешь. Выиграл – продвигаешься по сетке.

Я уступил в первом же раунде. Хотел выступить как можно лучше. А получилось наоборот – не хватило концентрации. Но я приобрел бесценный опыт. Попасть в число шестидесяти лучших в стране – уже большой успех.

Когда закончу выступать в НХЛ, есть идея заняться гольфом профессионально. Сделать карьеру во втором виде спорта. Думаете, нереально перестроиться на пятом десятке лет? Но этому виду спорта все возрасты покорны. Физическая нагрузка тут не такая большая, как в хоккее. Тем более я летом все же равно играю в гольф, получаю практику. И если у меня будет больше свободного времени, то и прогресс пойдет. Одно дело – проводить пару турниров за год. Совсем другое – пару десятков. Так что я надеюсь, еще сыграю с Тайгером Вудсом. В каждом деле нужно быть максималистом.

Самолеты

Только не мотоцикл! – Как получить летные права. – Заморочки в России. – Дневник авиатора.

«Но зато мой друг лучше всех играет блюз», – поет «Машина времени». Мой же друг, как мне казалось, лучше всех летает на маленьких самолетах. Дело было в Нью-Йорке, середина 90-х. Звонок домой. «Привет, Алекс! Ты никогда не катался на частных самолетах? Давай полетаем над Манхэттеном». И мы полетели. Так низко, что я мог отчетливо рассмотреть факел в руке Статуе свободы и марки автомобилей, мчавшихся по улицам. Самое интересное, что я сам держал штурвал! Друг доверил управление. Чувства передать не могу. Это больше, чем дикий азарт и неописуемый восторг. Зацепило. Я возвращаюсь домой и заявляю с порога жене: «Теперь я буду летать на самолетах».

Женя, конечно, была очень «рада», что я увлекся таким, как казалось, опасным занятием. Начала меня отговаривать: «Да ладно, остынь». И я успокоился. Для вида. А сам держал в уме эту идею и даже построил план: вот подтяну английский и пойду на курсы пилотов. Здорово же будет! Не нужно в аэропорт ехать, в пробках торчать. Сел в свой самолет – раз, и ты в другой точке страны.

Года два спустя я загорелся идеей о мотоцикле. Своем собственном «Харлее». Подхожу к жене, сообщаю ей. Женя восклицает: «Какой еще мотоцикл? Иди лучше летай». Я тут же сел в машину, помчался в магазин и купил книги по летному

делу. На следующий день уже начал заниматься с инструктором…

Управлять самолетом, разумеется, на порядок сложнее, чем водить автомобиль. Достаточно сравнить приборные доски. Но если ты освоишь все уроки, наберешься опыта, то самолет станешь пилотировать на автомате, а не как «чайник».

Летные права можно получить за три месяца. Но я не стал спешить. Хотел основательно освоить дело. Учился целый год. Потом сдал экзамен на теорию. Толстенная книга, между прочим, с 860 вопросами. Проштудировать их было непросто. Но я успешно сдал письменный экзамен, ответив правильно на вопросы теста. Всего их было 60, для зачета предстояло удачно выполнить 75 %. А я набрал 97 %. Практика же мне далась сравнительно легко – за год нахватался опыта.

С самолетами в Америке нет никаких проблем. Ты даже можешь не иметь собственной машины – бери в аренду, летай в свое удовольствие. Я успел испытать 13 моделей самолетов и три вертолета. Не могу выделить какую-то одну. Они все хороши, различаются только по техническим характеристикам. Когда делаю выбор, смотрю на то, чтобы самолет был быстрым и маневренным. Анекдот, в котором мама говорит своему сыну: «Сынок, летай тихонечко и низко», – совсем не про меня.

Вертолеты я тоже научился водить. Чтобы управлять ими, нужна хорошая координация движения. Ты одновременно давишь на педали, двигаешь джойстик и крутишь ручкой сбоку, которая поднимает и опускает машину.

Летные права со временем подтверждать не надо. Получил их, и пользуйся на здоровье. Но в США есть целая «табель о рангах» для летчиков. Первая ступень – ты имеешь право подниматься в воздух только в хорошую погоду. Доучиваешься, сдаешь экзамен, повышаешь свой рейтинг – и вот ты уже можешь летать в дождь и туман. В чем отличие? Видимости нет. Приходится управлять по приборам. К тому же надо быть настоящим метеорологом. Знать все о том, как движутся облака, каких типов они бывают. Разбираться в приметах и предугадывать погоду.

Сейчас я, согласно своему рейтингу, могу летать в хорошую и плохую погоду, а также водить самолет с двумя пропеллерами. В дальнейшем планирую перейти на следующую ступень – стать коммерческим пилотом. То есть получу право перевозить пассажиров и работать в авиакомпании. Нет, я не собираюсь заниматься перевозками и пробовать в себя в «Аэрофлоте», как герой Вахтанга Кикабидзе из фильма «Мимино». Буду катать только своих родных и друзей. Но знаю истории, когда хоккеисты

после завершения карьеры посвящают себя этому делу. Самый яркий пример – знаменитый хоккеист «Монреаля» Ги Лефлер, который теперь работает в авиакомпании. Покупатель из другого штата заказывает технику, и Лефлер ему туда переправляет машину.

Когда я достиг нынешнего рейтинга, то начал подыскивать себе личный самолет с двумя пропеллерами. Почитал объявления в журналах и купил подержанную, но в хорошем состоянии машину – «Сессна-414» за 250 тысяч долларов. Держу ее в ангаре на нью-йоркском аэродроме, благо живу от него в пяти минутах.

Кто со мной летал из хоккеистов? Я долго приглашал к себе в кабину Дарюса Каспарайтиса. Наконец, он согласился. И когда полетал со мной, то тоже загорелся и воскликнул: «Продам лодку, куплю самолет!». Дело в том, что Каспарайтис очень увлекается рыбалкой, с тех пор как жил на Лонг-Айленде и играл за «Айлендерс», и у него в Нью-Йорке даже есть своя лодка… Когда я выступал за «Пингвинов», часто летал с Робертом Лангом. Если наступали холода в Питтсбурге, мы отправлялись южнее – в Каролину. Задерживались там на пару дней. Играли в гольф. Ланг со мной за компанию летал. Сам он водить самолеты не собирается.

В воздухе за штурвалом своего самолета в среднем я провожу около 80 часов в год. Мой самый длительный перелет – из Нью-Йорка в Колорадо. Он занял восемь часов, с одной заправкой… Когда ты в небе, чувствуешь себя большекрылой птицей. Нереальное ощущение полета и свободы! Не нужно толкаться в очереди, проходить таможенный контроль, ждать посадки. Мне говорят, что летать на частных самолетах опаснее, чем на рейсовых. После того, как я получил права, уже не соглашусь с этим утверждением. Мне комфортнее самому сидеть за штурвалом. Потому что в этом случае все зависит от меня, а не от какого-то пилота, которого я за время полета даже не увижу.

К сожалению, я не могу также свободно летать в России. У нас на родине совершенно другие правила. Мои права недействительны. Чтобы пилотировать самолет, я должен пройти обучение в местной навигационной школе. И даже в этом случае приезжаешь в аэропорт и ждешь, когда тебе дадут вылет. Это может затянуться на весь день. Постоянные заморочки…

Тем не менее, в 2005 году я совершил перелет по России. Сначала собирался устроить путешествие вокруг света. Но чтобы организовать такую акцию, нужна долгая подготовка. Это у меня в планах. А пока жена посоветовала перелететь через нашу страну и провести хоккейные мастер-классы для детей. Я так и поступил. Мне помогли в организации, старт взяли в августе.

Путешествие получилось колоритным. Когда сталкиваешься с российской действительностью, постоянно возникают приколы. Вот, например, у нашего самолета спустило колесо. Что делать? Подогнали машину и накачали колесо обычным автомобильным электронасосом. Прилетели в Тольятти – кончилось топливо. В аэропорту нашел большие железные канистры. Нам говорят: «Вот здесь в десяти минутах езды – автомобильная заправка. Съездите, купите там бензин». Поехали…

Не помню такого случая, чтобы мы прибыли в аэропорт и сразу вылетели. Постоянно сидели возле самолета по 6–7 часов и ждали у моря погоды, когда нам дадут отмашку. Вот, к примеру, мне нужно было попасть в Санкт-Петербург. Приехали в девять утра и проторчали в аэропорту до трех дня, но таки не получили разрешение. Тогда я на все плюнул: «Хватит!». И мы отправились обычным рейсом.

Да что долго рассказывать. Лучше познакомлю вас со своим дневником «Авиатор Ковалев», который я вел на персональном сайте (www.kovalev27.ru), когда путешествовал по России. Это будет история в восьми частях.

Маршрут № 1. Тверь. «Мы вылетели на английском вертолете «Robinson-44» в 12.30. Ветер сильный, но в дождь не попали – ливень начался уже во второй половине дня. Полет до Твери из Москвы занял всего полчаса.

Встретили нас тепло, радушно. Было очень много детей. Мастер-класс длился 1 час 15 минут. Сначала я проверил, как уверенно ребята катаются. Потом – как владеют клюшкой.

Потом поехал к детдомовцам в оздоровительный лагерь «Радуга», который находится под Тверью. Там отдыхают ребята из Ярославля и Санкт– Петербурга.

Также я пообщался с главой администрации Твери Дмитрием Зелениным. Много узнал о городе, который в следующем сезоне примет большой хоккей – ведь ХК МВД вышел в суперлигу».

Маршрут № 2. Электросталь. «Вылетели в 9 утра. Из принципа решили не пользоваться навигацией JPS. Летели по карте визуально. Взяли высоту 50 метров над автотрассой и следовали дороге.

Прилетели в 10 утра. Дорога заняла где-то три четверти часа – примерно как до Твери. Сели чуть ли не в самой Электростали. Для нашего вертолета даже выстригли траву в поле. Встречала нас целая делегация – глава города Андрей Суханов, заместитель администрации Валерий Субботин, отец известного хоккеиста Алексея Кудашова…

Поздоровались с детьми, отправились проводить мастер-класс – во дворец, где играет электростальский «Кристалл».

Ребята 1991 года рождения, чуть взрослее, чем дети из Твери. Поэтому катались увереннее, лучше владели шайбой. Принцип тренировки был тем же – шлифовали навыки катания, бросков, изучали тактику выходов «2 в 1» и «1 в 1».

Затем состоялась пресс-конференция, дальше – обед в кафе во дворце спорта. Во второй половине дня взяли обратный курс. Завтра в 11 утра вылетаю в Воскресенск».

Маршрут № 3. Воскресенск. «Погода с утра подкачала. Небо серое, тучами затянутое, дождь идет. Но на полете это не отразилось. С пилотными навыками все в порядке, да и инструктор рядом со мной. Он на карту смотрел, я управлял. Летели на высоте 50 метров над шоссе, железной дорогой, потом снова шоссе. Путь до Воскресенска занял час.

Приземлились в аэропорту, нас усадили в автобус, отвезли в ледовый дворец. Мастер-класс прошел по обычной схеме. Заметно, что Воскресенск – хоккейный город. На трибунах много родителей, детей, которыес интересом наблюдали за нашими упражнениями.

Пообедали с руководителем хоккейной школы «Химика», поговорили о делах. Ближе к 7 вечера взяли обратный курс в Москву. Следующий полет состоится через десять дней. 21 августа я на чешском самолете отправлюсь в родной город Тольятти. Возвращаться в Москву уже не буду. Оттуда перелечу в Уфу, потом в Челябинск, Магнитогорск, Питер… В столицу вернусь только 1 сентября».

Маршрут № 4. Тольятти. «Вчера был не день, а тихий ужас! Приехали в 8 утра в аэропорт Астафьево, что в 10 км от Москвы по Варшавскому шоссе. Должны были вылетать в Самару. А нас до трех дня продержали в аэропорту – не давали «зеленый свет»! Эти военные что хотят, то и воротят. В итоге пришлось перенести полет на следующий день.

Вылетели в 8.30, маршрут занял четыре часа. Приземлились в самарском аэропорту. Поехали в ледовый дворец «Волгарь», где состоялась пресс-конференция – пришло много журналистов. Потом я отправился на лед, там меня ждали дети. Мастер-класс прошел по привычной схеме, которую я разработал вместе с тренером Владимиром Гуженковым. С ним был и Вячеслав Иванов – мой первый наставник в хоккее.

За занятием с трибуны наблюдало прилично народу. Потом я раздал автографы и задержался в «Волгаре» – руководство попросило покататься с ними 15–20 минут.

Вечером заехал кощу, маме, и сразу спать. Утром надо вставать рано – вылет назначен на 9 утра, а до аэропорта в Самаре на машине добираться не меньше часа».

Маршрут № 5. Уфа. «Перелет Тольятти – Уфа занял 1 час 40 минут. В столице Башкортостана тепло встретили, интересные вопросы задавали на пресс-конференции. Один особенно понравился: «С какой музыкой вы можете сравнить свой хоккей?». Я назвал любимого певца Элвиса Пресли. Легкий рок-н-ролл. В конце беседы один из жителей Уфы подарил мне меховую шапку, в какой раньше ходил легендарный воин Салават Юлаев.

Потом были мастер-классы во дворце спорта, где выступает одноименная команда – «Салават Юлаев».

На этот раз мы устроили два занятия для детей. В первый день на лед вышли ребята 1991 и 1994 года рождения, во второй – 1992 и 1993 г.р. Каждая команда занималась по 45 минут. В зависимости от возраста, я старался варьировать упражнения. Важно было посмотреть, как ребята катаются, понаблюдать за их техникой, сделать нужную корректировку.

Об этом же я говорил на встрече с министром спорта Башкортостана Владимиром Самородовым – о развитии хоккея в республике, о проведении подобных акций. Заинтересованность есть, а значит, будем работать в одном направлении».

Маршруты № 6 и № 7. Челябинск и Магнитогорск. «В Челябинск я приехал на машине – погодные условия не позволяли отправиться на самолете, вылет не давали. Чтобы не срывать график мастер-классов, ничего не оставалось, как только ехать на автомобиле по маршруту Уфа – Челябинск – Магнитогорск – Уфа, а потом возвращаться в Москву на самолете.

В Челябинске я посетил могилы ребят, с которыми играл в юниорской сборной, и которые погибли в катастрофе поезда в 1989 году. Прогулялся по городу, где в юности играл на турнирах.

Мастер-класс в Магнитке прошел здорово. Нам так понравилось, что мы с оператором решили выпустить DVD с тренировками для детей, которые прошли в этом городе.

Потом мы доехали на автомобиле до Уфы и взяли курс на Москву. Лететь семь часов. 30 августа я отправлюсь в Санкт-Петербург, где проведу два дня, позанимаюсь с детьми и пообщаюсь с товарищами по сборной, которые в перенесенном матче первого этапа Евротура встретятся со шведами».

Маршрут № 8. Санкт-Петербург. «В Петербург я добирался с приключениями. Планировалось, что прилечу на частном самолете. Однако в последний момент с этим возникли сложности. Такое впечатление, что воздух в России принадлежит военным: захотят – разрешат вылет, не захотят – не разрешат. После долгих часов нервотрепки пришлось добираться в Питер обычным рейсом.

Мастер-класс в «Юбилейном», несмотря ни на что, начался в назначенное время. Состоял он из трех частей: сначала дети отрабатывали катание, затем разучивали финты и, наконец, тренировали броски по воротам. Я объяснял необходимость выполнения того или иного упражнения случаями из своей практики. Например, рассказывал, что о важности правильной посадки во время катания задумался, только приехав в Северную Америку, когда увидел, сколько внимания уделяют этому вопросу местные тренеры.

Вечером остался на матч, который сборная России проводила со шведами. А потом помчался в аэропорт – в Москву».

Аккордеон, саксофон, аквалангист

Тяга к музыке. – Репетиции с Бутманом. – Корочка подводника. – Благотворительность.

Увлечение музыкой у меня началось с раннего детства. В восемь лет я посмотрел фильм «Свадьба с приданным», по сюжету которого видный парень Николай Курочкин захотел расстаться со своей холостой беззаботной жизнью и решил жениться. Мне так понравились куплеты Курочкина, что я начал ходить по квартире и напевать: «Хвастать, милая, не стану. Знаю сам, что говорю. С неба звездочку достану и на память подарю. Обо мне все люди скажут: сердцем чист и не спесив. Или я в масштабах ваших недостаточно красив?». Все окружающие смеялись: шкет-малолетка такие песни исполняет. А я, чтобы полнее соответствовать образу, мечтал научиться играть, как Курочкин, на гармошке. Точнее, на аккордеоне.

Отправился в музыкальную школу. У меня проверили слух: наигрывали мелодию на пианино, и я должен был нахлопать в ладоши такой же ритм. Медведь мне на ухо никогда не наступал. Педагоги в школе сказали, что слух у меня хороший. И, как это принято в нашей стране, отправили к родителям, чтобы они написали справку: дескать, разрешаем своему сыну заниматься музыкой.

Когда я доложил папе с мамой о том, что хочу учиться играть на аккордеоне, родители немного опешили от моей очередной затеи. И начали отговаривать: ладно, сынок, остынь. Понять их

было можно – они много не зарабатывали. Купить настоящий аккордеон, который стоил больше сотни рублей, они бы не смогли. Это не считая ежемесячной платы за обучение в школе и того, что я уже вовсю играл в хоккей – расходы на форму, коньки…

Так зачахла моя мечта стать гармонистом. Но сильная тяга к музыке осталась. И когда я шел с тренировки домой и видел во дворе ребят, бренчащих на гитаре, мне хотелось к ним присоединиться. Я пытался освоить хотя бы блатные аккорды. Но играть на гитаре не хватало терпения. Из-за того, что я занимался хоккеем, у меня были толстые мозолистые пальцы – поэтому на гитаре все время зажимал по две струны. Можете представить, какой получалась музыка. «Нет, не мой инструмент», – думал я.

До отъезда в Америку увлекался разнообразной музыкой – и жутко популярным в 80-е ансамблем «Modem Talking», и Михаилом Боярским с Юрием Антоновым, и Валерием Леонтьевым. Я был настоящим меломаном. Остаюсь им и по сей день. Всегда в дорогу беру с собой плеер iPod, в котором играют Валерий Меладзе, АББА, «Верасы», Depeche Mode, Мадонна…

Когда начал жить в Штатах, то думал, мечты о музыке придется оставить. Там же идет обучение на английском, да и ноты совсем другие. Не говоря уже о нехватке времени и кочевой жизни хоккеиста. Но на свое счастье я встретился с известным джазовым музыкантом Игорем Бутманом. Дело было на первом Кубке «Спартака» в Сокольниках. После тренировки мы с Вячеславом Фетисовым пошли обедать и увидели Бутмана за соседним столиком. Фетисов нас познакомил, мы разговорились. Игорь спросил, в каком я клубе играю. Я ответил, что в «Нью-Йорк Рейнджере». Бутман воскликнул: «О, а я сейчас тоже в Нью-Йорке живу». Я рассказал, что с детства мечтал научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Игорь тут же предложил, что когда мы вернемся в Америку, он возьмет надо мной шефство, и будет учить игре на саксофоне.

Так и получилось. Мы встретились в Нью-Йорке. Поехали в музыкальный магазин, купили мне саксофон. И начали заниматься. Почему я выбрал этот инструмент? Не потому, что солированием на саксофоне в ту пору увлекался президент США Билл Клинтон. Во-первых, Бутман играет на нем замечательно. А во-вторых, мне нравится джазовая музыка. Так нравится, что примерно в те же сроки я нашел русскую преподавательницу, которая начала меня учить игре на пианино. В общем, если бы я мог явиться один в двух лицах, мог бы получиться интересный Ковалев-бэнд, с коктейлем саксофонной и фортепианной музыки.

Кстати, поначалу у меня и с пианино были те же проблемы,

как и с гитарой. Я попадал пальцем сразу по двум клавишам. Но оказалось, что в Нью-Йорке можно изготовить пианино на заказ, с широкой клавиатурой. Так что эта проблема отпала.

Как я учил музыку? Мне не хватало времени зубрить нотную грамоту. Бутман писал знаки на бумаге, и я копировал их на саксофоне, нажимая нужные клавиши. Игорь спрашивал у меня, какую мелодию я хочу учить. Я называл песни – например, саундтрек из «Крестного отца» (он потом был использован в мультфильме «Тайна третьей планеты», мелодию насвистывал смешной робот Громозека), и Бутман составлял мне «путеводитель».

Игорь приезжал ко мне в нью-йоркский дом, и мы играли на пару. Однажды Бутман выступал в перерыве матча на Кубок «Спартака» – прямо в хоккейной форме и коньках играл на саксофоне джазовые мелодии. Игорь ведь не только один из лучших музыкантов России, но и хороший хоккеист. В детстве он занимался в спортивной школе ленинградского СКА вместе с Алексеем Касатоновым, который потом играл в знаменитой пятерке с Фетисовым, Ларионовым, Макаровым и Крутовым… Позже трюк Бутмана повторил и я, когда тоже решился на публичное выступление в перерыве одного из выставочных матчей с ветеранами хоккея. Но переволновался и не очень хорошо исполнил композицию на саксофоне.

С Бутманом мы нередко импровизируем вместе. Однажды телеведущий Кирилл Набутов снимал передачу «Один день с Алексеем Ковалевым». Мы вечером заехали в «Le Club» на Таганке, и начали играть дуэтом с Бутманом – я за пианино, он на саксофоне. Получилось интересно.

Саксофон – отличное средство для того, чтобы расслабиться после напряженного хоккейного матча. Сесть дома, взять в руки инструмент и тихонько играть, выдумывая по ходу новые мелодии. В последнее время я импровизирую на саксофоне не так часто, как бы хотелось. У меня есть куча дисков, самоучители. Но уже родились дети, и я не мог позволить себе играть, чтобы не нарушить их сон. Кстати, Игорь Бутман рассказывал интересный способ: чтобы не беспокоить домашних, он залезал в… шкаф с одеждой, и там занимался на саксофоне. Хороший совет.

Бутман предложил мне записать совместный джазовый альбом. Я сначала отмахнулся: да ладно, какой из меня музыкант, чтобы выходить в тираж? Но потом принял идею. Теперь мне нужно найти хотя бы две недели для плотных музыкальных занятий, чтобы отправиться в студию. Может, скоро наш диск появится в магазинах.

Какие еще цели хочется воплотить в жизнь? Их так много, что

глаза разбегаются. Например, я очень люблю заниматься дайвингом. Не на хоккейной площадке, конечно, а в прямом смысле – погружаться под воду, как капитан Немо, исследовать морскую жизнь. Впервые я попробовал это занятие, когда отдыхал на Гавайях. Узнал, что на острове есть дайвинг-клуб. И решил получить еще одну корочку – подводника. Все каникулы провел с аквалангом за спиной. Свое первое погружение попросил записать на видео. Мы опустились на глубину 25–30 метров. Видимость была идеальной. Я плавал с черепахами, а потом спрятался за коралловым рифом, и мимо меня на расстоянии вытянутой руки проплыла песочная акула. Она была с меня ростом. В конце заплыли в пещеру, в которой раньше текла лава – там кишели маленькие цветные рыбки и тоже лавировали акулы.

Другая идея – полететь в космос. У меня есть знакомый, который занимается подготовкой космонавтов. Раньше он работал в Монреале, теперь – в России. Не так давно я ездил в Звездный городок, где мне показали, как живут и готовятся космонавты… Открою небольшой секрет. Я знаком с руководителями компании, которые делают клюшки для гольфа. Они нашли какой-то очень легкий, прочный металл и сейчас продвигают свой товар на рынок. Спонсоров под этот проект найти реально. И выглядеть это будет красиво. Так, например, можно сделать первый бросок шайбы в космос.

У меня нередко спрашивают: Алексей, а ты не боишься этим заниматься? Полет в космос или глубинное погружение под воду – это же очень опасно! А я пожимаю плечами: нет, не боюсь. Мне в жизни все интересно попробовать. Даже в самолете над приборной панелью висит наклейка со словами, которые я считаю своим девизом: «Жизнь для того, чтобы жить». А что, только играть в хоккей и сидеть дома? Это ж с тоски помереть можно!

Есть еще большое желание прокатиться в болиде «Формулы-1». Или полетать за штурвалом реактивного самолета, чтобы почувствовать перегрузки. Но главный проект – благотворительность. Собранные деньги от разных акций я перечисляю в организацию «Russian Gift of Life», что можно перевести как «Русский дар жизни». Мы помогаем детям, у которых больное сердце. В прошлом я тоже страдал от такой болезни, стоял два года на учете у врача. Мне запрещали играть в хоккей. Но благодаря друзьям, близким я до сих пор занимаюсь любимым спортом и теперь могу поделиться своей мечтой с детьми.

Им нужно помочь. Мы спасли уже достаточно жизней. В организацию «Russian Gift of Life» вхожу не только я, но и Саша Могильный, Сергей Немчинов… Со временем будем оказывать

помощь ветеранам и инвалидам.

«Russian Gift of Life» был освоен в Нью-Йорке в русской общине. В 1989 году в местный храм позвонили и сказали: «К нам приехали дети из России. У них порок сердца. Их привезли на операцию. Мы сами не говорим по-русски. Помогите им, пожалуйста». И русские эмигранты начали помогать. Они встречали детей, размещали у себя дома. В конце концов, это превратилось в благотворительную организацию. За 16 лет уже прооперировано порядка 800 детей. Сначала их возили в Америку. Пик пришелся на середину 90-х. Но идея была в том, чтобы не только отправлять детей за океан, но и помогать им на родине. Развивать деятельность «Russian Gift of Life» в России – поставлять оборудование в клиники, обучать врачей…

Прогресс есть. Из 800 детей в России прооперировано 350. Деятельность происходит не только в Москве, но и в других городах – в Омске, Самаре идет большое сотрудничество с кардиоцентрами…

Не знаю, насколько вы в курсе, что такое порок сердца. Но с этой болезнью появляется на свет одинаковое число детей – что в Америке, что в России – вне зависимости от уровня жизни и экологической ситуации. И если им вовремя помочь, они не станут инвалидами. По сравнению с 1989 годом, мы здорово расширили деятельность. Она пока охватывает не всех больных, но я знаю, можно спасти каждого ребенка…

Жаль, что в сутках 24 часа, а не 48. Тогда бы я сделал в два раза больше. С детства не могу усидеть на месте. Жалко терять каждую минуту. Самое обидное – не сделать что-то в этой жизни, о чем ты долго мечтал. Поэтому я такой неугомонный, всегда гонюсь за новыми впечатлениями.

Путешествия

Робинзон Крузо. – Кинг-Конг на Гавайях. – Потопленный миноносец. – Кенгуру в куртке «Питтсбурга».

Путешествовать по миру – еще одна моя страсть. Вроде бы странно, хоккеисты так часто летают во время сезона. Северную Америку вдоль и поперек изучили. Европейцы еще до отъезда в НХЛ много путешествовали по Старому Свету, участвуя в международных турнирах. Тотже Евротур состоит из чешского, финского, русского и шведского этапов. Поэтому в Скандинавию и на родину Яромира Ягра ездишь так часто, как к себе в загородный дом. Это не считая Норвегии, Германии, Швейцарии и других хоккейных стран. Несмотря на тяжелый график, в «Динамо» и в сборной всегда находили время на экскурсии в городах на выезде. Тренеры справедливо считали, что игрокам нужно развеяться и расширить кругозор.

Но все равно, как только заканчивается сезон, начинаешь думать о том, куда лететь с семьей на отдых. Я уже говорил, что не могу долго сидеть на одном месте и скучать в четырех стенах. Для меня это настоящая мука. И тогда начинаешь мечтать о путешествиях. Тяга к ним у меня с детства. Самая любимая книга – «Приключения Робинзона Крузо», которую я перечитывал раз пять.

Я бы и сейчас, если бы не играл в хоккей, отправился путешествовать по миру. Или охотно побывал бы на необитаемом острове. В России проходила такая телеигра «Последний герой»,

когда звезд шоу-бизнеса и спорта отправляли на пустынный остров. Там они жили племенами, сами добывали себе еду, а по вечерам сидели на Скале советов и обсуждали дела насущные. Я бы с удовольствием присоединился к этой компании. Охотно рубил бы дрова каменным топором или сражался бы с крокодилами, разрывая им пасть голыми руками. Почти не шучу.

В начале 90-х мы часто ездили отдыхать на Гавайи. Это типичный курорт для американцев (как для наших людей – Сочи и Турция), который находится не слишком далеко – из Нью-Йорка лететь часов семь, и на самом деле очень красив. Райское местечко.

Подлетая к Гавайям, ты с самолета видишь несколько маленьких островков посреди океана. И думаешь: как их волна не захлестывает? А потом смотришь: нет, вроде живут люди. На некоторых островах было извержение вулкана. Ты ходишь по застывшей лаве. Все сгоревшее, черное. И вокруг только зеленые островки гольф-поля или оазисы для гостиниц.

Однажды мы отправились на экскурсию к действующему вулкану. И видели трещины, в которых под землей протекает огненная лава. Потом взлетаешь на самолете над этим великолепием. И видишь, как лава впадает в океан, и в том месте вода дымится от обжигающего пара. Похоже на картинку из голливудского блокбастера «Кинг-Конг возвращается». Если бы в ту минуту мы бы увидели, как большая обезьяна отбивает миниатюрную блондинку от трех тираннозавров, вряд ли бы удивились. Тем более, многие американские фильмы на самом деле снимались на Гавайях. Бывает, сидишь в кинотеатре и узнаешь знакомые места. Понимаешь, что это настоящие чудеса природы, а не спецэффекты.

Я нередко летаю на своем самолете во Флориду – четыре с половиной часа пути. В гольф играю. Если отправляемся отдыхать, выбираем какие-нибудь острова – например, Багамские. Туда уже добираемся на рейсовом самолете на своем будет далековато. А так, я люблю наличном самолете по Америке путешествовать. Не лететь за тридевять земель, а в свободное время махнуть в другой аэропорт, посмотреть город. Пролететь над Манхэттеном, Статуей Свободы. Так красиво, что захватывает дух.

В последние годы часто отдыхаю в Европе. Не так давно летали во Францию. Взяли напрокат машину, неделю колесили по стране. Потом переехали в Италию. В Старом Свете все компактно – от одного крупного города до другого ехать три-четыре часа. Так мы посмотрели Пизу с ее знаменитой падающей башней. Побывали во Флоренции, где посетили знаменитую картинную

галерею Уфицци. Переехали в Помпеи, там тоже видели последствия извержения вулкана. Только более катастрофичные – все знают картину «Последний день Помпеи». Даже сейчас ходишь по руинам этого древнего города, в воздухе летают частицы золы, и вокруг все черное от лавы. Раскопки в Помпеях ведутся до сих пор.

Страны Европы во многом похожи друг на друга. Но маленькие различия, разумеется, остаются. Франция на контрасте с Италией мне понравилась чуть больше. Франция – более ухоженная страна. Хотя и в Италии было очень интересно. Там столько памятников, что глаза разбегаются. А я люблю бродить по древним развалинам – очень нравится узнавать историю.

Весь мир невозможно объехать. Всегда остаются белые пятна на карте. У меня это и Австралия, и Индия, и Африка… Я даже в Египте не был, хотя хочется посмотреть пирамиды. Прошлым летом заехал в Турцию. Сама страна большого восторга не вызвала. Но отдыхать там интересно – компания подобралась хорошая. В Турции я занимался дайвингом. Однажды занырнул так глубоко, что обнаружил потопленный во Второй мировой войне итальянский корабль, на котором перевозили бомбы. Они и сейчас там лежат, готовые рвануть в любой момент. Перегородки между палубами уже сгнили, можно было плавать прямо внутри миноносца. Жутко, опасно и очень интересно.

Охотников, рыбаков и путешественников можно хлебом не кормить, дай им только порассказывать байки. Со мной особо колоритных приключений не случалось. Но одну историю от своих друзей перескажу.

Я тогда еще выступал в «Питтсбурге». Один мой знакомый вернулся из Австралии. Большой фанат «Пингвинов», он даже на Зеленый континент отправился в клубной куртке «Питтсбурга». Как-то в темноте они мчались на джипе и случайно сбили кенгуру. Выскочили из машины, хотели спасти животное – а оно уже не шевелится. Ну, хотя бы сфотографируемся с ним: мол, на охоте подстрелили. Товарищ, не долго думая, нацепил на кенгуру ради хохмы свою куртку. А кенгуру, оказывается, не погиб, а просто был без сознания. Когда же животное очнулось от шока, то задало такого стрекача, что догнать его было нереально. В куртке же остались ключи от автомобиля. До дома ребята добирались пешком. А в Австралии, может, и сейчас бегает кенгуру в клубном костюме «Питтсбурга». Встретите его – не думайте, что у вас начались галлюцинации из-за жары.

Нью-Йорк

Большое Яблоко. – 11 сентября. – Звезды ездят в метро. – Город-трудоголик.

Я живу не в самом Нью-Йорке, а в пригороде – в Гринвиче. Этот городок не имеет отношения ни к гринвичскому меридиану, ни к Гринвич-Виддадж, одному из самых дорогих районов Нью-Йорка. Самая главная местная достопримечательность – аэропорт, от которого мой дом находится в пяти минутах. Если учесть мою страсть к самолетам, это очень удобно.

Не могу сказать, что Нью-Йорк – то место, где я хотел жить с самого детства. Он не был объектом моих грез. Я приехал туда, когда собирался играть в «Рейнджере». Обосновался, приобрел дом. И начал знакомиться с американской культурой. Но кто знает, если бы меня на драфте выбрал «Лос-Анджелес» или «Торонто», сейчас бы я вам рассказывал, как прекрасно жить в Калифорнии или смотреть из окна на самолеты, кружащиеся над озером Онтарио. Человек ко всему привыкает. Так и я, еще толком не узнав Америки, стал считать именно Нью-Йорк своим вторым домом и местом работы. А с годами прикипел к нему, стал знать город не хуже, чем Тольятти или Москву.

Нью-Йорк мне нравится размерами. Есть русский район на Брайтон-Бич, где живет много моих друзей. Итальянский, китайский, ирландский кварталы… По Нью-Йорку можно изучать географию и традиции всего мира. Такого разнообразия не встретишь в маленьких городах Америки, где в центре делать особо нечего, а на окраине только простираются поля. Скучно. Ищешь, чем себя развлечь. В ресторан сходишь или вечеринку для

друзей устроишь. Но уже через полгода от однообразия и тоски зеленой готов лезть на стенку. А в Нью-Йорке даже нет намека на застой. Город, где сложно сидеть на одном месте – там ты словно в водоворот попадаешь.

Недаром Нью-Йорк называют городом мира. А еще – «Большим Яблоком». Кого там только не встретишь! «Вавилонское столпотворение» происходит из-за того, что Нью-Йорк – главный финансовый центр Штатов. Вот и стягиваются туда люди, как в России – в Москву. И хотя столица США – это Вашингтон, там расположены главные административные центры страны, тот же Белый дом, Пентагон, главным городом страны многие считают именно Нью-Йорк.

Мы с друзьями часто путешествуем в Атлантик-Сити на моем самолете, чтобы поиграть в гольф или в казино. Прекрасный вид открывается, когда летишь со стороны Бруклинского моста на высоте 500 метров в сторону залива. Вечером возвращаемся и, как правило, пролетаем через Нью-Йорк. Вечерний город очень интересен: горят огни, мчатся машины, спешат люди. На крышах домов – своя жизнь. Там есть и катки, и парки – все видно с высоты. Вертолетные площадки, теннисные корты, баскетбольные и волейбольные площадки.

Туристам бы я рекомендовал взять вертолетную экскурсию – вы низко летите вдоль Гудзона, до Статуи Свободы и возвращаетесь над Манхэттеном. Увидите все: и Центральный парк, и кофейни, и каток. Если же вам нравятся пешеходные прогулки, то тут я не советчик. Какое бы направление вы ни выбрали, встретите что-нибудь интересное. Тот же зоопарк, куда мы иногда ходим с детьми. Или исторический музей, где выставлены скелеты динозавров. Кстати, о нем недавно сняли фильм «Ночь в музее», в котором сыграл Бен Стиллер. Если у вас богатая фантазия, можете зайти туда и представить, что за вами гонятся экспонаты – скелет древнего ящера, обезьянка-капуцин или ковбои-лилипуты.

В Нью-Йорке сложно заблудиться. Город разделен на «стриты» (улицы) и авеню, как разлинованная тетрадка школьника. С одной стороны, это примитивно. Но с другой – удобно. Если мне скажут в Москве: «Давай встретимся на углу Маросейки и Большого Спасоглинищевского переулка», я начну искать по карте, где это может быть. И даже не буду иметь представления, в какой части Москвы это находится. Потому что в столице России дороги расходятся от центра, как лучи солнца, а не строго перпендикулярны друг другу. В Нью-Йорке же, когда назначают встречу, например, на углу 15-й авеню и 46-й улицы, ты сразу представляешь, куда тебе нужно ехать.

Если бы я оказался в Нью-Йорке впервые, пошел бы на экскурсию в музей, посвященный морю, небу и космосу. 86-й пирс, 12-я авеню на пересечении с 46-й улицей. Музей представляет собой огромный авианосец с множеством самолетов. Туда в качестве экспоната привезли даже французский сверхзвуковой самолет «Конкорд». Детям очень нравится там гулять.

Где поесть? В Нью-Йорке есть хороший греческий ресторан «Милос». Туда завозится свежая рыба со всей Европы, мы часто туда ходим. Мне нравится мелкая рыба барбуни – когда ее жарят, она хрустит, как сухарики. Прекрасны салаты из свежих овощей, кальмары…

Нам с Женей нравятся суши. Любимые – с угрем. Сейчас я не большой поклонник риса, поэтому предпочитаю сашими. И много васаби. Если хочется острой пищи, мы идем в индийский ресторан. Там подают пышный хлеб, как бы надувной. Когда он горячий, то похож на мячик. А когда его приносят, через 2–3 минуты он начинает опускаться и становится тонким, как лаваш.

Шопинг? В магазины ходят по-женски и по-мужски. По-женски – когда перебираешь все вещи. По-мужски – когда сразу видишь, что тебе нужно. Люблю магазины типа Sharper Image, где продаются прикольные предметы. Например, стакан, который разогревает кофе в машине. Кредитная карта, функциональная как швейцарский нож: в ней есть и ножницы, и фонарик, и зубочистка. Раньше я держал ее в кошельке, но сейчас с ней не пускают в самолет. Мне говорят, что я как агент 007 – люблю всякие прибамбасы. Нотряпки, обувь – мне все это кажется однотипным. Хочется, чтобы каждая вещь выражала твой вкус и выделяла среди других людей.

Нью-Йорк изменился, когда там случилась трагедия 11 сентября. Осенью 2001 гадая выступал за «Пингвинов». В тот вечер мы находились на предсезонных сборах в Питтсбурге и собирались на тренировку. Кто-то включил телевизор и закричал: «Смотрите, смотрите!». Вся команда увидела, как в прямом эфире показывают горящее здание. Пригляделись – одна из башен-близнецов. Подумали, что пожар случайно возник в одном из офисов. Отнеслись к этому спокойно: неприятная бытовуха, но это проза жизни, лишь бы обошлось без жертв.

И тут на наших глазах пассажирский самолет врезается в другой небоскреб! Все ребята – в шоке. Началась паника. Стало ясно, что это атака террористов. Пошли новости, что еще один самолет упал на Пентагон, а другой рухнул в Питтсбурге. По всей стране было парализовано воздушное движение. Закрыли аэропорты, стали сажать самолеты, находящиеся в воздухе.

Тренировку не отменили, но мало кому было до хоккея. За семью я не волновался – детей у нас еще не было, а Женя находилась со мной в Питтсбурге. Я не думал, что это начало третьей мировой войны. Понимал, что террористы выбрали самую крупную цель для атаки. Их всегда привлекал Нью-Йорк. Помню, незадолго до этого какие-то бандиты взорвали бомбу в одном из гаражей города. Это наделало много шуму. Но он не идет ни в какое сравнение с атакой на башни-близнецы, одну из главных достопримечательностей страны.

Теперь Нью-Йорк стал другим. В первую очередь, внешне – «Большое Яблоко» без близнецов, как Москва без Кремля. Помню, когда я впервые в 15 лет прилетел в Нью-Йорк, то в памяти, прежде всего, остались эти два гигантских небоскреба. Во-вторых, город стал настороженным и даже нервным. Постоянно были облавы – кто-то позвонит и скажет, что в определенном месте заложена бомба. И вот уже половина всей полиции города слетается в этот район и оцепляет зону. Ходят с собаками, ищут взрывчатку. Слава богу, ничего не находят… Жители Нью-Йорка раньше были более расслабленными. Но сейчас сжаты, как пружина, подозрительны. С годами это проходит. Но все равно создается ощущение, что горожане морально готовы к тому, что рядом раздастся взрыв. С другой стороны, ты знаешь, что иначе жить не получится. Не перестанешь ведь ездить в метро на работу или ходить по центральным улицам.

Терроризм – общая беда. Помню, тоже самое происходило в Москве, когда там взорвали два жилых дома. Люди выстраивали ночные пикеты у подъездов, проверяли подвалы, нет ли там мешком с гексагеном. Отдельный разговор – о метро, где тоже порой раздаются взрывы и по телевизору показывают раскуроченные вагоны. Это очень страшно. В Москве гораздо больше народу пользуется подземкой, чем в Нью-Йорке. Я и сам часто езжу на метро, когда летом живу в Москве – днем в будни проехать через центр практически невозможно из-за пробок. Сидеть несколько часов в машине, терять время и дышать выхлопными газами мне совсем не хочется.

Для нет проблемы, если кто-то меня узнает в метро. Раньше в Нью-Йорке, особенно в 1994-м, когда «Рейнджеры» выиграли Кубок Стэнли, у меня часто брали автографы. Теперь реже, но все равно подходят. Иногда расписываюсь на карточках, а бывает, отшучиваюсь. Как-то у меня один парень спросил: «Алексей, это вы?». А я надвинул кепку на лоб и ответил: «Нет, просто очень похож». И он поверил.

Вообще же, я мало обращаю внимания на свою популярность. Не спорю, для спортсмена или звезды шоу-бизнеса это прямой

показатель того, как успешно идут твои дела. Если ты хорошо играешь в хоккей и доставляешь удовольствие зрителям, они охотнее пойдут за автографом к тебе, чем к другому спортсмену. Но я воспринимаю это как следствие своей профессии. И в душе всегда остаюсь тем мальчишкой из Тольятти, который когда-то уехал пробовать силы в московском «Динамо». Поэтому у меня никогда не было звездной болезни и надменности по отношению к людям, которые, вдумайтесь, платят деньги за то, чтобы посмотреть на твой хоккей. Почему я должен считать себя лучше них? Только из-за того, что выиграл Кубок Стэнли и золото Олимпиады? Нет, я считаю себя обычным человеком. И не боюсь выйти на улицу из-за того, что меня кто-то узнает.

Если играть в ассоциации и сравнивать город мира с музыкой, то это, во-первых, была бы знаменитая песня Фрэнка Синатры «Нью-Йорк, Нью-Йорк». А во-вторых, что-то из мелодичного джаза. Я думаю, такой стиль больше всего подходит к этому городу. У моего друга Игоря Бутмана есть композиция, посвященная Нью-Йорку. Сначала мегаполис просыпается – идет спокойная мелодия на саксофоне. Потом она убыстряется и становится тревожной. Это люди собираются на работу, выбегают на улицу, быстрее-быстрее… А потом снова наступает расслабленность. Все уже покинули офисы, сидят в барах, дома у телевизора или медленно гуляют по даунтауну. Я когда езжу под эту музыку на машине по Нью-Йорку, всегда улыбаюсь: так она органично соответствует ритму большого города. И даже водители соседних автомобилей находятся на такой расслабухе, что перестраиваются, как хотят, не мигая подворотниками, и машинально крутят руль, думая о чем-то своем.

То, что происходит в Нью-Йорке в час пик, я не видел ни в одном мегаполисе. Помните сценку из фильма «Крокодил Данди», когда главный герой, приехав из тихой австралийской деревушки на Манхэттен, от неожиданности забирается на фонарный столб, чтобы его не смела толпа «белых воротничков», бегущая взад-вперед по улице? Народ спешит пообедать – съесть бизнес-ланч в ресторане или просто заморить червячка хотдогом. А может, торопится на деловую встречу. Когда смотришь на это броуновское движение со стороны, то понимаешь, что люди крутятся, как белки в колесе.

Если же сравнивать Нью-Йорк с человеком, я бы нарисовал портрет бизнесмена, которому почти под пятьдесят. Он стильно одет. Немного чопорный и очень педантичный. У него вся жизнь по расписанию – дом, офис, отдых. Даже в свободное время он вечно загружен мыслями. Думает о бизнесе или о чем-то подобном. Он – трудоголик, и почти не смотрит по сторонам,

обращая внимание на закат солнца или зеленеющую траву. А в выходные ходит на тусовки, стараясь оттянуться по полной программе. Чтобы в понедельник снова прийти в офис и продолжать дела, дела, дела. Не хочу давать оценку такому образу жизни. Все люди разные. Могу только еще сказать, что Нью-Йорк – мой второй дом после России, и мне там нравится.

Мой друг Ддрюс Каспарайтис

Сиамские близнецы. – Плисецкая на коньках. – У кого больше нос? – Герой порнофильмов.

Глянцевый журнал MAXIM устроил интересную перестрелку: попросил меня рассказать о Дарюсе Каспарайтисе, а Каспарайтиса – обо мне. И вот что из этого вышло…

«Они очень похожи, начиная от первой буквы «К» в фамилии и заканчивая ростом и цветом волос. Их жизненные пути не пересекаются. Они переплетены в клубок. Когда Ковалев в 14 лет приехал из Тольятти, чтобы учиться в хоккейной школе «Динамо», там уже занимался Каспарайтис – литовец, который с трудом говорил по-русски. Обоих воспитал тренер Владимир Юрзинов. Когда Каспарайтис поехал в НХЛ, за ним отправился Ковалев. В НХЛ сложная система драфта, шанс оказаться в одном городе был меньше пяти процентов. Но друзья попали в Нью-Йорк: Ковалев в «Рейнджере», Каспарайтис в «Айлендерс». Они играли вместе за сборную России, «Питтсбург», «Ак Барс», «Рейнджере», были на двух Олимпиадах, Кубке мира… Даже на улице их путают: Ковалев раздает автографы за Каспарайтиса, Каспарайтис знакомится с девушками, выдавая себя за Ковалева.

Они очень разные, начиная от амплуа и заканчивая интересами. Ковалев – виртуозный хоккеист, его технике катания позавидует даже Плющенко. Алексей увлекается всем подряд. Никто не удивляется, когда Ковалев роняет в интервью, что между делом начал учить японский язык. Вы представляете себе

хоккеиста, говорящего на японском?! Если его, конечно, не зовут Ютака Фукуфуджи или он играет за сборную Восходящего солнца. Еще Ковалев пилотирует самолет, играет на саксофоне, пишет автобиографию, участвует в чемпионате России по гольфу… Ну и разумеется гениально играет в хоккей.

Каспарайтис постоянен в своем пристрастии к рыбалке и модным машинам – недавно он купил себе «Феррари». Это типично для любого спортсмена-миллионера. Правда, и Дарюс умеет удивлять. Например, снимается в кино. Помните эпизод из фильма «Брат – 2», когда герой Бодрова во время тренировки разговаривает с хоккеистом, к которому приехал в Чикаго? И тут подкатывает Каспарайтис и орет на брата-близнеца: «Чего встал? Иди заниматься!»

О характере Каспарайтиса лучше всего говорят его прозвища. «В Литве меня звали Геренас, – рассказывает Дарюс. – Это в честь литовского летчика Дарюса Геренаса, который перелетел через Атлантический океан, а когда возвращался домой, его самолет подбили немцы. В Москве звали Ганс. В честь немцев, которые сбили Геренаса. Третье прозвище получилось пародией на мультфильм о привидении Каспере. Когда мы в Нью-Джерси играли, местная газета написала: «Этот Каспер – недружелюбное приведение, которое умеет незаметно вырастать перед соперником и скручивать его в бараний рог».

Каспарайтис войдет в историю хоккея как один из лучших исполнителей силовых приемов. Дарюс обожает ловить чужих форвардов на «мельницу» – подкатывается к ним сбоку, принимает на бедро и конкурент делает пируэт через голову. Так он сломал Эрика Линдроса. Когда огромный нападающий заигрался с шайбой и не заметил Каспарайтиса, тот врезался в него на полной скорости и опрокинул соперника на лед, нанеся ему сотрясение мозга. Большой Эрик мог даже завершить карьеру. А потом Каспарайтис с Линдросом оказались в «Рейнджере» и подружились. В жизни Дарюс – прикольный парень, которого сложно воспринимать всерьез. Но на площадке лучше играть с Каспером в одной команде, чем против него.

Так что в этом смысле Ковалеву повезло. Он провел рядом с Каспарайтисом почти всю карьеру. Да что там – жизнь. Они знают друг о друге практически все. Почитайте, убедитесь.

1. Он умеет кататься на коньках?

Ковалев: – Это не игрок, афигурист. Катается так хорошо, что забывает о хоккее и впадает в эйфорию. Бежит, подпрыгивает, чтобы полюбоваться на себя со стороны. Когда мы были на Олимпиаде в Турине, Каспарайтис раздавал автографы за Евгения

Плющенко. Они же очень похожи, эти два блондина с гордыми профилями.

Каспарайтис: – Ковалев напоминает мне балерину. Его катание плавное и грациозное. Надо попросить экипировщиков «Монреаля», чтобы они пришили пачку к шортам Алеши, тогда он точно будет похож на Майю Плисецкую. Этот парень обожает делать пируэты. Он забил свой второй гол в НХЛ, когда играл против «Айлендерс» – тогда я там выступал. Ковалев сделал замах, уложил меня на живот, потом объехал на одном коньке и попал в ворота. Но мы вели к тому времени 8:0, вот я и сделал ему подарок, чтобы он не расстраивался.

2. Когда вы впервые встретились?

Ковалев: – Когда я приехал в Москву, чтобы выступать за «Динамо». Каспарайтис был одним из первых, кого я увидел в общаге. Сначала не понял, кто это такой – может, борец или штангист? Крепыш с длинными волосами и браслетом на запястье, сделанном из бритв «Нева». На панка похож. Подошел ко мне, ткнул пальцем в грудь: «Ты в углах любишь играть?» – «Так, иногда играю». – «Ну, мы с тобой там встретимся». Это он всех новичков так проверял. А во время тренировок жестко ставил ребят на место, чтобы его боялись. Когда же его обводили финтом, выставлял колено на ход, а потом спорил, что его не обыграли. Этот горячий прибалтийский парень если не делом, так словами докажет, что он прав.

Каспарайтис: – Я сразу понял, что Ковалев приехал из Тольятти. В советское время там была беда с продуктами. Алеша выглядел таким худым, что я его называл «Голодающим с Поволжья». Про углы – да, говорил такое. Но потому, что Ковалев – хоккейный вундеркинд. Играет очень технично. Шайбу у него можно было отобрать, только подловив в углу площадки или впечатав в борт.

3. Как он проводит свободное время?

Ковалев: – Каспарайтис не похож на человека, у которого есть хобби. В летнее время ему нравится ходить на рыбалку. Или повозиться со своей лодкой – он же когда приехал в НХЛ, то выступал за «Островитян» и жил в доме на Лонг-Айленде. Но я не представляю Дарюса с удочкой. Ему же терпения не хватит так сидеть. Он, наверное, или глушит рыбу динамитом, или развлекается тем, что купает червяка – закинет крючок и тут же вытянет обратно.

Каспарайтис: – В свободное время Ковалев садится в личный самолет. Но двигатель не заводит – экономит топливо. Он

натягивает шлем, откидывается на сиденье и начинает летать у себя в голове. Мечтает о том, что хорошо бы отправиться в Африку или в Австралию, посмотреть на кенгуру. Посидит так и идет домой. Вообще он чем-то похож на Икара. Воздушный паренек, который все время парит в облаках.

4. На что он жалуется доктору?

Ковалев: – На бессонницу. Каспарайтис любит пить «Рэд Булл», чтобы во время матча у него было много энергии. Однажды приходит к врачу: «Что-то я ночью уснуть не могу. Ворочаюсь с боку на бок». – «Каспер, понятно, почему ты не можешь спать. Сколько энергетика выпил?». – «Мало. Всего пять банок». Ну а еще, может, если мышцу какую-нибудь потянет. Дарюс обожает качаться. Едва заканчивается сезон, Каспарайтис забирается в тренажерный зал и сидит там до осени. Наверное, готовится к конкурсу «Мистер Вселенная».

Каспарайтис: – На проблемы с дыханием. Когда он заходит в душный кабинет врача, Ковалеву не хватает воздуха. У него огромные легкие и очень большой нос. Такой большой, что если ветер дует сбоку, голову Алеши разворачивает. У меня такая же беда. И мы все время спорим с Ковалевым, у кого больше нос… Он мне все время подражает. Даже прическу хочет иметь такую же длинную. Но не получается. И он жалуется доктору: «Док, почему у меня не растут волосы? Может, надо сделать пересадку?»

5. *На что он потратил свой первый миллион?*

Ковалев: – Когда мы молодыми перед отъездом в НХЛ давали интервью в телепередаче «До 16 и старше», нам ведущая задала такой же вопрос. Я сказал, что на свой первый миллион построю корт – у меня же будущая жена серьезно занималась большим теннисом. А Каспарайтис ответил, что купит кабаре, и там голые девочки будут танцевать. Надо внимательнее гулять по Нью-Йорку: может, там уже есть какой-нибудь дансинг-бар «У Каспера».

Каспарайтис: – Мы над ним еще в «Динамо» смеялись: все пацаны после тренировки идут на дискотеку, а Ковалев сидит в номере и собирает игрушки из конструктора: самолеты, танки… Я уверен, на свой первый миллион он накупил себе электроники: механические собачки, машинки на пульте. А еще говорящего робота, как в «Звездных войнах». Он гуляет по дому и будит Ковалева на тренировки.

6. Из него получится министр спорта?

Ковалев: – Я не завидую литовцам – этот парень развалит им весь спорт. Несерьезный человек. Не могу представить его за столом чиновника, подписывающим бумаги. А если такое случится, то первым указом Каспарайтис велит называть себя «Его сиятельство» и потребует золотой памятник в центре Вильнюса. Называться он будет примерно так: «Дарюс Великолепный применяет силовой прием». А вторым, наверное, окажет финансовую помощь спортивной школе, где он учился играть в хоккей. И подарит квартиру своему первому детскому тренеру.

Каспарайтис: – Если Ковалев когда-нибудь сменит Фетисова в министерском кресле, то тоже построит себе памятник. Попросит Зураба Церетели, и тот воздвигнет монумент Ковалева в Тольятти, величиной со Статую свободы, который будет называться «Мечты сбываются». Все детишки будут брать пример с земляка и делать хоккейную карьеру.

7. *У него были приключения с поклонницами?*

Ковалев: – У каждого хоккеиста есть свой фан-клуб. Но мы же не рок-певцы, за нами после каждого матча не бегают девушки табунами. Бывает, подходят красавицы, дарят плюшевых медвежат с открытками, в которых пишут, что мечтают с тобой встретиться. А вот что было дальше, можно только догадываться. Дарюс – весьма скрытный. Делится только тем, что накипело на душе, и если ему от этого будет легче. В остальных случаях молчит, как партизан.

Каспарайтис: – Алеша очень популярен, это я точно знаю. Мы ведь похожи – оба блондина с большими носами. Когда я гуляю по Нью-Йорку, ко мне часто подходят красивые девушки и спрашивают: «Привет! Ты – Алексей Ковалев?». Ну а я не будь дураком отвечаю: «Конечно! Давайте знакомиться?». Со всеми вытекающими последствиями. А самое главное приключение Ковалева случилось в 16 лет, когда он познакомился с девушкой Женей. И теперь она его супруга.

8. Какой самый ужасный поступок он совершил в жизни?

Ковалев: – Вспоминаю, как мы играли в молодежной сборной против чехов. И уступили им с крупным счетом. Тогда Каспарайтис подъехал к своему вратарю – он с этим парнем дружил, они после тренировок в «Динамо» часто тусовались по Москве – и дал ему в нос со всего размаху. Голкипер брык, и в нокаут… А может, это правильно. Чего он шайбы-то не ловил?

Каспарайтис: – Он прятал от меня продукты! В динамовской общаге Ковалев жил в одной комнате с Николишиным и Кимом.

Хозяйственные ребята. У них была плитка, они постоянно жарили картошку с тушенкой. А я жил в другом номере и всегда прибегал к ним по вечерам. Ковалев с компанией гасили свет – вроде как ушли погулять. А я ломился к ним в дверь и кричал, чтобы они открыли. Но и это не все. Когда я попадал к ним в комнату, еды уже не было. Эти черти успевали распихать ее по заначкам. Но разве можно спрятать пищу от Каспера? Конечно, я все находил!

9. Какая его любимая книга?

Ковалев: – Раньше, помню, он читал книги в общаге. Исключительно на родном языке. А потом писал сочинения в школе: половину на русском, половину на литовском. Учительница не могла перевести и, не глядя, ставила ему тройку. А сейчас Каспарайтис уже не читает книг. Ему терпения не хватает. Зато глянцевые журналы любит. Но от нетерпения листает их так быстро, что не улавливает содержания. Только картинки с голыми девушками смотрит.

Каспарайтис: – В юношестве он любил «Двенадцать стульев»: представлял себя то Остапом Бендером, то Кисой Воробьяниновым. А сейчас Ковалев изучает исключительно инструкции. Знаете, выпускают желтенькие книги для чайников? Вот он и читает «Как играть на саксофоне», «Как летать на самолете», «Как освоить гольф»…

10. Его введут в Зал славы хоккея?

Ковалев: – Если только в литовский. А в Зал славы НХЛ – маловато достижений. Точнее, пока только одно, которым он очень гордится: забил гол самому Доминику Гашеку в овертайме седьмого матча плей-офф. Это было безумие какое-то. Наш «Питтсбург» играете «Буффало». Каспарайтис получает шайбу в атаке. Обычно ему пас не дают, потому что Дарюс начинает дергаться – то ли бросать, то ли передачу делать. Вот и тогда Каспер начал сомневаться. А потом как-то коряво швырнул шайбу в ворота. Она полетела по такой загадочной траектории, что даже Гашек обалдел. И пропустил ее в ближний угол. С тех пор Каспарайтис важно ходит по раздевалке и спрашивает у ребят: «Ты сколько голов забил в сезоне? Двадцать? А Гашеку в овертайме забивал? Вот так-то, салага!».

Каспарайтис: – Конечно, введут! Ковалев же выиграл золото Олимпиады, Кубок Стэнли, забросил шайб в двадцать раз больше, чем я. Но его карьера неполноценна. Он же не забивал в овертайме Гашеку. Так что пусть не ведет себя как зазнайка.

11. Чего он боится?

Ковалев: – Я думал, он боится высоты. Когда мы отправлялись на выезды, он при взлетах вцеплялся руками в кресло и трясся как банный лист. Но я все-таки уговорил Каспера полетать на моем самолете. И ему так понравилось, что Дарюс загорелся: «Продам лодку, куплю такой же планер, как у тебя!». Он ничего не боится. У него стиль в НХЛ такой, что он выводит человека из себя. Тот лезет на Каспера с кулаками и хватает удаление. Однажды Каспарайтис спровоцировал Дональда Брашира – самого грозного бойца в лиге. С ним стоять рядом страшно, не то, что драться.

Каспарайтис: – Боится крыс. Когда мы жили в общаге, то там эти твари бегали табунами. Ковалев рассказывал, что однажды он вернулся домой, а там посреди комнаты сидела одна из них, величиной с собаку. Он ее прогнал, а потом не спал всю ночь, закутавшись в одеяло с головой. Боялся, что крыса вернется и его загрызет.

12. Кого бы он сыграл в Голливуде?

Ковалев: – Боксерскую грушу в блокбастере «Рокки-VII». Или фашиста во время войны, который сидит в окопе и кричит: «Рус, сдавайся!». У него же в «Динамо» было прозвище Ганс.

Каспарайтис: – До Голливуда он еще не дорос. А вот в немецком порнофильме сыграл бы главную роль, если бы жена разрешила. Между прочим, стать порноактером – мечта любого уважающего себя хоккеиста.

13. Кем он будет, когда завершит карьеру?

Ковалев: – Плейбоем. Будет жить на острове с девчонками, качаться в зале и плавать на моторной лодке на рыбалку.

Каспарайтис: – А еще я стану главным тренером в какой-нибудь хоккейной команде. И помощником у меня будет Ковалев. Начну давать ему разные указания – лед почистить, за пивом сходить. Но самое главное, мы и дальше будем проводить много времени вместе. Потому что мы – друзья!».

Как шутят в НХЛ

Тортом в лицо. – Изрезанные шнурки. – Стриптиз от Бержевена. – Индеец Рэйни Дринкуотер.

В начале 90-х в НХЛ шутили более активно и сурово, чем сейчас. Например, хоккеист после матча торопится покинуть раздевалку – не знаю, может, у него билет в концерт или его позвали на блины к теще. Он бежит к своему шкафчику, натягивает брюки, а они… отрезаны по колени. «Легким движением брюки превращаются… превращаются брюки… в элегантные шорты». Я не говорю уже о том, что человек спит в самолете, просыпается, а у него обрезан галстук. Еще можно засунуть крем для бритья в полотенце и положить его сверху на стопку других полотенец перед душевой. Игрок выходит после мытья, вытирается и становится похож на снежного человека. Или насыпают белый порошок в фен для сушки волос. Когда его включаешь, становишься блондином.

Это классические шутки. Может, не очень изобретательные. Но все над ними смеются – хохочут же над фильмами Чаплина, когда там люди поскальзываются на банановой кожуре. Если шутку повторить много раз, она станет классикой. К примеру, если у игрока случается какой-то юбилей – день рождения или круглая цифра в статистике – ему частенько залепляют в лицо бумагой с кремом для бритья. Это тоже параллели с Чаплиным, когда бродяге бросают в лицо сливочным тортом. Помню, смотрел по телевизору, как Саша Овечкин давал интервью. Он набрал 100-е очко в первом сезоне, общался с комментатором. Но

тут сзади подкрался один из его одноклубников и измазал лицо Овечкина кремом так, что тот стал похож на Деда Мороза. Над этим сюжетом потом вся Америка смеялась.

Больше прикалываются над молодыми. Помню, как меня разыграли в «Рейнджере» на заре карьеры. Там принято приходить на тренировки за час-полтора до начала занятий. Я прибегал за 15–20 минут. Ветераны взяли да порезали шнурки на моих коньках. Думали, пока я буду менять шнурки, точно опоздаю на раскатку. Но главное – не растеряться. Я моментально достал из шкафчика вторую пару коньков и невозмутимо пошел на лед. Шутники были крайне разочарованы.

Еще любят издеваться над дебютантами, которые не знают английского. Например, команда участвует в благотворительном вечере. Собирается много болельщиков, почетных гостей. Конферансье по наводке дает микрофон новичку и просит его выступить перед зрителями. Тот выходит на публику и краснеет. Меня, помню, тоже вытащили на сцену, когда я по-английски мало что понимал. Ну, я крикнул: «I love America!» и сел на место. Беспроигрышный вариант.

Однажды мы с Ильей Ковальчуком хохмили на всю страну – нас пригласили в телепередачу «Хорошие шутки», которую ведут Михаил Шац и Татьяна Лазарева. В одном конкурсе, довольно глупом на наш взгляд, мы изображали комиссионера НХЛ Гари Бэтгмана и председателя профсоюзов Боба Гуденау. Дело как раз было во время локаута. Выглядело это так, будто Бэтгман обсуждает с Гуденау, как реформировать лигу. И предлагает играть большими надувными шайбами, сделать ворота размером с футбольные и поставить в них голых девушек, чтобы было зрелищнее.

Еще мы исполняли песни в испанском стиле а ля «хэви метал», нарядившись рокерами. В общем, оторвались по полной. Я смотрел подобную передачу, в которой участвовали футболисты. Ребята выглядели зажатыми. Было скучно. А нам с Илюхой хотелось показать, что и спортсмены могут быть раскованными, без комплексов. Думаю, у нас нормально получилось – на фоне профессиональных актеров, которые были нашими соперниками, как мне кажется, мы смотрелись неплохо.

Самый большой шутник из тех, с кем я играл в одной команде – конечно, защитник «Питтсбурга» Марк Бержевен. Он вообще может ничего не говорить. Посмотришь на него – уже смеяться хочется. Бывают такие люди. Начнет что-то рассказывать – не поймешь, правда это или выдумка. Бержевен ни одного дня не мог обойтись без приколов. Например, заканчивается матч. Нашего хоккеиста признали лучшим игроком. Бержевен начинает

изображать девчонку из стриптиз-бара – исполняет частный танец для первой звезды, садится к нему на колени, гладит волосы. Тот краснеет, а вокруг ребята покатываются со смеха.

Когда Бержевен выступал в «Вашингтоне», у тренеров команды была отдельная машина для варки кофе. Рано утром Марк пробрался в раздевалку и проткнул маленькие дырочки в одноразовых пластмассовых чашках. Тренеры ничего не заметили и по привычке решили выпить кофе перед матчем. Через минуту их белые рубашки превратились в бурые.

В другой раз в нашу раздевалку пришел представитель от фирмы, которая изготавливала амуницию для «Питтсбурга». Он притащил большие баулы для клюшек. Внимание курьера отвлекли, и Бержевен забрался внутрь одной из сумок. Акогда парень полез внутрь баула, Марк заорал во всю глотку. Парня чуть не хватил кондратий.

Бывало, шутили и над Бержевеном. Райан Мэлоун из «Питтсбурга» поквитался с Марком, залив ему воду внутрь полой клюшки. Она потяжелела на пару килограммов. Бержевен катался с ней на тренировке и понять не мог, что происходит. Почему он так обессилел?

Накануне дедлайна – последнего дня, когда в лиге разрешены обмены, Бержевен решил разыграть молодых одноклубников. Он упаковал их вещи и выставил в коридор. Парни увидели это и чуть не поседели – они думали, их обменяли в другой клуб! Менеджмент «Пингвинов» сообщил, что ребята остаются в команде. А вот Бержевена… на самом деле обменяли, в «Ванкувер». Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

У меня есть знакомый, который собирает хоккейные приколы. По моей просьбе он рассказал для книги несколько бородатых баек.

– В 70-х великий форвард Горди Хоу пришел в телешоу. Ведущий спросил его, почему хоккеисты всегда надевают ракушку и редко когда шлем. Тогда еще не было правила, по которому все игроки обязаны выступать в касках. Хоу ответил кратко: «Всегда можно заставить кого-то работать головой вместо себя».

– 7 февраля 1976 года был установлен великий рекорд НХЛ – форвард «Торонто» Дэррил Ситтлер набрал 10 (6 + 4) очков в матче против «Бостона». Вдумайтесь, он забил шесть голов в одной встрече! На воротах у «Медведей» мучился резервный вратарь Дэйв Рис. Он после этого не провел ни одного матча в НХЛ – сломался парень. Позже Ситтлер пошутил, предположив, как вратарь отреагировал на тот последний матч в его карьере: «Он был так расстроен, что решил уйти из жизни. Попытался броситься под поезд, но состав прошел у него между ног».

– Профессионал по имени Джордж Моррисон вспоминает, как он играл за «Сент-Луис»: «Я никогда не был любимцем нашего тренера Скотти Боумэна. И стал нравиться ему еще меньше после одной истории, которая произошла со мной в матче против «Лос-Анджелеса». Перед встречей мне сказали, чтобы я переоделся на матч, но не рассчитывал на большое количество игрового времени. Представьте себе, конец поединка. Я весь вечер грел задом скамью запасных. И тут понял, что проголодался. Бывает такой внезапный приступ голода, что ноги подкашиваются. Рядом с собой в конце скамьи увидел билетера, уставившегося на мою клюшку. Я прошептал ему: «Приятель, притащи мне хот-дог, и я после матча отдам тебе клюшку. Он пулей сгонял за хот-догом, я раскрыл рот для того, чтобы ухватить большой кусок… Я ждал, пока Скотти отвернется, но тут Боумэн завопил: «Моррисон, на лед, игра в меньшинстве!». Какой ужас! Перелезая через бортик, я засунул хот-дог за отворот хоккейной перчатки. Ачто еще с ним было делать? Через секунду кто-то врезался в меня перед воротами. Столкновение было таким сильным, что хот-дог выскочил из перчатки и взлетел в воздух. Наш вратарь среагировал и отбил его. А другие игроки, видимо, ждали летающих пицц из-под моего свитера. Конечно, Боумэн был в бешенстве».

– Когда-то в Нью-Йорке была только одна команда НХЛ – «Американс». Управляющий клуба старался привлечь внимание болельщиков всеми средствами. Сначала «Американцы» начали проводить конкурсы в перерывах – прыжки в мешках и гонки на собачьих упряжках по площадке. В 1926 году они решили нанести фамилии хоккеистов на игровую форму. К слову, это новшество стало обязательным в НХЛ лишь в конце 70-х. Пик акций пришелся на 22 января 1926 года. Генеральный менеджер подписал контракт с новичком Рене Бойло из Монреаля. В выпущенном пресс-релизе говорилось, что команда заключила договор с… индейцем Рэйни Дринкуотером (если перевести в английского, получится Дождливый водохлеб). Рене Бойло очень удивился, когда узнал, что он, оказывается, родом из резервации Каухнавага.

– Позже в таком же духе прикололся Брэндан Шэнахэн. Когда он заполнял анкету для прессы – эти данные размещают во всех кондуитах НХЛ, под каждым досье хоккеиста в разделе «Личная жизнь» – то решил приукрасить свою карьеру. Шэнни написал, что снимался в фильме «Форрест Гамп» в эпизодической роли, играл на саксофоне на джаз-фестивале, работал болл-боем на Открытом чемпионате США по теннису во время матча Андре

Агасси, а также попал в заявку сборной Ирландии на футбольном Кубке мира-94, как резервный вратарь. Эта информация разлетелась по справочникам, и многие до сих пор принимают ее за чистую монету.

– Одним из самых больших шутников в истории лиги был Ник Фотиу из «Рейнджере». Он не щадил никого. Одной из его любимых жертв был Билл Голсуорси – товарищ по комнате на выезде, ненавидящий любую живность. Как-то он совершил ошибку, заснув раньше Фотиу. Ник спустился в ресторан отеля и купил там живого лобстера. Вернувшись, он засунул его в постель Голсуорси. Любопытный лобстер добрался до самого носа Билла, когда тот внезапно проснулся, увидел на своей груди чудовище и испустил такой дикий крик, что в номер сбежался персонал всей гостиницы.

– В один прекрасный день сезона-1975/76 после долгих славных лет в «Бостоне» к тренеру Дону Черри был вызван лидер клуба Фил Эспозито. Черри сказал Эспозито: «Мужайся, парень. Тебя обменяли в другую команду». Фил воскликнул: «Хорошо, коуч. Но если ты скажешь мне, что это «Рейнджере», я выпрыгну в окно». Черри был невозмутим и бросил своему помощнику: «Бобби, открой окно для Фила»…

Не буду спорить, если шутки в НХЛ кому-то покажутся плоскими. Это же не концерт Жванецкого, а двадцать пять мужиков, которые каждый день проводят в одной компании. Каждый прикалывается, как может. Главное в том, делаешь ты это или нет. Мне кажется, скучным игрокам труднее жить в лиге. Они неинтересны – ни партнерам, ни болельщикам, ни прессе. А те, кто веселятся, часто становятся лидерами и отличаются раскованным поведением – не только в раздевалке, но и на площадке. Так что, не бойтесь шуток! Улыбка должна быть частью вашего имиджа.

Мои цифры

На седьмом небе от счастья. – Жить до ста лет. -2000 матчей в НХЛ. – Так почему же 27?

1

Всё мы в этой жизни когда-нибудь делаем в первый раз. Я хочу, чтобы у меня таких моментов было как можно больше. Не то, чтобы я испытываю страсть к открыванию новых горизонтов. Просто не хочу запираться в узких рамках. Да, наша профессия – хоккей. Но что еще мы видим, кроме ледовой площадки, матчей и тренировок, баз и гостиниц? Чтобы разнообразить жизнь, узнать что-то новое и интересное, я и придумываю себе занятия – летаю на самолете, плаваю под водой, играю на саксофоне… Одно дело, когда ты видишь чудеса по «Discovery Channel», и ахаешь: «Да ладно, не может быть!». И совсем другое, когда ты это уже проходил. И никакое это не чудо. Смотришь и улыбаешься: «Плавали, знаем»… Я много чего попробовал в жизни. Но это меньше того, что мне хочется попробовать. Я еще не гонял на болиде «Формулы-1», не летал в космос… Не хватаюсь, за что попало. Прыгнуть вниз головой в пропасть, когда у тебя к ногам привязан резиновый жгут, или залезть без страховки на небоскреб, как человек-паук – последнее, что я хотел бы испытать. Не считаю себя безбашенным экстремалом. А в остальном, я готов к любым проектам и предложениям.

2

Очень хочется выиграть свой второй Кубок Стэнли или вторую Олимпиаду. Думаю, это реально. Главное, было бы желание. Никогда не понимал спортсменов, которые говорят: вот, с меня одной золотой медали вполне достаточно. Я не люблю останавливаться на достигнутом. Всегда есть, к чему стремиться в карьере. Конечно, вряд ли теперь кто-то сможет выиграть одиннадцать Кубков Стэнли, как великие игроки «Монреаля». Но тогда хоккей был другим, в НХЛ выступало только шесть команд. Теперь конкуренция гораздо выше. Испытать чувство, когда ты становишься лучше всех – дорогого стоит. Это то, ради чего стоит играть в хоккей… Двойка – это второе место. Оно самое противное. Никому не желаю его занимать. Получается, ты столько работы проделал, дошел до финала, и проиграл. Проплыл море и утонул у пристани. Очень обидно.

3

Сделать хет-трик – особый шик в хоккее. Как говорится, Бог троицу любит. Вот ты забил два гола, и понимаешь, что можешь сделать третий. Возникает чувство, что у тебя идет игра. Тут ни в коем случае нельзя останавливаться. Обычно и тренер это понимает, чаще выпуская тебя на лед, и партнеры выводят под бросок. Забивай, пока забивается. А то есть игроки, которые машут рукой: «Ну, сделал дубль, и хватит. Остальное на следующий матч оставим». Свой первый серьезный хет-трик я сделал лет в 15–16, когда играл за молодежную сборную. На Турнире четырех мы встретились с финнами. Это был один из тех матчей, когда у меня получалось абсолютно все. Бросал из любых ситуаций, даже лежа на льду – шайба неизменно залетала в ворота. Я забил три гола, а потом еще два: всего пять. А в НХЛ два сезона подряд делал по два спаренных хет-трика. Однажды вышел после травмы на матч с «Нью-Джерси» и забил три гола. А потом приехал в Питтсбург, и снова забил три гола, только в ворота «Айлендерс». Непередаваемое чувство, когда ты стоишь на льду, и на тебя с трибун летит град бейсболок. Я собираю коллекцию памятных шайб – когда я делал хет-трики, забивал 300 голов или набирал 700 очков за карьеру… Сбоку каждой наклеиваю ленту и делаю надпись. Когда завершу карьеру, буду водить экскурсии в домашний музей.

7

С детства считал семерку своим любимым числом. В рулетку почти не играю, но когда бывает возможность, ставлю на и на 7, и на 27, и на 77… Что удивительно, почти никогда не выигрываю. Но привычка остается. Играешь в карты – обязательно нужно провести семь партий, и в последней, думаешь, точно повезет. Или вот выражение «Оказаться на седьмом небе от счастья». У меня такое было несколько раз в жизни – когда рождались дети, когда я выигрывал Олимпиаду и Кубок Стэнли… Или когда впервые оказался в одиночку за штурвалом самолета. Мне казалось, это так и останется мечтой. Я так долго к этому шел. И вот лечу совершенно один. Делаю вираж на посадку, и мне объявляют, что аэропорт закрыт. Отправляюсь на другую базу. И звоню оттуда: «А можно я завтра, когда аэропорт откроют, прилечу на него без инструктора?». Хотелось еще раз испытать это новое чувство полета. И оказаться на седьмом небе от счастья.

50

Хочу оставаться игроком до 50 лет. Потому что не вижу себя вне хоккея. Не представляю, что повешу коньки на гвоздь, и… что дальше делать? Я же этому делу посвятил всю жизнь! Даже летом тянет на лед, и ты думаешь: «Быстрее бы начался сезон». У меня, видимо, сильная зависимость от хоккея. Да, других увлечений хватает. Тому же гольфу хочется уделять больше внимания. Но этим займусь во второй половине жизни.

100

Я поставил себе цель дожить до ста лет. Как минимум. Конечно, не хотелось бы стать немощным стариком. Лучше быть боевым дядькой, играть в любительский хоккей, набраться впечатлений под завязку, увидеть рождение пра-пра-правнуков… Не жизнь должна получать от тебя, а ты должен получать от жизни. Каким бы я хотел увидеть столетний юбилей? Не так важна обстановка. Главное, чтобы все близкие друзья и родственники были живы-здоровы, сидели с тобой за одним столом. Это менее реально, чем мне дотянуть до столетия. Но будем верить в судьбу и новые технологии. Я в интернете прочитал, что скоро человеку станут пересаживать любые органы, и можно будет его собрать из пластиковых запчастей, как робота.

Такой вариант мне не подходит. Я же Алексей Ковалев, а не конструктор «Лето». Но, может, ученые придумают что-нибудь поинтереснее. Например, таблетки, которые будут значительно продлевать жизнь.

500

Забить полтысячи голов за карьеру – светлая мечта. И классическая отметка для любого форварда в НХЛ. Пока я не добрался и до четырех сотен. А рекордсмен среди русских – Александр Могильный (473), за которым следует Сергей Федоров (460). Никто из наших пока не забивал 500 голов в лиге. Так что, в этом смысле, хочется стать первым. Правда, пока я иду к этой цели, меня вполне может обогнать кто-нибудь из молодых. Тот же Илья Ковальчук или Саша Овечкин, которые играют очень резво.

1000

Другая планка – тысяча очков в НХЛ. В Северной Америке есть даже клуб «тысячников», в котором состоит меньше сотни игроков. Попасть в него очень престижно. Когда игрок справляет такой юбилей, ему обычно дарят серебряную клюшку или хрустальную стеллу. Впрочем, главное – не сам приз, а рекорд. Проще всего, конечно, набирать очки на передачах. Как это сделал Уэйн Гретцки, который отдал 1963 результативных паса за карьеру. Перебить его достижение в наше время нереально. Разве что, Яромир Ягр может на него замахнуться. Но я и не претендую. Наберу 1000 очков, и уже буду доволен.

2000

Хочу провести 2000 матчей в НХЛ. Если это произойдет, я установлю рекорд лиги, который пока принадлежит Горди Хоу – 1767 матчей. А почему вы думаете, что это фантастика? Если буду играть в хоккей до 50 лет, и проводить по 82 матча за сезон, как раз такая цифра и наберется. В лиге даже есть звание «Железный человек», которое присуждают игрокам, выступающим в регулярном чемпионате без пропуска матчей и «капремонта». До недавнего времени титул принадлежал защитнику «Колорадо» Карлису Скрастинып у. Но опять же, это как играть в хоккей. Вот Андрей Марков играет активно, подключается к атаке, идет под

удар, не жалеет ни себя, ни других. А другие пасутся в обороне, не насилуют себя и не лезут в эпицентр битвы. Тем более, хоккей в наше время стал менее контактным. Я привык играть, как Маркуня, выкладываться на всю катушку. Посмотрим, хватит ли здоровья. И удастся ли найти работу лет в 45. Сейчас в лиге начали ориентироваться на молодежь, вот «старики» и завершают карьеру. Это же в какой надо быть форме, чтобы с тобой на пятом десятке подписали контракт? Потому ушли после локаута «динозавры» – Айзерман, Халл, Мессье… Но я более молод и сумел вписаться в новый стиль лиги. Так что, у меня есть теоретический шанс побить рекорд Хоу.

27

Мой игровой номер. Уже и не вспомню, почему его взял. Еще когда выступал в молодежном составе «Лады», искал что-то свое: выступал под 14-м номером, потом под десятым… А затем взял 27-й, и прикипел к нему. Сразу чем-то понравился. Может, потому, что семерка – счастливое число, а 27 – это дважды семь. Под той же десяткой выступало много спортсменов – и хоккеист Буре, и футболисты Марадона с Пеле. Назови «10», и у каждого возникнет своя ассоциация. А 27 вроде как все уже связывают со мной. И мне приятно так выделяться. Когда даю автограф болельщикам, ставлю рядом фирменное число. Оно у меня на номере машины, среди цифр телефона, штамповано на клюшках. И поэтому я решил, что в моей автобиографии должно быть двадцать семь глав. Это словно мой публичный дневник. Когда-нибудь, ближе к ста годам, я сяду в кресле-качалке у камина, и стану перелистывать свою жизнь по страницам. И удивлюсь: черт возьми, мне есть, что вспомнить!

Послесловие

Слово тем людям, без которых эта книга не была бы написана. Они – такие же герои моей автобиофафии, как я сам.

Вячеслав Петрович КОВАЛЕВ, отец

– Я занимался штангой, боевым самбо. Думал, сын пойдет по моим стопам. Но он выбрал хоккей. Записался в секцию – к ребятам, которые уже год тренировались. Леша сразу понял, как правильно кататься, и скоро его всем в пример начали ставить.

Раньше хоккейная форма не продавалась. Я работал на заводе, мастерил для сына дюралевые щитки. Шил перчатки – ладошки выкраивал из кожаных фартуков, которые брал в цеху. Сначала Лешку одел. Потом его товарищу помог. А скоро все дети ко мне приставать начали, и администратор пригласил в хоккейный клуб работать. Леше тогда одиннадцать лет было.

У него еще скандал в команде случился. Сын заигрывался с шайбой, а его партнеры по команде пожаловались тренеру: «Не хотим с ним вместе выходить, он пасы не отдает». И тогда Леша стал за 1970-й год рождения выступать в команде Гуженкова. Затем к Коновалову перешел, но тот его давить начал. Сын обиделся: «Или я заканчиваю с хоккеем, или уезжаю в другой город». Тут как раз приглашение из Москвы поступило…

Леша вышел играть за «Динамо» на первенстве столицы и как начал всех по площадке таскать! Начальство ЦСКА подняло шум: или пусть к нам идет, или забирайте его назад, откуда приехал. Меня руководство тольяттинского клуба вызывает на ковер. Мол, воздействуй на сына. Я – ни в какую: «Армейцы могли Лешку пригласить, но проспали. И в Тольятти он вам не подошел. А

теперь я решение менять не буду. Пусть мальчишка играет, где ему нравится». Меня в клубе начали притеснять, а через год уволили. Вернули при тренере Геннадии Цыгурове, когда сын уже выиграл Кубок Стэнли в «Рейнджере». Я еще долго трудился в «Ладе». До тех пор, пока перед вторым локаутом в клуб не пришел тренер Петр Воробьев, и меня снова отстранили от команды.

Обидно было до жути. Приходят ко мне эти люди из «Лады»: «Пусть Ковалев играет у нас во время локаута». Сын звонит из Америки, интересуется. Я ему категорически отвечаю: «Они меня с работы выгнали, а ты приедешь им душу тешить?! Только через мой труп! Езжай куда угодно, в Казань или в Омск, но не в Тольятти». Даже в организации мастер-класса для детей никто не помогал, встретил Лешу только директор спортшколы Сергей Востриков. Остальным это оказалось неинтересно.

Но простой народ в Тольятти любит Ковалева. Недавно по телевизору показывали рейтинг лучших людей города. Так вот, сын занял третье место – после гимнаста Алексея Немоваи какого-то борца. Владимир Каданников, генеральный директор «АвтоВАЗа» – только десятый…

Полина Михайловна КОВАЛЕВА, мама

– Леша обожает спорт. Помню, когда ему было лет 11–12, мы летом отправились в Гагры. Народ катался по морю на водных лыжах, и сын загорелся. «Мама, – говорит, – дай денег. Хочу проехать всю дистанцию и не упасть». Дорого стоило удовольствие. Рублей пять, не меньше. Но куда деваться? Дала деньги. Леша разогнался и упал. Это его не устроило. Второй раз поехал – опять упал. В третий раз подходит: «Мама, пожалуйста, давай еще разик! Я когда пойду работать, тебе все отдам». Мне не жалко – сын опять встал на лыжи, и на этот раз все получилось.

Любил кулинарить. Однажды прихожу с работы – на столе свежие вафли. Как их сделал? Оказывается, сам приготовил тесто. Нашел в шкафу электровафельницу и разобрался в инструкции, выучил рецепт. Вкусно получилось.

В школе не все шло гладко. И хулиганил, и жалобы на сына случались. Как-то подрался с одним пацаном. К нам домой пришла классная руководительница. Сидели, разбирались в ситуации. Оказалось, что Леша не виноват – он сдачи давал.

Когда врач сказал, что у сына возникли проблемы с сердцем, я решила запретить ему играть в хоккей. Но разве Лешку удержишь? Представляете, он дома натягивал коньки и спешил во двор. Лифт не работал, так он спускался по ступенькам… на заднице. И смех, и грех. Пыталась говорить с ним по душам: «Понимаешь, это все плохо может закончиться. С сердцем не шутят». Все равно не слушал. Но лекарства принимал, зарядку делал и на учете у врача-ревматолога стоял. Слава богу, обошлось без осложнений. И доктора сняли запрет.

Когда сын решил ехать в Москву… Передать не могу, сколько я слез выплакала. Отец все заранее знал, он же с Лешкой ходил на стадион. Когда они об этом сказали, хотела никуда не пускать сына. Начала возмущаться: «Куда он один поедет в 14 лет?». Муж меня уговаривал: «Там за ним присмотрят, помогут». Потом Алешка подошел: «Мама, отпусти. Очень тебя прошу. Все будет хорошо». Надо было видеть его глаза. Как же он рвался в «Динамо»! И я сдалась… На вокзале, когда прощались, сказала: «Леша, прошу тебя, уйди первым». Тяжело было вынести расставание. Мужчины такие моменты легче переносят. А я еще долго ревела.

Но слезы эти были не зря. Замечательный у меня сын. Очень им горжусь, люблю. Сейчас общаемся реже – у Леши своя семья, дети. Но не забывает. Я ему сама сказала: «Часто не звони. О чем говорить каждый день? Давай созваниваться хотя бы два раза в месяц». Он этого придерживается. Узнает, как мое здоровье, как дела. Недавно ездила в пансионат в Ульяновской области – не без помощи сына. Помогает, как может, заботится.

Евгения КОВАЛЕВА, жена

– Первое впечатление, когда я увидела Лешу… Не поверите, но именно такое – как здорово он играет в теннис! Техника у него очень хорошая. И не скажешь, что хоккеист. Вообще он мне сразу понравился. Спокойный, уравновешенный. Нет наглости и заносчивости. Хорошо воспитан, веселый. Все это я оценила в Леше чуть позже. Мы вместе провели целый день. Второй раз встретились не в январе на моем дне рождения, как сказал муж – незнакомых ребят я, само собой, приглашать бы не стала. А в сентябре, когда началась школа. Опять на корте – у нас целая компания собралась, которая в «Динамо» занималась. Леша в ней редко появлялся, его часто в юниорскую сборную вызывали. И он начал мне со сборов звонить. Так у нас начался телефонный роман.

Дни рождения отмечали вместе. 24 февраля моя мама заказала огромный торт. Мы с Лешей притащили его на «Водный стадион» в комнату общежития, начали вытаскивать из коробки за четыре угла бумажки… По закону подлости бумага порвалась, и торт шлепнулся. Кремом на пол.

До знакомства я совершенно не разбиралась в хоккее. Потом начала ходить на стадион, где играло «Динамо». Смотрела с трибуны только за Лешей. Сразу не могла понять, почему он то появляется на площадке, то куда-то исчезает. Не знала, что в хоккее делаются замены… Когда перестала быть профаном, стала обсуждать матчи с Лешкой. Если достоин похвалы, прямо ему говорю: ты – лучший! Если нет, не стесняюсь критиковать. Но не в лоб. Например, спрашиваю: «А почему ты так поступил, а не иначе?». Мне, прежде всего, самой интересно разобраться в нюансах.

Первый приезд в Америку… Рождество. Нью-Йорк.

Переполненный «Мэдисон». И мой любимый забивает три гола! Это напоминало сказку. Ловила себя на мысли: это не со мной происходит… Я прилетаю из мрачной Москвы, где лежал грязный снег, в уютный американский городок, где Леша снимал дом. Там словно нет зимы, ярко синее небо, солнце слепит глаза.

Немчинов с женой решили показать мне Нью-Йорк. Первое место, куда я попала – Брайтон-Бич. Район, где все говорят по-русски, вывески на родном языке, на улице стоят бабушки и продают вязаные носки… Это напоминало карикатуру на Россию. А потом был Манхэттен, «Мэдисон Сквер Гарден», огромная толпа болельщиков – никогда прежде не видела, чтобы на хоккей приходило 18 тысяч зрителей.

И Лешка выигрывает матч. Не просто делает хет-трик, а забивает голы, благодаря которым «Рейнджере» побеждает «Бостон». После матча встречаюсь с Лешей возле раздевалки. Мимо проходит Майк Рихтер, видит нас и широко улыбается: «Так вот она, причина твоей хорошей игры!». Не представляете, как было приятно.

То, у меня муж имеет столько увлечений… Так это же Леша! Он всегда был таким. Мне очень нравится эта его черта характера, тяга узнать что-то новое. Он максималист. Если попал в НХЛ, то должен стать лучшим игроком. Если начал осваивать летное дело, то хочет стать профессионалом. В Советском Союзе было запрещено карате. Так в Америке мой муж начал заниматься единоборствами – выбрал тхэквондо. И заработал, если не ошибаюсь, черный пояс. Он постоянно пробует себя в чем-то новом. Берет то, что не получил в детстве, когда не мог кататься на горных лыжах, не знал, что такое гольф, даже не представлял себя за летным штурвалом. А теперь есть свобода выбора, и Леша использует ее по максимуму.

Владислав ТРЕТЬЯК, Президент ФХР

– Я вспоминаю, как работал с Ковалевым на Кубке мира-2004. Мы приехали на первый матч в Сент-Пол с американцами, и фаворитами считались хозяева. Потому что в кубковых матчах мы не могли победить сборную США еще с прошлого века. И вот сборная России преподнесла сюрприз, выиграв со счетом 3:1. А тон в игре задал именно Ковалев, который забил очень красивый, переломный гол. Этот шедевр еще долго крутили по североамериканскому телевидению.

Чем мне нравится Ковалев – по характеру он настоящий капитан. Молодые ребята к нему тянутся, берут пример. Алексей не только может каждому сказать что-то ценное в раздевалке, но и личным примером повести команду за собой. Я даже думаю, что Ковалев не затерялся бы и в сборной СССР, которая сражалась в Суперсерии-72 с канадцами. Этот игрок как раз является одним из связующих звеньев между советским и российским хоккеем. Его опыт очень важен, поэтому я только приветствую, что Ковалев решил им поделиться.

Летом 2006 года я был на презентации фильма «Мистер Кови» – он посвящен не только Ковалеву, но и отечественному хоккею. Я тогда обратился к гостям: «Во время просмотра сидел и думал, почему мы так редко снимаем кино о нашем спорте? Мальчишки должны учиться на примере выдающихся российских хоккеистов. Таких, как Ковалев, который так много делает для России, выступая за сборную и помогая больным детям».

Надеюсь, Алексей, это только первая часть автобиографии. Все-таки ты решил играть в хоккей до 50 лет. Верю, что во второй части ты напишешь, как выиграл золото Олимпиады в Ванкувере и снова стал лучшим форвардом на чемпионате мира.

Вячеслав БЫКОВ, главный тренер сборной России

– В 1992 году в сборную пришли молодые талантливые ребята с горящими глазами и с огромным желанием покорить хоккейный мир. Лешка был среди них. Наша страна тогда переживала сложный период. Для многих людей то непростое время стало критическим моментом. Они разочаровались в жизни.

Но парни вроде Ковалева контрастировали с теми, кто ударился в депрессию. В связи с огромными переменами у них появился шанс. Рано? Пожалуй. Леша играл на Олимпиаде, когда ему еще не исполнилось 19 лет. Но он сумел доказать благодаря страсти, желанию, что имеет право на место среди элиты. В той золотой сборной Ковалев совсем не терялся.

В Альбервилле мы не имели ни флага, ни гимна. Все понимали: Советского Союза уже нет, и не будет на земном шаре. Но игроков нашей сборной объединяли простые человеческие чувства – любовь к Родине, преданность профессии. Мы уважали хоккей и если бы опустились ниже своего уровня, то обманули бы, прежде всего, самих себя.

Честно скажу, не все конкуренты брали нашу сборную в расчет. И для них та недооценка сыграла роковую роль. А для нас – положительную. Но самое главное, характер у сборной был крепкий. Мы все очень сблизились. Стали соратниками. Сумели создать внутри коллектива ту искорку атмосферы, которая основывалась на доверии, доброжелательности, уверенности друг в друге и на бесшабашности – мы хотели выиграть Олимпиаду, несмотря ни на что.

Я согласен с Ковалевым, который написал в главе об Альбервилле, что наша сборная играла расслабленно, но не расхлябано. Мы четко знали, что нужно делать на площадке. Я никогда не выступал на чемпионатах мира по легкой атлетике, но бегал на сборах на 60 и 100 метров. Олимпиада чем-то напомнила мне такой вот спринтерский рывок. Когда прозвучит выстрел пистолета, нужно взять старт и выложиться полностью на короткой дистанции. Так и мы отдали все силы и эмоции за те две недели в Альбервилле. Самое яркое впечатление – финал с канадцами. Заводил уже сам факт, что мы играли с извечными конкурентами. Это классика мирового хоккея. Обыграть Канаду, да еще в матче за золото – грандиозное событие.

Ковалев всей душой остается патриотом своей страны. Настоящий русский парень, который уважает старшее поколение и как губка впитывает все лучшее, что есть в нашем хоккее. А еще делится опытом с детьми, передавая им опыт во время мастер-

классов. Эта открытость и восприимчивость присуща только великим спортсменам. Таким, как Леша Ковалев. Профессионал с большой буквы, которым может гордиться наша страна.

Яромир ЯГР, капитан «Рейнджерс»

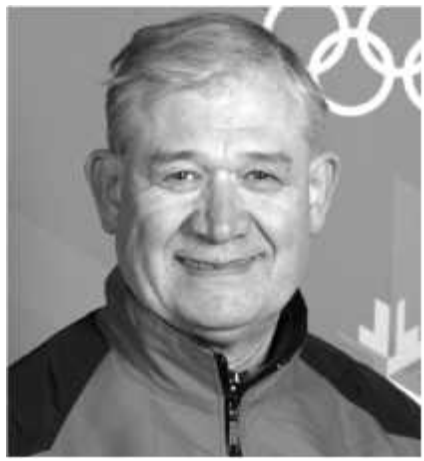
– Алекс решил написать книгу? Как здорово! Я сам недавно издал автобиографию. Она вышла в Чехии, но пока не будет переводиться на другие языки. Я рад, что Ковалев взялся за это дело. Он очень талантливый игрок. Дети и взрослые должны знать, как Алекс рос, как занимался хоккеем, что делал для того, чтобы добиться таких высот.

Мне повезло играть с Ковалевым в «Питтсбурге» и в «Рейнджере». У него стиль игры, сильно отличающийся от других форвардов. Тренер должен понять психологию Алекса, его методы и игру. Он постоянно идет на риск, поэтому у наставника должно быть большое терпение. Ковалев может создать десять острейших ситуаций, а потом три раза сделать ошибку. Но если рассмотреть его продуктивность в целом, то десять против трех – весьма неплохо, согласитесь.

Я не знаю ни одного хоккеиста, который играет один на один лучше, чем Ковалев. Я с ним в одной тройке в равных составах не выходил, потому что мы оба выступаем на правом фланге. Но в большинстве у нас хорошо вместе получалось работать. Ковалев намного облегчал мне игру, я даже не должен был бороться за шайбу. Я мог стоять на синей линии, а Алекс с легкостью вносил шайбу в зону и отдавал пас. Таким образом, он экономил мне много сил.

Но куда чаще я играл против Ковалева – в НХЛ, за сборную. Замечу, что он очень опасен на большой площадке, ну а уж о маленькой и говорить не приходится. С Алексом нужно играть

предельно осторожно. Если ты с ним остаешься один на один – пиши пропало, он оставит тебя в дураках. Поэтому нужно держать Ковалева на дистанции и даже не пытаться применить против него силовой прием. Он очень крепко стоит на ногах, так что физически выдержит удар. Короче говоря, чем дальше от тебя Ковалев, тем лучше. В идеале, чтобы он вообще не играл. Если бы Кови принимал участие в финале в Нагано, я бы не мог дать гарантию, что Чехия все равно выиграла бы у России со счетом 1:0.



Владимир ЮРЗИНОВ, экс-наставник «Динамо»

– В 1989 году я перешел из рижского в московское «Динамо». Первым делом обратил внимание на талантливых юниоров. Это мой обычный стиль работы. Я должен знать, какой резерв у команды. О Ковалеве слышал еще до перехода – мол, перспективный парень. Было вдвойне интересно с ним встретиться.

Оказалось, очень интересный игрок. Мальчишечка сразу произвел на меня впечатление. Выделялся даже на фоне остальных юношей 1973 года рождения – ту группу считаю одной из лучших в своей тренерской карьере. Золото, а не ребята.

У Ковалева особая манера катания, обводки. Шайбу он вообще никому не отдавал. Обожал обыгрывать соперников – за раз легко обводил двоих-троих. Необычный хоккеист в своих движениях и решениях. Вы обратили внимание, какие у него длинные руки? Такое впечатление, Ковалев рожден для хоккея. И его индивидуализм сразу бросался в глаза.

Я и не думал менять его манеру игры. Ни в коем случае! Чтобы Ковалев вписался в команду, нужно было учитывать его стиль. И, самое главное, самобытный характер. Леша – не самый

открытый человек. Молчаливый внимательный мальчик. С такими взглядами на жизнь, что я порой диву давался.

В кругу ребят царила творческая атмосфера. Воспоминания греют меня до сих пор. Очень люблю этих мальчишек… Решил создавать молодежное звено: Каспарайтис – железный защитник, Николишин – лидер по натуре, Яшин – всегда мог отдать пас… Ковалев – прирожденный солист. Ребята с пониманием относились к тому, что Леша часто брал игру на себя. Видели, что это – звезда, неординарная личность. Ему многое прощали.

Знаете, что эта компания во главе с Ковалевым удумала? Они договорились с электриком в Новогорске и тренировались на льду… по ночам! Час или два. Я не знал об этом. Это при том, что у них были утренние и вечерние занятия. Такие фанатичные ребята… А Лешка – самый упертый. Если задумал что-то, свернуть его с пути не удавалось никому. Давление, крики не действовали. Только беседы по душам. Серьезный разговор. Обязательно нужно было выслушать его мнение. Переломить парня не получалось. Только договориться.

Взял Ковалева в клубное турне «Динамо» по Северной Америке. Решил оставить некоторых ветеранов, лишь бы молодежь набралась опыта. Думал, хотя бы покажу Леше, что такое НХЛ. Ставку на него делать было рано – убьют еще, не дай бог. Дал Ковалеву провести, кажется, два матча: с «Монреалем» и с «Квебеком». Так он обиделся на меня на всю жизнь! Не знаю, сейчас простил? Он ехал в 17-лет играть с энхаэловцами, а не на лавке сидеть! Поразительно, как парень был уверен, что сейчас выйдет на лед и порвет этих канадцев.

Очень жалею, что не все дал Леше. Толи мне опыта не хватило, черт его знает, то ли времени… Ковалев – великолепный игрок, достигший многого. Но процентов тридцать своего колоссального таланта он не развернул. С Яшиным, Каспарайтисом я летом работал в Швейцарии, когда они уже выступали в НХЛ, помогал им, как мог. С Ковалевым тесного рабочего контакта не получилось. На Олимпиаде в Турине с ним тренировались: «А вот этот прием помнишь, Леша? А этот?». И он начинает отзываться, понимаете? Эх, не до конца я его убедил, заинтересовал своими знаниями…

Никогда не думал, что Алексей может быть капитаном команды. Потому что это ярко выраженное «я»! Индивидуальная личность, которая может сотворить все, что угодно. Как на Кубке мира-2004, когда Ковалев создавал голы из ничего. А мог выключиться из игры, обидеться на партнеров. Нов Турине у меня изменилось впечатление. Роль капитана – для Ковалева! Так он вел партнеров за собой, раскрывался сам! Эти финты, движения

корпусом… Молодым хоккеистам нужно изучать его хоккей, разбирать по деталям, анализировать. Неповторимый стиль. Я, как тренер, испытывал наслаждение от его игры.

Но работать с Ковалевым очень сложно. Он – высокий профессионал, который любит хоккей, знает его, живет игрой. И требует так их же знаний и отдачи от наставника. В Алексея нужно вкладывать душу. Ковалев раскроется далеко не каждому. Если давить его, использовать неправильно – уйдет в себя, и потом его оттуда не вытащишь. Чтобы найти с ним контакт, тренеру нужно ох как наступить себе на горло. Но если это получится, Ковалев заиграет так, что у вас дух захватит.

Теперь я разговариваю с Лешей не только как с подопечным, а как со своим другом. Ковалев прошел в хоккее то, что не удалось мне – НХЛ, жесточайшая конкуренция заместо в составе, изматывающий график регулярного чемпионата. Алексей уже стал мудрым зрелым бойцом, видавшим всякое. Не знаю, хочет ли Ковалев в будущем трудиться тренером. На его месте я бы попробовал. Это работа, в которую нужно уходить с головой. Но если Леша задастся целью – как он погружался в летное дело, гольф, музыку, каким он был капитаном в Турине – думаю, у него все получится.

Сергей НЕМЧИНОВ, тренер сборной России

– Почему-то хорошо помню, как Леха забил свой первый гол. Я боролся на пятачке, а Ковалев подлетел и добил шайбу в ворота. Первый гол в НХЛ – это большая радость. Я думал, Ковалев с такими эмоциями его и воспринял. Но сейчас припоминаю, как Леха подъезжал ко мне, зачем-то извинялся. В суматохе я даже не понял, о чем он говорит…

Я рассказывал Ковалеву, как забросил свою первую шайбу за

«Рейнджере». Это была моя вторая игра в лиге. Как раз накануне в команду пришел Марк Мессье. Мы его увидели за день до матча с «Канадцами». Сидим в ресторане за обеденным столом с Брайаном Литчем, Майком Рихтером и Джеймсом Патриком. Тут двери распахиваются, заходят наш генеральный менеджер, Мессье и его отец. Марк подходит к нам, с каждым здоровается за руку и улыбается: «Хорошо, ребята, увидимся завтра в раздевалке».

На следующий день собралось много прессы, телевидения. Обстановка в «Рейнджере» была приподнятая, хотя мы играли в Монреале, где не могли победить, кажется, восемь лет. Все ждали, что с Мессье нам удастся прервать черную серию. Народ смотрел, не отрываясь, как Марк вышел на разминку без шлема, как он катался в своей фирменной манере – на полусогнутых ногах с прямой спиной. Это впечатляло.

«Рейнджеры» довели дело до овертайма. Шайба отскочила от борта, и я добил ее в ворота. Мы победили 2:1. После игры репортеры начали подходить не только к Марку, но и ко мне. Я тогда не знал английского, и переводчика радом не оказалось. Журналисты поняли, что разговаривать со мной бесполезно и отошли. А вот Мессье мое молчание не смутило. Он начал разговор и показал на мой свитер с № 13. Как я догадался, Марк говорил о Борисе Михайлове, который тоже выступал под таким номером.

Еще вспоминаю знаменитую историю, когда Ковалева воспитывал Кинан. Майк – очень жесткий, требовательный человек. Алексей задержался на льду, и тренер оставил его на площадке на несколько смен. Леха уже описал этот эпизод в главе о «Рейнджере». Я добавлю, что над Ковалевым в тот момент никто не смеялся. Какие шутки, когда мы проигрывали?

Вообще, такие неординарные поступки – в духе Кинана. В критические моменты он переходил на игру в два звена. А однажды вообще менад вратарей через каждую минуту, чтобы сбить соперника с ритма. До курьезного доходило. Играем с «Бостоном». Вбрасывание в чужой зоне. Кинан выпускает… пятерых нападающих. Мы проигрываем «стандарт» и представьте картину: пять форвардов летят на защитника с шайбой. Другой бы растерялся, но тем игроком обороны был Брайан Бурк. Он делает пас вразрез, и бостонцы выходят втроем на нашего вратаря. Конечно, забили гол…

Во время плей-офф у Ковалева словно силы удваиваются. Энергии прибавляется, глаза горят. Он чувствует риск, и его это заводит. В четвертьфинале плей-офф-94, когда мы бились с «Вашингтоном», Кинан перевел Ковалева на позицию центрфорварда. Так Леха еще лучше заиграл! Ну а кульминация –

это шестой матч полуфинала против «Нью-Джерси». Тот эпизод у меня до сих пор перед глазами. 0:2 в пользу «Дьяволов». Кинан берет тайм-аут. И молчит все 30 секунд, скрестив руки на груди, исподлобья поглядывая на игроков. А потом объявляет: «На лед идут Ковалев, Грэйвз, Мессье». Леха набрал три очка, а Мессье сделал хет-трик. Они спасли «Рейнджеров» от поражения. Не случись этого, остались бы мы без Кубка Стэнли.

В другом плей-офф, когда я уже выступал за «Нью-Джерси», мы встретились в первом круге с «Питтсбургом». Ковалев выходил на лед с травмой руки, и все равно был одним из лучших, хотя у «Пингвинов» блистали Страка, Ягр. Леха выходил в большинстве на позиции защитника, а это далеко не просто… У нас на установке говорили, что Ковалева ни в коем случае нельзя атаковать в лоб. Играть против него следует только с подкатом, пытаясь ограничить ему пространство. А вообще, таких мастеров очень сложно остановить. Разве только не его день будет или защитники чудо совершат.

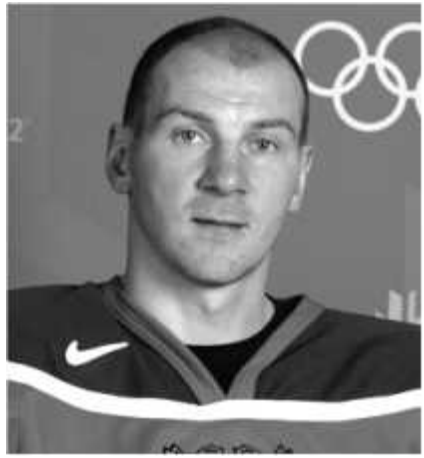
В НХЛ о Ковалеве складывается двоякое мнение. Одни считают его талантливейшим игроком, другие называют неуправляемым. Но Леха есть Леха. Те, кто не хотят принимать его таким, какой он есть, от него отказываются. Как сделал это Колин Кэмпбелл. Тренера трясло оттого, как рисково играет Ковалев. Но вот другая история. Еду я в 1994-м в командном автобусе с Кевином Лоу – он сейчас работает генеральным менеджером «Эдмонтона». Зашла речь о молодых игроках. Лоу говорит: «Мне очень нравится выступать в одной паре с Сергеем Зубовым. А Ковалев – я никогда не видел таких рук! Великолепная техника у Сергея Макарова, Владимира Крутова. Но Ковалев – это что-то необыкновенное. Смотрю на него, и душа радуется».

Адрюс КАСПАРАЙТИС, защитник «Рейнджерс»

– С Лешей я познакомился в динамовской общаге, когда мы еще в школу ходили. С первого взгляда я понял, что это очень талантливый парень. Повезло, что Юрзинов сразу обратил на нас внимание и пригласил в «Динамо». Мы играли в чемпионате, в котором выступали не только звездные динамовцы, которые старше нас на поколение, но и Ларионов, Фетисов, Крутов, Макаров, Касатонов из ЦСКА. Тогда ведь еще никто не уезжал за рубеж, и чемпионат у нас был очень сильным. В нем, правда, мы с Ковалевым много не поиграли. Но когда Леша уехал за океан, то сразу раскрылся и стал первым русским, который завоевал Кубок Стэнли. Конечно же, ему помогла школа Владимира Владимировича Юрзинова. Ну а еще тот божий дар, который у него есть.

Ковалев талантлив не только в хоккее, но и в жизни. Разносторонний человек. Я иногда поражаюсь, откуда у него столько интересов? А еще он упертый, как танк. Если ему взбредет что-то в голову, то обязательно сделает. Однажды, помню, Леха решил ездить на тренировки… на велосипеде. Представьте, на минуточку, маршрут от «Водного стадиона» до Новогорска. На дорогу в одну сторону он тратил не меньше часа, приезжал взмыленным, но потом работал наравне со всей командой. И еще долго так катался. С таким же рвением Ковалев осваивал самолеты, саксофон, гольф. Теперь вы понимаете, почему у него все так хорошо получается.

А еще он остается ребенком в душе – это ценное человеческое качество. Когда мы играли в «Питтсбурге», Ковалев таскал с собой куклу норвежского тролля – это его талисман. Дети у Лехи замечательные. Когда мы встречаемся летом в Нью-Йорке, я катаю их на своем «Феррари». Надеюсь, когда они лет через двадцать создадут тройку Ковалевых, то не забудут в нее взять защитника Каспарайтиса.



Андрей НИКОЛИШИН, экс-форвард «Динамо»

– Мы с Ковалевым жили… в подтрибунном помещении. Там находилась динамовская общага – под трибунами гребного стадиона на берегу канала имени Москвы. В двухэтажном здании кроме хоккеистов селились толкатели ядра, конькобежцы, лыжники… Кого там только не было. И в один не самый прекрасный зимний день наше общежитие загорелось. Из-за чего начался пожар, история умалчивает. Может, кто-то бычок не затушил, или электропроводка полыхнула… Нас в комнате не было – уехали на матч. Но вот сосед-конькобежец, тоже Андрей его звали, сильно пострадал. Он только вернулся с чемпионата мира, затаренный шмотками. Многие вещи погорели. А остальное из того, что на мороз из окна выкидывали, потаскали зеваки и пожарные.

Как-то мы с Лехой участвовали в групповой драке. Произошло это Восьмого марта. Ко мне приехала девушка – будущая супруга Марина, еще несколько друзей. Мы все вместе целый день гуляли на Арбате, потом заехали на «Водный стадион» – посидели, поиграли в нарды. И отправились в кафе «Онега» поужинать. Шли я с Мариной, Ковалев, Ким, еще один парень. В одинаковых куртках – как раз тогда экипировали юниорскую сборную. К нам подошла группа подвыпивших парней чуть постарше. Попросили закурить. Слово за слово, один другого послал, и накинулись на Коваля… Дрались рядом с троллейбусной остановкой. Не буду врать, но мы вчетвером раскидали десятерых хулиганов. Потом запрыгнули в троллейбус и уехали, слыша пущенные нам вдогонку злобные проклятья.

В тот вечер решили ночевать не в общаге, а у товарища в московской квартире. Утром в школе Дарюс Каспарайтис рассказал, что внушительная толпа из 25 человек поджидала нас

возле общаги. Остановили одноклубника Женьку Салтановича – он был в такой же куртке сборной. Присмотрелись – не он, и отпустили. Потом нас вызывали на центральный совет «Динамо». Долго ругали. Драка получила большой резонанс. Раз в неделю в общагу начал приезжать проверяющий, который следил за дисциплиной.

Владимир Юрзинов взял нас с Ковалевым в команду мастеров в один год. Однажды сидим мы с Лехой в раздевалке – нам дали два места в центре комнаты. А вдоль стенок сиденья для ветеранов… Ковалев был сильно развит для своего 16-летнего возраста – очень длинные, обезьяноподобные руки, ступни 45-го размера. Леха очень стеснялся, комплексовал по этому поводу. Носил кроссовки, замшевый задник которых отпирал сантиметра на два – так они ему были малы.

Так вот, приходим мы последними в раздевалку, собрав, как и положено юниорам, шайбы в ведерко. Все ребята уже разделись, отдыхают. Напротив нас – Миша Татаринов. А у него маленькая ножка, 38-й размер. Он уставился на Коваля: «Леха, у тебя какой размер ноги?». Тот покраснел, голову опустил. Но деваться некуда: «Сорок пятый». – «Так тебе в подводном ориентировании надо выступать, без ласт. Чемпионом будешь!». Все легли от смеха. Но после этого Ковалев раскрепостился, перестал стесняться своей анатомии. Хотя ребята и сейчас поражаются, когда Леха одной рукой спокойно берет баскетбольный мяч с пола. Видели, какие у него огромные лапы? Думаю, это помогает ему в игре. Я никогда не видел человека, способного как Ковалев, обвести на одном квадратном метре двух соперников. У него мягкие, быстрее, ловкие руки. Уникум.

Юрзинов приучал нас выступать на публике. Понимал, что в будущем это очень пригодится. Возил с собой на интервью – в газеты, на радио. Брал Леху, который тогда двух слов связать не мог, на станцию «Маяк» или «Юность». Ковалев вообще учился неважно. Пришел к нам в класс, где преподавали два иностранных языка – английский и немецкий. Леха же в Тольятти учил французский – знал его, наверное, на уровне десяти слов. А в школе по-французски сносно говорила только учительница математики. Она с ним и занималась индивидуально. Леха практически не уделял внимания учебе из-за тренировок, сборов, турниров. Когда же Ковалев уехал в НХЛ, мы поразились – через год он свободно говорил по-английски!

Из первой поездки в Канаду мы с Ковалевым и Вовкой Грачевым привезли себе по галстуку. Потом в них весь наш класс снимался по очереди на школьные фотографии. Смешно сейчас смотреть те карточки… В Лейк-Плейсиде каждый из нас купил

себе модные кроссовки. Гулять особо в том городе негде. Но радом с отелем находилась поляна для мини-гольфа, которой заведовал русский парень. Мы весь день в гольф и резались. Может, с тех пор у Лехи страсть к этой игре?

Что еще? Однажды в Минске играли Турнир четырех, и Леха в матче с финнами забил пять голов. Тогда мы в разных тройках выступали, но на чемпионате Европы нас с Грачевым и Ковалевым поставили в одно звено. Снова матч с финнами, и Коваль с лету забивает победный гол. Игры со сборной Суоми у него лучше всего получались.

Впервые годы, когда мы в Америку отправились, ездили друг к другу в гости – от Нью-Йорка до моего Хартфорда не так далеко. Вместе, еще с Зубовым, Карповцевым, Немчиновым, весело отмечали дни рождения.

И еще об общаге. Когда Ковалев приехал из Тольятти, он много себя выпячивал. Ребята на него обижались. Случился у нас такой уговор: давай, Леша, свое «я» задвинь на второй план. Здесь больше нужно «мы». Он проникся. Мы жили в одной комнате, вместе готовили, стирали одежду на себе под душем… Это же придумки – плоды нашего коллективного творчества.

А то, что Ковалев – яркий индивидуалист, принесло ему много пользы в карьере. Благодаря этой уверенности, порой переходящей в самоуверенность, Леха никогда не боялся сотворить на площадке что-то необычное. Не испытывал страха, что окажется смешным, что у него ничего не получится. Вот он играет на саксофоне – плевать, плохо или хорошо, – но он делает это в свое удовольствие. И во многом так. Хорошая, если разобраться, черта характера.

Игорь БУТМАН, Джазмен

– Познакомились мы на Кубке Спартака. Ковалев там играл, а я исполнял роль мешка для битья – взяли меня в команду звезд, где был недокомплект. За обедом разговорились. Я его хорошо знал по «Рейнджере». А потом Леша сказал, что хочет учиться музыке. Я сказал, что с удовольствием помогу.

Встретились в Нью-Йорке. Купили саксофон – выбрали хороший инструмент. Сразу поехали ко мне домой. Уже после первого занятия Алексей мог сыграть простенькую мелодию. Он хотел выучить композицию из «Крестного отца». Вскоре освоил и ее.

Как-то Алексей сказал, что хоккей – это музыка на льду. И я с этим согласен на 100 процентов. Когда он играет на саксофоне, то пытается импровизировать. В хоккее же умение творить, созидать что-то нестандартное, ценится очень высоко. С другой стороны, прежде чем импровизировать, нужно потратить годы тренировок, чтобы заложить базу. Ковалев добился всего не только благодаря дару божьему. Это еще результат колоссального труда.

Меня радует, что Леша – такой разносторонний человек. Вроде бы у него все есть. Но он постоянно ищет что-то новое. Развивается не только как хоккеист, но и творческая личность. Теперь он еще берет уроки игры на рояле. Не спортсмен, а человек-оркестр! Если через несколько лет Ковалев решит играть на скрипке, я не удивлюсь.

Статистика. Личное дело

Алексей КОВАЛЕВ Форвард

Родился 24 января 1973 года в Тольятти.

Рост 188 см, вес 100 кг.

Выбран «Рейнджере» на драфте-91 под 15-м номером.

Выступал в «Динамо» (1989–1992), «Рейнджере» (1992–1998, 2003–2004), «Питтсбурге» (1998–2003), «Ак Барсе» (2004 – 05), «Монреале» (2004,2005 – н.в.).

Победитель Олимпиады – 1992. Обладатель Кубка Стэнли-1994. Чемпион Евротура – 2005. Победитель молодежного чемпионата мира-1992. Трехкратный чемпион страны (1990, 1991,1992). Бронзовый призер чемпионата мира-2005. Лучший форвард чемпионата мира – 2005. Двукратный участник матча «Всех звезд» НХЛ (2001,2003).

Ковалев в сборной России

№	Дата	Город	Тип	Соперник	Голы
1	13.04.1992	Москва	ТМ	Россия – Швеция (5:2)	0
2	18.04.1992	Ландсхут	ТМ	Россия – Германия (2:2)	0
3	19.04.1992	Гармиш-Партенкирхен	ТМ	Россия – Германия (3:1)	0

4	21.04.1992	Кур	ТМ	Россия - Швейцария (3:0)	1
5	28.04.1992	Братислава	ЧМ	Россия – Швейцария (2:2)	0
6	30.04.1992	Братислава	ЧМ	Россия – Норвегия (3:2)	0
7	01.05.1992	Братислава	ЧМ	Россия – ЧСФР (4:2)	0
8	03.05.1992	Прага	ЧМ	Россия – Франция (8:0)	0
9	04.05.1992	Прага	ЧМ	Россия – Канада (6:4)	0
10	06.05.1992	Прага	ЧМ	Россия – Швеция (0:2)	0
11	16.08.1996	Москва	ТМ	Россия – Финляндия (5:4)	0
12	18.08.1996	Стокгольм	ТМ	Россия – Швеция (3:2)	0
13	20.08.1996	Ландсхут	ТМ	Россия – Германия (4:2)	2
14	23.08.1996	Детройт	ТМ	Россия – США (6:4)	1
15	25.08.1996	Калгари	ТМ	Россия – Канада (4:4)	2
16	29.08.1996	Ванкувер	КМ	Россия – Канада (3:5)	1
17	31.08.1996	Монреаль	КМ	Россия – Словакия (7:4)	0
18	02.09.1996	Нью-Йорк	КМ	Россия – США (2:5)	0
19	06.09.1996	Оттава	КМ	Россия – Финляндия (5:0)	1
20	08.09.1996	Оттава	КМ	Россия – США (2:5)	0
21	02.05.1998	Базель	ЧМ	Россия-Казахстан (8:4)	1
22	04.05.1998	Базель	ЧМ	Россия – Латвия (7:5)	3
23	06.05.1998	Базель	ЧМ	Россия – Финляндия (4:2)	1
24	07.05.1998	Базель	ЧМ	Россия – Швейцария (2:4)	0
25	09.05.1998	Базель	ЧМ	Россия – Словакия (6:1)	0
26	10.05.1998	Базель	ЧМ	Россия – Чехия (2:2)	0
27	15.02.2002	Солт-Лейк-Сити	ОИ	Россия – Белоруссия (6:4)	0
28	16.02.2002	Солт-Лейк-Сити	ОИ	Россия – США (2:2)	0
29	18.02.2002	Солт-Лейк-Сити	ОИ	Россия – Финляндия (1:3)	0
30	20.02.2002	Солт-Лейк-Сити	ОИ	Россия – Чехия (1:0)	0
31	22.02.2002	Солт-Лейк-Сити	ОИ	Россия – США (2:3)	1
32	23.02.2002	Солт-Лейк-Сити	ОИ	Россия – Белоруссия (7:2)	2
33	22.08.2004	Кельн	ТМ	Германия – Россия (3:3)	0
34	27.08.2004	Колумбус	ТМ	США – Россия (2:0)	0
35	29.08.2004	Оттава	ТМ	Россия – Словакия (0:0)	0
36	02.09.2004	Сент-Пол	КМ	США – Россия (1:3)	1
37	04.09.2004	Торонто	КМ	Канада – Россия (3:1)	0
38	05.09.2004	Торонто	КМ	Словакия – Россия (2:5)	1
39	07.09.2004	Сент-Пол	КМ	США – Россия (5:3)	0
40	16.12.2004	Москва	ЕТ	Россия – Финляндия (2:1)	0
41	18.12.2004	Москва	ЕТ	Россия – Швеция (4:1)	0
42	19.12.2004	Москва	ЕТ	Россия – Чехия (1:0)	0
43	10.02.2005	Хельсинки	ЕТ	Финляндия – Россия (3:4)	1
44	12.02.2005	Стокгольм	ЕТ	Швеция – Россия (3:2)	0
45	13.02.2005	Стокгольм	ЕТ	Чехия – Россия (4:3)	0

46	22.04.2005	Стокгольм	ЕТ	Швеция – Россия (1:2)	0
47	24.04.2005	Москва	ЕТ	Россия – Швеция (5:2)	1
48	27.04.2005	Любляна	ТМ	Словения – Россия (0:4)	0
49	30.04.2005	Вена	ЧМ	Австрия – Россия (2:4)	1
50	02.05.2005	Вена	ЧМ	Словакия – Россия (3:3)	0
51	04.05.2005	Вена	ЧМ	Россия – Белоруссия (2:0)	0
52	06.05.2005	Вена	ЧМ	Россия – Швейцария (3:3)	1
53	08.05.2005	Вена	ЧМ	Чехия – Россия (1:2)	0
54	09.05.2005	Вена	ЧМ	Россия – Казахстан (3:1)	0
55	12.05.2005	Вена	ЧМ	Россия – Финляндия (4:3)	0
56	14.05.2005	Вена	ЧМ	Россия – Канада (3:4)	0
57	15.05.2005	Вена	ЧМ	Швеция – Россия (3:6)	1
58	15.02.2006	Турин	ОИ	Россия – Словакия (3:5)	1
59	16.02.2006	Турин	ОИ	Россия – Швеция (5:0)	1
60	18.02.2006	Турин	ОИ	Казахстан – Россия (0:1)	0
61	19.02.2006	Турин	ОИ	Россия – Латвия (9:2)	0
62	21.02.2006	Турин	ОИ	США – Россия (4:5)	1
63	22.02.2006	Турин	ОИ	Россия – Канада (2:0)	1
64	24.02.2006	Турин	ОИ	Финляндия – Россия (4:0)	0
65	25.02.2006	Турин	ОИ	Россия – Чехия (0:3)	0

Условные обозначения: ОИ – Олимпийские игры; КМ – Кубок мира; ЧМ – чемпионат мира; ЕТ – Евротур; ТМ – товарищеский матч. Статистика предоставлена сайтом www.nationalteamrussia.narod.ru

Всего: 65 матчей за сборную, 27 голов
Против США и Канады: по 9 матчей – 4 гола;
Латвия: 2 – 3;
Финляндия: 8–3;
Швеция: 9–3;
Белоруссия: 3–2;
Швейцария, Германия: по 4–2;
Словакия: 6–2;
Австрия: 1–1;
Казахстан: 3–1;
Франция, Норвегия: по 1–0;
Чехия:7 -0.

Ковалев в чемпионате России

Сезон	Клуб	И	Г	П	О	Ш
1989/90	Динамо	1	0	0	0	0
1990/91	Динамо	18	1	2	3	4
1991/92	Динамо	33	16	9	25	20
1994/95	Лада	12	8	8	16	49
2004/05	Ак Барс	35	10	12	22	80
Всего:		99	35	31	66	153

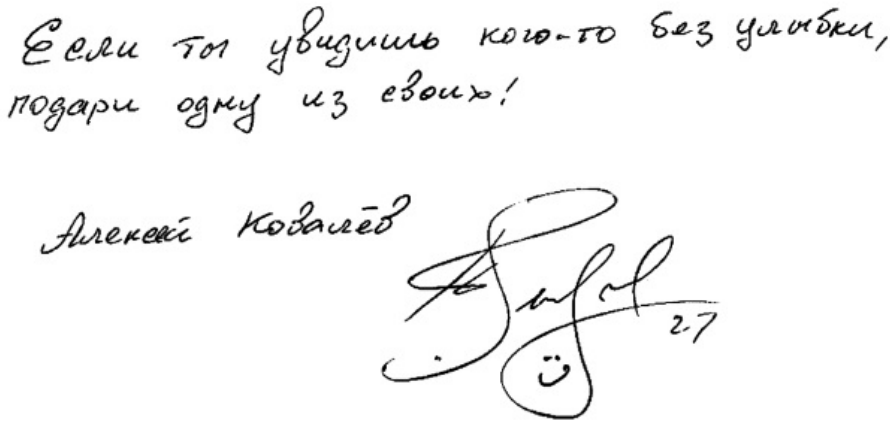
Ковалев в регулярное чемпионате НХЛ

Сезон	Клуб	И	Г	П	О	+/-	Ш	Б	%
1992/93	Рейнджерс	65	20	18	38	-10	79	134	14,9
1993/94	Рейнджерс	76	23	33	56	+18	154	184	12,5
1994/95	Рейнджерс	48	13	15	28	-6	30	103	12,6
1995/96	Рейнджерс	81	24	34	58	+5	98	206	11,7
1996/97	Рейнджерс	45	13	22	35	+11	42	110	11,8
1997/98	Рейнджерс	73	23	30	53	-22	44	173	13,3
1998/99	Рейнджерс	14	3	4	7	-6	12	35	8,6
1998/99	Питтсбург	63	20	26	46	+8	37	156	12,8
1999/00	Питтсбург	82	26	40	66	-3	94	254	10,2
2000/01	Питтсбург	79	44	51	95	+12	96	307	14,3
2001/02	Питтсбург	67	32	44	76	+2	80	266	12,0
2002/03	Питтсбург	54	27	37	64	-11	50	212	12,7
2002/03	Рейнджерс	24	10	3	13	2	20	59	16,9
2003/04	Рейнджерс	66	13	29	42	-5	54	178	7,3
2003/04	Монреаль	12	1	2	3	-4	12	29	3,4
2005/06	Монреаль	69	23	42	65	-1	76	206	11,2
2006/07	Монреаль	73	18	29	47	-19	78	197	9,1
Всего:		991	333	459	792	-29	1056	2809	11,9

Ковалев в плей-офф НХЛ

Сезон	Клуб	И	Г	П	О	+/-	Ш	Б	%
1993/94	Рейнджерс	23	9	12	21	+5	18	71	2,7
1994/95	Рейнджерс	10	4	7	11	+2	10	23	7,4
1995/96	Рейнджерс	11	3	4	7	0	14	31	9,7
1998/99	Питтсбург	10	5	7	12	0	14	24	0,8
1999/00	Питтсбург	11	1	5	6	-1	10	37	2,7
2000/01	Питтсбург	18	5	5	10	-2	16	44	1,4
2003/04	Монреаль	11	6	4	10	+2	8	29	0,7
2005/06	Монреаль	6	4	3	7	+3	4	15	6,7
Всего:		100	37	47	84	+9	94	274	3,5

Условные обозначения: И – игры, Г – голы, П – передачи, О – очки, +/– показатель полезности, Ш – штрафные минуты, Б – броски, % – процент точности броска.



Благодарность за помощь в работе над книгой выражаю Геннадию Богуславскому, Наталье Брагилевской, Сергею Волкову, Марку Лейдерману, Виталию Славину, Владиславу Домрачеву, руководству сайта http://slapshot.kulichki.com